Ниал Фергюсон

Великое вырождение

Как разрушаются институты и гибнут государства

CORPUS

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Как сделать так, чтобы финансовая система работала на общество, а не против него, была основой стабильности, а не источником проблем? Должно ли государство вмешиваться в работу банков, судов и образовательных учреждений? В чем причина слабеющего финансового и политического влияния Запада в мире? Эти вопросы остро волнуют не только западный мир. По мнению британского историка Ниала Фергюсона, главная проблема – в вырождении гражданских институтов. Только возврат от верховенства законников к верховенству закона, отказ от избыточного регулирования и неравнодушие граждан могут изменить ход событий и предотвратить кажущийся неизбежным коллапс.

- Ниал Фергюсон
  -
  - Введение
    - По ту сторону делевереджа
    - О застое
    - Четыре ящика
    - Об упадке институтов
  - Глава 1
    - О “великой дивергенции”
    - Славные институты
    - Бесславная революция
    - Англичане и их долги
    - Партнерство поколений
    - Расстроенные финансы
  - Глава 2
    - Иллюзия дерегулирования
    - Кризис и регулирование
    - Кто регулирует деятельность регуляторов?
    - Неразумный замысел
    - Уроки “Ломбард-стрит”
    - Как взбодрить банкиров
  - Глава 3
    - Искушение правом
    - Английское право
    - Право, экономика и история
    - Викторианцы и право
    - Верховенство права и его враги
    - Правовая реформа в мире

        - Верховенство законников
    - Глава 4
        - Как вычистить пляж
        - Возрастание и убыль социального капитала
        - Приватизация школ
        - Большее общество
    - Заключение
        - Как объяснить неравенство?
        - Урбанизация и будущее
        - Те, у кого заряжен револьвер – и те, кто копает
        - Против технооптимизма
        - Это не вы его создали
    - Благодарности
- notes
    - Примечания
        - 1
        - 2
        - 3
        - 4
        - 5
        - 6
        - 7
        - 8
        - 9
        - 10
        - 11
        - 12
        - 13
        - 14
        - 15
        - 16
        - 17
        - 18
        - 19
        - 20
        - 21
        - 22
        - 23
        - 24
        - 25
    - Комментарии
        - 1
        - 2
        - 3

- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47

- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91

- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135

- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179

- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191

Ниал Фергюсон
Великое вырождение. Как разрушаются институты и гибнут государства

Посвящается Томасу

© Niall Ferguson, 2012
© И. Кригер, перевод, 2016
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2016
© ООО “Издательство АСТ”, 2016
Издательство CORPUS ®

Введение

По ту сторону делевереджа

Еще летом 1989 года Фрэнсис Фукуяма уверенно предсказывал “безоговорочную победу экономического и политического либерализма”, “триумф Запада” и указывал, что “конечным пунктом идеологической эволюции человечества” станет “повсеместное принятие западной либеральной демократии как высшей формы общественного устройства”{1}. Как это не похоже на то, что мы видим сейчас! Репутация “экономического либерализма” подмочена, а сторонники “государственного капитализма” в Китае и других странах открыто смеются над западной демократией. Запад стагнирует, и это касается не только экономики. В 2012 году Всемирный банк прогнозирует экономический спад в Европе и рост в США – однако лишь на 2 %. Китай развивается в четыре раза быстрее, а Индия – в три. Согласно расчетам Международного валютного фонда, к 2016 году ВВП Китая превысит американский[1]. Те, кто делал инвестиции на Западе в 1989 году, остались в проигрыше (с 2000 года они почти ничего не заработали), зато остальные инвесторы оказались с избытком вознаграждены. Эта “великая реконвергенция” – гораздо более удивительное историческое событие, нежели предугаданный Фукуямой крах коммунизма. В то время центр притяжения мировой экономики приходился на север Атлантики. Сейчас он находится за Уралом, а к 2025 году сместится к северу от Казахстана и окажется примерно на той же параллели, что был в 1500 году, накануне подъема Запада{2}.

Новейшее из объяснений экономического спада на Западе – делевередж, болезненный процесс сокращения доли задолженности (или исправления баланса). Конечно, размер нынешнего долга стран Запада необычаен. Лишь второй раз в американской истории совокупный объем государственного долга и негосударственной задолженности превысил 250 % ВВП. Институт Маккинзи, изучив ситуацию в 50 странах, выделил сорок пять случаев сокращения доли заемных средств (делевереджа) с 1930 года. Лишь в восьми случаях соотношение начального государственного долга и ВВП превысило 250 %. Именно это мы наблюдаем не только в США, но и в ведущих англоязычных странах (кроме Австралии и Канады), ведущих континентальных государствах Европы (Германия – не исключение), в Японии и Южной Корее{3}. Теперь домохозяйства и банки стремятся избавиться от долгов, которые накопили, неразумно играя на постоянном росте цен на недвижимость. Это аргумент в пользу делевереджа. Но когда люди решили меньше

тратить и больше накапливать, совокупный спрос упал. Чтобы этот процесс не вызвал опасное “утяжеление” долга, правительства и центральные банки прибегли к беспрецедентному для мирного времени налогово-бюджетному и денежно-кредитному стимулированию. Дефицит бюджета в государственном секторе помог минимизировать ущерб, однако возник риск трансформации чрезмерной негосударственной задолженности в разрастание государственного долга. Аналогично расширение баланса центральных банков, то есть увеличение денежной базы, предотвратило вал банковских банкротств, однако негативно сказалось на развитии и успехе рефляционной политики.

Кроме делевереджа, происходит кое-что еще. За три года, предшествовавших июню 2009 года, в США появилось 2,4 млн рабочих мест. В тот же период 3,1 млн работников обратилось за пособиями по нетрудоспособности. Доля американцев трудоспособного возраста, получающих страховые выплаты по инвалидности, выросла менее чем с 3 % в 1990 году до 6 %{4}. Безработица становится скрытой и одновременно постоянной: европейцам хорошо известно, как это бывает. Трудоспособных признают нетрудоспособными, и те более не работают. Кроме того, эти люди в прямом смысле сидят на месте: прежде около 3 % населения США ежегодно переезжало в другой штат – как правило, в поисках работы. С 2007 года, когда начался финансовый кризис, этот показатель снизился вдвое. Уменьшилась и социальная мобильность. Наконец, в отличие от Великой депрессии, нынешняя Малая депрессия мало способствует уходу от вопиюще несправедливого распределения доходов в последние 30 лет. Доля национального дохода, приходящаяся на 1 % наиболее богатых домохозяйств, выросла с 9 (в 1970 году) до 24 % (в 2007-м), а в следующие три кризисных года сократилась менее чем на 4 процентных пункта.

Не стоит винить во всем делевередж. В США идут споры о глобализации, научно-техническом прогрессе, будущем образования и бюджетно-налоговой политике. Консерваторы винят глобализацию и прогресс в неотвратимых переменах: автоматизация труда и офшоризация экономики устраняют потребность в низкоквалифицированных работниках. Либералы предпочитают видеть в растущем неравенстве результат недоинвестирования в государственное образование вкупе с предпринятым республиканцами снижением налогов, от которого выиграли богачи{5}. Однако есть основания думать, что дело в другом: в факторах, недооцененных в ходе провинциальной перебранки, которая заменила в Америке политическую

дискуссию.

Кризис государственных финансов характерен не только для США. Япония, Греция, Италия, Ирландия, Португалия также в числе стран с долгом более 100 % ВВП. Скорректированный с учетом экономического цикла дефицит госдолга Индии еще больше, чем был в США в 2010 году. Япония, стараясь сохранить устойчивое соотношение госдолга и ВВП, испытывает еще более серьезные затруднения{6}. Сходные проблемы (замедленный рост плюс растущее неравенство) у США. В англоязычных странах доля в национальном доходе 1 % наиболее богатых домохозяйств росла примерно с 1980 года, и то же самое происходило, пусть в меньшей степени, в некоторых европейских странах, особенно в Финляндии, Норвегии и Португалии, а также во многих развивающихся странах, например в Китае{7}. Уже в 2010 году в КНР насчитывалось не менее 800 тыс. долларовых миллионеров и 65 миллиардеров. Из богачей, принадлежащих к глобальному "1 %", в 2010 году 1,6 млн было китайцами (это почти 4 % мировой "популяции богачей"){8}. При этом в других странах, в том числе в Германии – самом экономически развитом государстве Европы, – неравенство не усилилось. А в некоторых менее развитых странах, особенно в Аргентине, при усилении неравенства не увеличилась доля в мировой экономике.

Глобализация (как ясно из этого слова) в той или иной степени затрагивает все страны. То же самое можно сказать об информационной революции. При этом показатели экономического роста и распределения доходов сильно разнятся, и узкоэкономический подход не в состоянии объяснить эти различия. Рассмотрим пример чрезмерного увеличения доли заемных средств (левередж). У всякой страны с высоким уровнем задолженности небогатый выбор. Вариантов, по сути, три:

> 1) Сохранять темп роста выше процентной ставки благодаря техническому прогрессу и, возможно, разумным мерам денежно-кредитного стимулирования;
>
> 2) Объявить дефолт в отношении большей доли государственного долга и начать процедуру банкротства с целью избежать выплаты негосударственного долга;
>
> 3) "Обесценить" свой долг посредством девальвации национальной валюты и инфляции.

Какой вариант (или какие варианты) выберет определенное государство, не в состоянии предсказать ни одна из господствующих ныне экономических теорий. Почему в Германии после 1918 года началась гиперинфляция, а в Америке после 1929 года наблюдался вал банкротств и массовый отказ платить по

долгам? Почему не наоборот? Сейчас кажется все менее вероятным, что какая-либо из крупнейших развитых стран сможет “разогнать” инфляцию, чтобы обесценить свои обязательства, как неоднократно бывало в 20-х и 50-х годах{9}. Но почему бы и нет? Известное изречение Милтона Фридмана (инфляция – это “всегда и везде монетарное явление”) оставляет без ответа вопросы, кто и почему порождает избыток денег. В действительности инфляция – явление главным образом политическое. Ее вероятность зависит от таких факторов, как содержание элитарного образования, конкуренция (или ее отсутствие) в экономике, характер правовой системы, уровень насилия в обществе и, наконец, сам по себе процесс выработки политических решений. Лишь исторически можно объяснить, почему долг столь многих государств в последние 30 лет приобрел такую форму, что его, по сути, невозможно уменьшить при помощи инфляции, а также почему это ведет к тому, что следующему поколению придется платить по векселям отцов и дедов.

Столь же легко объяснить, почему в возникновении финансового кризиса виноваты чрезмерно крупные финансовые организации с высокой долей заемных средств. Однако гораздо труднее понять, почему сейчас, спустя четыре года дискуссий, еще не решена проблема банков “слишком больших, чтобы лопнуть”. Несмотря на недавнее появление буквально тысячестраничного закона [Додда – Фрэнка], положение заметно ухудшилось{10}. В наши дни в США всего десять многопрофильных финансовых организаций распоряжаются 3/4 финансовых активов, находящихся в доверительном управлении. И все же крупнейшим банкам страны недостает по меньшей мере 50 млрд долларов, чтобы соответствовать требованиям достаточности капитала по стандарту “Базель III”. Повторю: лишь политический и исторический подходы способны объяснить, почему западные политики сейчас почти одновременно призвали банки расширять кредит и сокращать балансы.

Почему сейчас в сто раз дороже, чем 60 лет назад, выпустить на рынок новое лекарство (этот феномен Хуан Энрикес назвал “законом Мура[2] наоборот”)? Почему Управление США по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов запретило бы продажу столовой соли, если бы ту выставили на продажу как новый фармакологический препарат (ведь соль в больших дозах вредна)?{11} И почему некоему американскому журналисту пришлось потратить целых 65 дней на получение разрешения (причем около пяти недель он ждал сертификата об умении обращаться с пищевыми продуктами), чтобы поставить в Нью-Йорке киоск с лимонадом?{12} Именно в

бюрократической волоките эксперты по экономическому развитию часто видят причину нищеты в Африке и Латинской Америке. Чересчур жесткие стандарты Управления по санитарному надзору обусловлены нежеланием допустить продажу препаратов наподобие талидомида. Однако в итоге почти наверняка больше людей умрет раньше срока, чем при менее жесткой паспортизации погибло бы от побочных эффектов лекарств. Мы внимательно следим за побочными эффектами, однако не принимаем в расчет цену недопущения на рынок новых препаратов.

Почему в США социальная мобильность в последние 30 лет снизилась настолько, что шансы пробиться в верхний квартиль для человека, родившегося в семье, которая принадлежит к беднейшей четверти населения, уменьшились более чем вдвое? {13} Когда-то США считались страной неограниченных возможностей, в которой семья всего за одно поколение могла выбиться “из грязи в князи”. Сейчас же, если ваши родители не принадлежат к богатейшим 20 % населения, без университетского диплома у вас есть лишь пятипроцентный шанс попасть в эту страту. Представители “когнитивной элиты” (выражение Чарльза Мюррея) обучаются в привилегированных частных университетах, женятся друг на друге и оседают в “резервациях для богатых”. Эта “когнитивная элита” все сильнее напоминает касту, обладающую достаточным богатством и влиянием, чтобы преодолеть эффекты закона чередования применительно к репродукции. Так что даже неблестящее потомство этих людей унаследует образ жизни родителей{14}.

О застое

Адам Смит в двух редко цитируемых отрывках из “Богатства народов” описывает некогда благополучную страну, которая остановилась в развитии. Смит указывает на деградацию социальной жизни. Во-первых, заработная плата большей доли населения прискорбно низка[3]:

> В стране, обладающей значительным богатством, которое, однако, в течение продолжительного времени не возрастает, мы не должны ожидать встретить очень высокую заработную плату… Положение рабочих, этой главной массы народа, становится, по-видимому, наиболее счастливым и благоприятным скорее при прогрессирующем состоянии общества, когда оно идет вперед в направлении дальнейшего обогащения, чем когда оно приобрело уже все возможные богатства. Положение рабочих тяжело при стационарном состоянии общества и плачевно при упадке его. Прогрессирующее состояние общества означает в действительности радость и изобилие для всех его классов, неподвижное состояние общества лишено радости, а регрессирующее его состояние полно печали{15}.

Второй признак “неподвижного”, или “стационарного”, состояния по Смиту – пышная коррупция и монопольное право элиты по собственному усмотрению распоряжаться правовой и административной системами:

> В этой стране, где богатые люди и обладатели крупных капиталов пользуются почти полной неприкосновенностью, а бедняки или обладатели мелких капиталов совсем ею не пользуются, но в любое время подвергаются, под предлогом отправления правосудия, грабежам со стороны низших мандаринов, в такой стране количество капитала, вложенного во все различные отрасли ее торговли и промышленности, никогда не может достичь тех размеров, которые допускаются характером и объемом последних. В каждой отдельной отрасли притеснение бедных должно создать монополию богатых, которые, захватывая в свои руки всю торговлю, могут получать очень большую прибыль{16}.

Думаю, читателю эта картина покажется знакомой.

Конечно, к моменту выхода “Богатства народов” (1776) Китай (прежде одна “из самых богатых, то есть наиболее плодородных, лучше всего обрабатываемых, наиболее трудолюбивых и самых населенных” стран) уже давно пребывал в состоянии застоя. Смит винит в этом негодные “законы и учреждения”, в том числе бюрократический аппарат. Больше свободы для торговли и малого бизнеса, меньше бюрократии и кланового капитализма – вот предложенный Смитом рецепт от спячки. В конце XVIII века он видел плоды реформ, ожививших экономику Британских островов и американских колоний Великобритании. Но сейчас Смит отметил бы поразительные перемены: Запад в состоянии застоя, зато Китай развивается быстрее любой из развитых стран мира. Фортуна отвернулась от нас.

Эта книга – о причинах застоя Запада. Я исхожу, как и Смит, из того, что и стагнация, и развитие – во многом продукт “законов и учреждений”, а главный мой тезис таков: описание Китая времен Смита во многом применимо к нам. Проблема в наших собственных “законах и учреждениях”. Великая рецессия – лишь симптом Великого вырождения.

Четыре ящика

Я намерен показать, что западные институты выродились, и с этой целью открою несколько уже давно замкнутых ящиков с ярлыками “Демократия”, “Капитализм”, “Верховенство права” и “Гражданское общество”. Это основные элементы нашей цивилизации. В ящиках чрезвычайно сложные комплексы взаимосвязанных институтов. Подобно печатным платам компьютера или смартфона, институты заставляют агрегат работать. А если он работать отказывается, то, вероятно, один из элементов-институтов вышел из строя. Глядя на блестящий корпус, невозможно понять, в чем проблема. Придется снять крышку.

Я допускаю, что сравнение с электроникой неверно: ведь большинство институтов – плоды органического, постепенного развития и их не “изобрел” какой-нибудь прозорливец вроде Стива Джобса. Возможно, более уместное сравнение отыщется в природе. Пчелиный улей – вот хрестоматийный пример. Со времени публикации книги Бернарда Мандевиля “Басня о пчелах, или Частные пороки – общественные выгоды” (1714) люди сравнивали участников рыночной экономики с пчелами в улье. Как мы увидим, параллель эта довольно верна, хотя применима она скорее к политической, а не экономической жизни (Мандевиль это хорошо понимал). Институт для людей – примерно то же, что ульи для пчел: корпус, внутри которого мы образуем группы. И так же, как вы чувствуете присутствие институтов, так и пчела прекрасно понимает, когда она находится в улье, а когда нет. У институтов есть рамки, нередко – стены. А также – в первую очередь – правила.

Некоторым читателям слова “заведение”, “учреждение” (*institution*) напомнят, вероятно, о викторианских домах умалишенных. (“Бедолага Ниал угодил в *заведение*”.) Так вот, я говорю не о них, а о политических институтах наподобие Конгресса США или английского Парламента. Рассуждая о *демократии*, мы подразумеваем ряд взаимосвязанных институтов. Да, люди бросают бумажки в урны для голосования. Да, они избирают депутатов – ораторствующих и голосующих в больших красивых залах. Однако все это еще не означает демократию. Депутатов в странах вроде России или Венесуэлы также будто бы избирают, однако никому из беспристрастных наблюдателей (не говоря уже о лидерах местной оппозиции) не приходит в голову называть Россию или Венесуэлу демократическими странами.

Институты не менее важны для выборов (обычно это партии,

выдвигающие кандидатов), чем бросание бюллетеней в ящики. Чиновники – государственные служащие, судьи или омбудсмены, – в чью компетенцию входит надзор за выборами, ничуть не менее важны, чем политические партии. Огромное значение имеет и то, каков парламент. Представительные органы бывают очень разными: и совершенно независимыми (таким был английский Парламент до тех пор, пока на его прерогативу не начал покушаться Евросоюз), и безмозглым "принтером" наподобие Верховного совета СССР. А депутаты могут твердо отстаивать интересы избирателей (в том числе тех, кто против них голосовал) – или сидеть на крючке у корпораций, оплативших их кампании.

В августе 2011 года, когда рушился режим Каддафи, корреспондент Би-би-си увидел на стене в Бенгази примечательный лозунг. Слева красовалось недвусмысленно революционное воззвание: "Тиран должен пасть, он – чудовище". Четко и ясно. А справа было выведено отнюдь не простое: "Мы требуем конституционного строя, и чтобы у президента было меньше полномочий, и чтобы четырехлетний президентский срок нельзя было продлевать"{17}. Таким образом, дьявол политических реформ кроется в статьях и параграфах конституции, не говоря уже о принципах работы учредительного собрания, разрабатывающего основной закон.

Как законодательная власть соотносится с исполнительной и судебной ветвями? В большинстве конституций этому вопросу уделено много внимания. А как, например, органы гражданской власти соотносятся с армией? (Это вопрос первостепенной важности для египтян.) В современных национальных государствах имеется целый ряд институтов (немыслимых еще век назад), которые регулируют экономическую и общественную жизнь, а также перераспределяют доходы. Модель государства всеобщего благосостояния не имеет отношения к демократии, какой ее видели в древних Афинах. С точки зрения пчел, такая система лишь плодит трутней. К тому же громадное количество пчел в этих условиях будут заняты только перераспределением ресурсов (в пользу трутней). Наконец, такая система стремится прокормить себя, предъявляя все новые требования (в форме государственного долга), которые придется удовлетворять в будущем. В главе 1 я рассматриваю этот и другие распределительные аспекты демократии. В частности, я попытаюсь ответить на вопрос, не являемся ли мы свидетелями разрыва контракта, названного Эдмундом Берком партнерством поколений.

В наши дни почти все считают себя демократами (я слышал

даже, что Коммунистическая партия Китая также “демократическая”). Слово “капиталист”, напротив, теперь нередко звучит как ругательство. Насколько демократические государственные институты связаны с институтами рыночной экономики? Насколько активно корпорации влияют на политику посредством лоббирования и пожертвований в избирательные фонды? Насколько деятельно государство вмешивается в экономическую жизнь посредством регулирования или с помощью субсидий, таможенных пошлин и других деформирующих рынок инструментов? Каково правильное соотношение между свободой экономической деятельности и законодательным регулированием? Этим вопросам я посвятил главу 2. Отдельно я разбираю, как излишне сложное законодательное регулирование вместо того, чтобы быть лекарством, само стало недугом и как оно вредит политическим и экономическим процессам.

Главный институциональный сигнал для субъектов экономической деятельности и участников политического процесса – это верховенство права. Демократия и капитализм немыслимы без действенного правосудия, подразумевающего, что разработанные законодателем нормы могут применяться, права граждан – защищаться, а споры между физическими и юридическими лицами разрешаться мирным и разумным путем. Но какая из правовых систем лучше – общее право или что-то совсем иное? Ведь ясно, что шариат сильно отличается от верховенства права в понимании Джона Локка.

В определенной степени уяснению различий между разными системами служит знание того, как вырабатываются нормы. В некоторых правовых системах, например в мусульманской, нормы раз и навсегда в деталях разработаны боговдохновенным пророком. По мнению консервативных исламских правоведов, эти установления менять нельзя. А, например, в английском общем праве предписания появляются естественным путем: суд оценивает имеющиеся прецеденты и нужды общества. В главе 3 я рассмотрю вопрос, может ли одна правовая система (например общее право) быть лучше всех и по-прежнему ли англоязычные страны имеют преимущество в этой сфере. Кроме того, я намерен указать опасности, грозящие деградацией верховенства права (по крайней мере в странах “англосферы”) до состояния “верховенства законников”. Действительно ли американцам правовая система служит теперь лучше, чем служила англичанам английская во времена, когда Диккенс сочинял “Холодный дом”?

Наконец, четвертый элемент: гражданское общество. Правильно понятое гражданское общество есть сфера

добровольных ассоциаций, то есть институтов, образованных гражданами для совместного достижения иных, кроме извлечения личной выгоды, целей. Таких институтов очень много, начиная со школ (хотя сейчас большинство образовательных учреждений действуют в сфере политики) и заканчивая всевозможными клубами по интересам (от воздухоплавания до изучения зоологии). В главе 4 мы снова напомним о важности правил, хотя иногда они кажутся нам пустыми (вроде требования к членам большинства лондонских клубов носить галстук и не снимать за обедом пиджак, даже если день нестерпимо жаркий).

Когда-то англичанин или американец принадлежал к поразительно большому числу клубов и добровольных ассоциаций. Эта черта англоязычных стран в XIX веке очень впечатлила французского политического философа Алексиса де Токвиля. Однако сейчас положение изменилось, и в главе 4 мы рассмотрим вопрос, до какой степени поистине свободное общество может процветать без гражданской активности. Способно ли общение в интернете хотя бы отчасти заменить традиционные ассоциации? Я думаю, что нет.

Об упадке институтов

Если в сфере политики мы, подобно пчелам, играем отведенную нам роль в улье, то в экономической сфере мы пользуемся большей свободой действий. Здесь наши институты напоминают скорее Серенгети, бесконечные долины севера Танзании и юга Кении. Одни из нас подобны антилопам гну, щиплющим травку в стаде. Другие – и их гораздо меньше – сродни хищникам. Присутствуют, кроме того, падальщики и паразиты. В экосистеме постоянно действуют дарвинистские силы, отделяющие приспособленных от неприспособленных. В рамках гражданского общества мы, подобно шимпанзе и павианам, объединяемся в группы. И, как и в любимых клубах, в стаде павианов есть иерархия и правила.

Конечно, африканские дикие животные подчиняются лишь одному закону – пресловутому “закону джунглей”. Люди иные. Хотя мы проводим жизнь отчасти в борьбе за существование, мы полагаемся на правила, которые сдерживают тех, кто нами правит, и хищников, а также паразитов, которые донимают травоядных. В мире животных верховенству права, если оно верно понято, нет точной аналогии. Разве что эта: построенная человеком инфраструктура изменяет ландшафт, укрывая и стесняя нас. Право устанавливает границы возможного примерно так же, как строители возводят стены и изгороди. (Конечно, я преувеличиваю.) Одни правовые системы напоминают тщательно спланированные города, например Москву с ее чересчур широкими проспектами и одинаковыми многоэтажками, а другие похожи на Лондон: беспорядочный клубок улиц и уникальных зданий – продукт многовековых стараний государства и частных владельцев.

В жизни всему этому есть место, и это делает изучение людей таким интересным (поэтому я стал историком, а не зоологом). Мы взаимодействуем одновременно с ошеломляющим числом институтов: мы одновременно граждане и налогоплательщики; акционеры, управляющие и наемные работники; истцы и ответчики, судьи и присяжные заседатели; члены клубов, чиновники и попечители. *Homo economicus* – лишь одна из наших ролей.

Суть в том, что не все институциональные системы равны. Встречаются удачные и неудачные комбинации институтов. В рамках некоторых систем люди действуют свободно и как личности, и как члены семьи и сообщества. Институты фактически побуждают нас делать добро, например, находить

новые, более действенные способы кооперации с соседями вместо того, чтобы всех их перебить. Некоторые структуры оказывают противоположный эффект: поощряют неблаговидное поведение, например, убийство тех, кто нам досаждает, или захват их собственности, или безделье. В обществе с негодными институтами люди оказываются в порочном кругу невежества, болезней, нищеты, нередко насилия. К сожалению, история знает гораздо больше дисфункциональных моделей. Трудно построить действительно хорошую систему. Напротив, в ситуации с негодными институтами можно завязнуть надолго. Именно поэтому большинство стран почти всегда были нищими, непросвещенными и небезопасными.

Меня восхищают работы современных обществоведов, которые различают “открытые” и “закрытые” институциональные комплексы{18}. Однако, будучи историком, я считаю это различение упрощенным. Одна из загадок истории Нового времени заключается в том, что успешные общества (например Англия в XVIII веке) нередко располагали институтами, которые, скорее всего, привели бы в ужас наших современников. Уже викторианцев шокировала английская коррупция времен Ганноверской династии. И еще в 50-х годах XIX века осуществление верховенства права в Англии вызывало у Чарльза Диккенса насмешку, а не восхищение. Более того, исторический подход открывает нечто, что многие из нас упускают из виду. Хорошо, когда общества с негодными институтами обзаводятся институтами получше. Этот процесс заметен во всем мире: в большинстве стран Азии, кое-где в Южной Америке, даже в Африке. Однако происходит и кое-что не столь заметное: хорошие институты портятся. Но почему? Кто враг верховенства права? Кто несет ответственность за порчу наших институтов по обе стороны Атлантики?

Отвечая на эти вопросы, я опирался на массу научной литературы. Сильнее всего на образ моих мыслей повлияли следующие ученые: Дуглас С. Норт, удостоившийся Нобелевской премии по экономике за изучение институтов; Пол Кольер – непревзойденный знаток современной африканской экономики и автор книг “Нищий миллиард” (*The Bottom Billion*) и “Ограбленная планета”; Эрнандо де Сото – перуанский экономист и автор книги “Загадка капитала”; Андрей Шлейфер и его многочисленные соавторы, первыми применившие экономический подход к сравнительному изучению правовых систем; наконец, Джим Робинсон и Дарон Аджемоглу, авторы книги “Почему одни страны богатые, а другие бедные”. Я глубоко обязан и другим ученым, которых я упомянул в примечаниях.

Они, однако, охотно согласились бы, что гораздо больше внимания уделяется рассмотрению вопроса, почему бедные страны остаются бедными, а не почему богатые страны нищают, что случается реже. В данном случае меня заботит не экономическое развитие, а институциональная дегенерация. И вот главный вопрос: что на Западе пошло не так? Пока мы не осознаем природу нашего вырождения, мы будем впустую тратить время, пытаясь избавиться от симптомов с помощью знахарских снадобий. Меня тревожит и то, что застой в экономике может привести к малопредсказуемым политическим последствиям.

Глава 1
Людской улей

О “великой дивергенции”

Природа… обладает великим могуществом и силой, – рассуждал английский гуманист Ричард Тавернер в книге “Сад мудрости”, – однако очевидно, что много могущественнее ее такое заведение или установление, которое в состоянии наставить, исправить и укрепить извращенную, дурную природу и обратить ее в добронравие”{19}. Тавернер выразил то, что сейчас быстро становится консенсусом: институты (в широком смысле этого слова) определили настоящее – наше и чужое – в большей степени, нежели силы природы (например климат), географические условия и даже болезни.

Почему примерно после 1500 года западная цивилизация (горстка склочных стран на западной оконечности Евразии плюс их переселенческие колонии в Новом Свете) добилась гораздо большего, чем остальные? С XVI века до конца 70-х годов XX века наблюдалось впечатляющее расхождение стандартов жизни: обитатели Запада стали гораздо богаче жителей всех остальных регионов. Возможно, 300 лет назад средний китаец зарабатывал больше среднего североамериканца, однако к 1978 году средний американец стал по меньшей мере в 22 раза богаче среднего китайца (*рис.* 1.1){20}. “Великая дивергенция” наблюдалась не только в экономике. Она проявилась и в продолжительности жизни, и в состоянии гигиены и санитарии. В 1960 году средняя продолжительность жизни в Китае не превышала 50 лет, а в США она достигла к тому времени уже 70 лет{21}. Запад доминировал в науке и поп-культуре. Он продолжал управлять миром и после краха примерно дюжины “формальных” империй, которые в лучшие свои дни занимали около 3/5 суши, распоряжались примерно такой же долей населения планеты и обеспечивали по меньшей мере 3/4 объема мирового производства. Во времена холодной войны советскую империю относили к Востоку. На самом деле СССР был последней из европейских империй, господствовавших над основными азиатскими путями.

Соотношение ВВП на душу населения США и Китая, Великобритании и Индии (1500–2008 гг.)

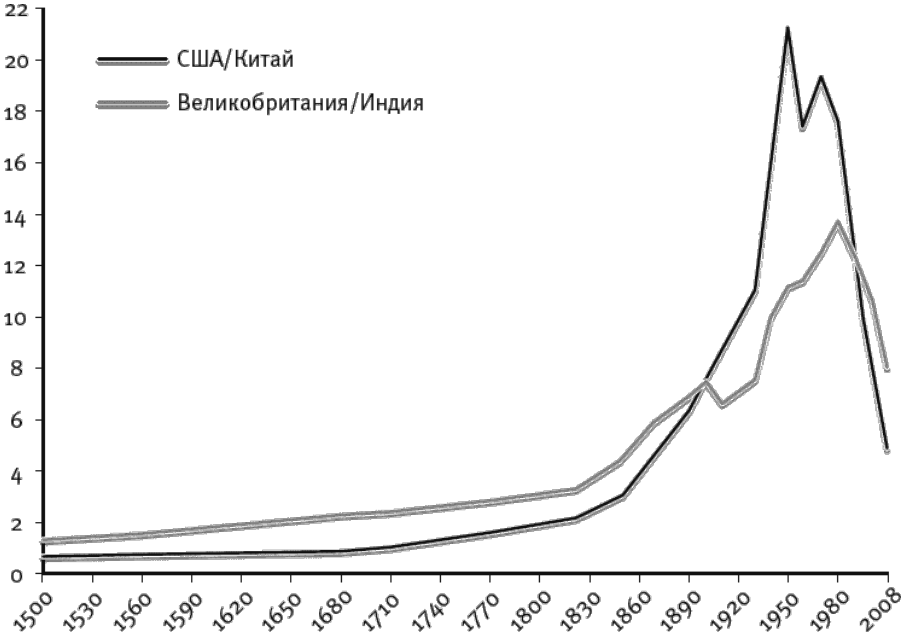

Рис. 1.1

Источник: Maddison, A. *Statistics on World Population, GDP and Per Capita GDP,* 1–2008 *AD*. См.: *http://www.ggdc.net/MADDISON/Historical_Statistics/vertical-file_*02–2010*.xls*

Чем объяснить вопиющий дисбаланс, при котором меньшая доля (1/5) человечества приобрела превосходство в материальном и политическом отношении? Дело, конечно, не в некоем "врожденном превосходстве" европейцев, как указывали расовые теоретики XIX–XX веков. Наш генофонд едва ли сильно изменился с 500 года, когда западная оконечность Евразии вступила в тысячелетний период относительного застоя. Климат, ландшафт и природные ресурсы Европы в 1500 году оставались примерно такими же, как и в 500 году. В средние века не было и намека на то, что европейская цивилизация превзойдет великие империи Востока. При всем уважении к Джареду Даймонду, замечу: хотя географические факторы и их влияние на сельское хозяйство объясняют, чем Евразия лучше других континентов, они не объясняют, почему на западной оконечности Евразии после 1500 года жилось лучше, чем на восточной{22}.

Не лучше объясняет "великую дивергенцию" и империализм. Другие цивилизации занимались завоеваниями и заокеанскими путешествиями задолго до европейцев. По мнению историка Кеннета Померанца (автор термина "великая дивергенция"), европейцам просто повезло. Они нашли "заброшенные земли" на карибских островах и скоро с избытком обеспечили свои

метрополии сахаром – удобным источником калорий, недоступным в то время большинству азиатов. Кроме того, в Европе сравнительно доступнее, чем в Азии, залежи каменного угля[23]. Допустим. Но почему тогда китайцы не так упорно, как европейцы, искали за морем “заброшенные земли”? И почему им не удалось – в отличие от англичан – разрешить технические затруднения при угледобыче?

Думаю, лучше всего причины “великой дивергенции” объясняют институты. Дуглас С. Норт, Джон Уоллис и Барри Вайнгаст выделили две ступени (схемы) социальной организации[24]. Для “естественного” государства (с “ограниченным порядком доступа” к политическим и экономическим ресурсам) характерны:

1) Замедленное экономическое развитие;
2) Относительно небольшое число организаций;
3) Немногочисленное правительство, действующее без согласия управляемых;
4) Общественные отношения, построенные на личностных и династических началах.

Вторая модель отличается “открытым порядком доступа”:

1) Ускоренное экономическое развитие;
2) Активное гражданское общество с большим количеством ассоциаций;
3) Распределенная, сравнительно менее централизованная система управления;
4) Влияние на социальные отношения имперсональных факторов (обуславливающее, например, верховенство права, защиту имущественных прав, равноправие и, по крайней мере теоретически, справедливость).

Западноевропейские государства, в первую очередь Англия, первыми перешли от модели “ограниченного порядка доступа” к модели “открытого порядка”. Для этого пришлось внедрить “институциональные механизмы, дающие элитам возможность перейти к имперсональным отношениям”, “создавать и поддерживать стимулы для открытия элиты”. Так элиты “превращают свои персональные привилегии в имперсональные права. Все элиты приобретают право образовывать организации… Здесь логика меняется. Присущую «естественному» государству логику образования ренты при помощи привилегий сменяет свойственная «открытому порядку доступа» логика размывания

ренты при помощи установления пороговых условий”.

За время с нормандского завоевания (1066) до “Славной революции” (1688) Англия превратилась из “хрупкого естественного государства” в “базисное”, а после и в “зрелое” – с “обширным комплексом институтов, управляющих, регулирующих и защищающих права на землю… способных поддерживать имперсональный обмен между элитами”. Верховенство права для элит стало одним из трех “пороговых условий”, необходимых для перехода к модели с “открытым порядком доступа”. (Остальные два – возникновение “постоянно действующих организаций в публичной и частной сферах” и “консолидированный контроль над вооруженными силами”.) По мнению Норта, Уоллиса и Вайнгаста, решительным переходом к модели “открытого порядка доступа” стали революции в Америке и Франции, сопровождавшиеся расширением учредительской деятельности в различных формах, и легитимация свободной конкуренции в экономической и политической сферах. Норт, Уоллис и Вайнгаст постоянно подчеркивают особое значение институтов, начиная с изменений в английском земельном праве после XI века и заканчивая изменениями в правовом положении юридических лиц в XIX веке.

Фрэнсис Фукуяма указывает “три источника политического порядка Нового времени”: “Сильное, эффективное государство, его подчинение праву, подотчетность правительства гражданам”{25}. Эти элементы впервые сошлись в Западной Европе, причем Англия и здесь стала первопроходцем (Фукуяма также признает успехи Голландии, Дании и Швеции). Так почему Европа, а не Азия? А потому, считает Фукуяма, что линия развития христианского Запада не способствовала укреплению родовой организации.

Дарон Аджемоглу и Джим Робинсон в книге “Почему одни страны богатые, а другие бедные” проводят любопытное сравнение между современным Египтом и Англией конца XVII века:

> Причина, по которой Англия богаче Египта, заключается в том, что в 1688 году… в Англии… произошла революция, изменившая политический, а следом и экономический строй нации. Люди боролись за расширение политических прав… и с помощью этих прав расширили свои возможности в экономической сфере. Это радикально изменило политическую и экономическую траекторию, высшей точкой которой стала Промышленная революция{26}.

По мнению Аджемоглу и Робинсона, Англия первой приобрела “инклюзивные” (“плюралистические”) политические институты взамен “экстрактивных”. Заметим, что остальным западноевропейским странам (например Испании) это не удалось, и последствия колонизации Северной и Южной Америки оказались в корне различными: англичане экспортировали в свои колонии “инклюзивные” институты, а испанцы ограничились надстраиванием “экстрактивных” институтов, имевшихся у ацтеков и инков, такими же собственными.

В империалистическом контексте ясна и разница институционального и культурологического подходов (последний сформулировал Макс Вебер, а позднее вернул в оборот Дэвид Лэндис): будто есть связь между протестантизмом и “духом капитализма”. Услышав слово “культура”, я, в отличие от нациста из пьесы “Шлагетер” Ганса Йоста, не хватаюсь за пистолет. Я ограничиваюсь вежливым вопросом о самочувствии собеседника. Очень соблазнительно приписать влияние на историю “иудео-христианской культуре”, сплаву идей и норм (древнегреческая философия, иудейские заповеди, римское право, христианская мораль, учение Лютера и Кальвина). Но в этом случае мы рискуем слыть тенденциозными. Охота на ведьм и коммунизм – порождения иудео-христианской культуры в той же мере, что и “дух капитализма”, но об этом мало кто вспоминает. Как бы то ни было, культура устанавливает нормы, а институты порождают инициативу. Британцы вели себя очень по-разному в зависимости от того, эмигрировали они в Новую Англию либо отправлялись в Бенгалию работать на Ост-Индскую компанию. В первом случае наблюдалось становление инклюзивных институтов, а во втором – экстрактивных.

Славные институты

Спор о “великой дивергенции” важен не только для историков. Понимание причин успеха Запада помогает поставить насущные вопросы о нашем недавнем прошлом, о настоящем и вероятном будущем. Институциональный подход привлекателен в частности тем, что убедительно объясняет неспособность большинства незападных стран добиться (вплоть до конца XX века) устойчивого экономического развития. Аджемоглу и Робинсон иллюстрируют тезис о влиянии институтов применительно к географии и культуре на примере города Ногалеса, разделенного надвое американо-мексиканской границей. Разница в жизненном уровне здесь ошеломительна{27}. То же самое можно сказать о двух грандиозных экспериментах времен холодной войны. Корейский и немецкий народы были разделены, причем Южная Корея и Западная Германия получили преимущественно капиталистические институты, а Северная Корея и Восточная Германия – коммунистические. Всего за несколько десятилетий стало очевидным расхождение между ними. Аджемоглу и Робинсон сомневаются, что Китай встал на путь устойчивого развития. По их мнению, рыночные реформы в этой стране обусловлены, как и прежде, интересами распределяющей основные ресурсы элиты экстрактивного типа.

Специалисты по экономике развивающихся стран (в первую очередь Пол Кольер) считают примерно так же{28}. Пример Ботсваны показывает, что страна, лежащая к югу от Сахары, вполне может добиться экономического роста, если она, в отличие, скажем, от Демократической Республики Конго, не измотана хронической коррупцией и (или) гражданской войной. Ботсване после обретения независимости удалось (в отличие от большинства бывших африканских колоний) построить инклюзивные институты. Перуанский экономист Эрнандо де Сото давно твердит о том, насколько важны институты для развития{29}. Обследовав трущобы Лимы, Порт-о-Пренса, Каира и Манилы, де Сото и его коллеги нашли, что хотя доходы бедняков невелики, в их руках сосредоточен поразительно большой объем собственности. Проблема в том, что эту почти целиком “экстралегальную” собственность не признает закон. И это не потому, что бедные не желают платить налоги. Де Сото выяснил, что в подпольной экономике функционирует собственная налоговая система (поборы рэкетиров и т. д.), на фоне которой законность безусловно привлекательна. Однако оформить право собственности на дом или мастерскую почти невозможно.

В виде эксперимента группа де Сото попыталась открыть маленькую швейную мастерскую на окраине Лимы. На оформление документов ушло 289 дней, а разрешения построить на государственной земле здание ученые добивались целых 6 лет 11 месяцев, причем им пришлось иметь дело с 52 инстанциями. Де Сото пришел к выводу, что неработоспособные институты оставляют бедняков вне правового поля. Однако не следует думать, что "экстралегальная" экономика неэффективна. В книге де Сото "Загадка капитала" меня поразил следующий факт: общая стоимость недвижимости, которой распоряжаются бедняки из развивающихся стран (и которая, однако, не оформлена в собственность), достигает 9,3 трлн долларов. Увы, без права собственности это "мертвый капитал" ("нетронутый запас энергии" наподобие "воды в высокогорном озере в Андах"), и им фактически нельзя воспользоваться для обогащения. Лишь при условии защиты имущественных прав дом можно без затруднений купить, продать, передать в залог, определить его рыночную стоимость.

Революции в странах вроде Туниса и Египта стали веским аргументом в пользу правоты де Сото. Он расценивает "арабскую весну" в первую очередь как бунт разочарованных людей, которые могли стать предпринимателями, против коррумпированных режимов, стремящихся нажиться за счет их попыток накопить капитал. Яркий пример – история 26-летнего тунисца Тарика Мохаммеда Буазизи, в декабре 2010 года устроившего самосожжение под окнами губернаторской резиденции в городе Сиди-Бузид{30}. Буазизи поджег себя час спустя после того, как сотрудница полиции и двое муниципальных служащих отняли у него два ящика груш, ящик бананов, три ящика яблок и старые электронные весы стоимостью 179 долларов. Эти весы составляли весь капитал Буазизи. Он не имел права собственности на дом, в котором жила его семья и который иначе можно было передать в залог. Бизнес Буазизи зависел от мзды чиновникам за право держать лоток с фруктами на двух квадратных метрах общественной земли. Произвольная экспроприация лишила тунисца средств к существованию и, в конечном счете, жизни. Однако его жертва вызвала революцию (еще неясно, насколько "славную"). Все зависит от того, позволит ли новое конституционное устройство перейти странам вроде Туниса и Египта от экстрактивного к инклюзивному государству, от самоуправства рентоориентированных элит к верховенству права.

Если подход де Сото верен, он во многом объясняет подъем Запада после 1500 года с институциональной точки зрения, особенно сквозь призму верховенства права: в центре английских

баталий XVII века по поводу полномочий парламента стоял вопрос о защите подданных от экспроприации королями их собственности. Конечно, профессиональному историку эта либеральная интерпретация истории кажется подозрительной (а Герберт Баттерфилд просто высмеивал ее). И все же процитированных выше авторов нельзя упрекнуть в наивно-детерминистском взгляде на исторический процесс. Здесь нет места телеологии и предрешенности, это подлинно эволюционная интерпретация, в которой главную роль играет случайность. Англии отнюдь не было предначертано (как описано в книге “1066 и все такое”[4] [покорение Англии нормандцами] и далее) стать “нацией господ”. Лишь цепь случайностей помешала в XVII веке восстановлению абсолютизма. Вспомним, например, о восстаниях в 1692, 1694, 1696, 1704, 1708 и 1722 годах, гражданской войне [мятеже якобитов] в 1715 году – и о [Втором] якобитском восстании в 1745 году{31}.

Действительно важен вопрос: насколько судьбоносным оказался институциональный поворот 1688 года? Большинство историков скажет, что он был не слишком радикальным. “Славная революция” (по их мнению, реакционная, “охранительная”) имела для общества (вне сферы аристократического влияния и патронажа) незначительные последствия{32}. Я думаю, это слишком узкий подход. В “Билле о правах” (“Акт, декларирующий права и свободы подданного и устанавливающий наследование короны”, 1689), кроме прочего, сказано:

> 4) Всякое взимание денег для надобностей короны под предлогом королевской прерогативы, без разрешения парламента, так же как и взимание на более долгий срок, нежели было указано, и не тем способом, каким было указано, противно законам.
>
> 8) Выборы депутатов в парламенты должны быть свободными.
>
> 9) Речи, составленные или произнесенные в парламенте, не могут быть преследуемы или разбираемы ни в каком суде или ином месте, кроме самого парламента.
>
> 13) Для искания средств к отвращению всех этих зол, для исправления и утверждения законов и для их поддержания необходимо часто созывать парламент.

При всем уважении к специалистам, замечу: несмотря на то, что религиозные предрассудки, а именно антикатолицизм, здесь возведены в конституционный принцип, документ знаменует исторический поворот.

Конечно, “права и свободы подданного” согласно биллю 1689 года воспринимались как явление давно привычное. Однако последствия “Славной революции” оказались неожиданными. Она привела не только к тому, что парламент после 1689 года энергично принялся за законы, которые должны были стимулировать развитие экономики: они защищали нарождающуюся текстильную промышленность, поощряли огораживание общинных земель, расширяли сети платных дорог и каналов. Даже война стала приносить прибыль, когда виги начали борьбу за мировое господство в торговле{33}. Последовательность событий очевидна: “Славная революция” – подъем сельского хозяйства – империалистическая экспансия – Промышленная революция.

Аргумент к институтам приобретает еще больший вес, если мы изберем сравнительный подход. В Китае в эпохи Мин и Цин так и не были осуществлены институциональные реформы. Власть императора и его чиновников не ограничивали ни полуавтономные корпорации, ни представительные собрания. В Азии, разумеется, действовали купцы, однако отсутствовали торговые компании, а тем более парламенты{34}. Тимур Куран указывал, что институты Османской империи сильно отличались от европейских: первые сдерживали накопление капитала и экономическое развитие. Дело в том, что в мусульманском праве совершенно иначе, нежели в правовых системах Западной Европы, трактуются вопросы наследования и кредита, деятельности юридических лиц и их правосубъектности. В исламских странах имелся институт вакфа, действовали доверительные фонды без образования юридического лица, однако не было банков{35}.

Бесславная революция

Если институциональная эволюция объясняет и превосходство Запада, и неизбывную нищету в Африке и других регионах, то не следует ли взглянуть в этом свете и на удивительнейшую тенденцию нашего времени: окончание “великой дивергенции” и начало новой Великой конвергенции Запада и Востока? Я думаю, да.

Адам Смит в 70-х годах XVIII века видел причины экономической стагнации Китая в его неудовлетворительных “законах и учреждениях”. Не значит ли это, что нынешние экономические, социальные и политические трудности Запада обусловлены вырождением наших некогда лучших в мире институтов? Почти нет сомнений, что Запад испытывает невиданный в последние 500 лет упадок. В 1978 году средний американец был более чем в 20 раз богаче среднего китайца, сейчас – лишь в 5 раз. Во многих отношениях разрыв между Западом и остальным миром резко сократился. Некоторые азиатские страны уже обошли большинство западных по ожидаемой продолжительности жизни и уровню образования. По данным за 2009 год Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (*PISA*) Организации экономического сотрудничества и развития, разница в математической подготовке подростков из Шанхая и из США столь же велика, как между юными американцами и тунисцами{36}.

Успех незападных стран в определенной мере объясним. Китай, с запозданием последовав примеру других восточноазиатских стран (первой была Япония), заимствовал большую долю (но не все)“фишек” западной цивилизации: экономическую конкуренцию, научную революцию, современную медицину, потребительское общество, трудовую этику{37}. Скопированные на Западе модели индустриализации и урбанизации работают хорошо, если вашими предпринимателями движут верные мотивы, ваши работники многочисленны, более-менее здоровы и образованны, а бюрократия достаточно эффективна. Далее я буду мало говорить о том, что удалось всему остальному миру, поскольку меня сильнее интересует, что пошло не так на Западе.

Большинство комментаторов, задающихся этим вопросом, критикуют чрезмерный государственный долг, бездарное управление банками и растущее неравенство. Но, по-моему, это лишь отдельные симптомы общей институциональной болезни –

назовем ее “бесславной революцией”, которая губит плоды пятисотлетней институциональной эволюции Запада.

Англичане и их долги

Название этой главы – “Людской улей” – отсылает к “Басне о пчелах” Бернарда де Мандевиля. Основная мысль такова: общества, располагающие правильными институтами, процветают, даже если их члены дурно себя ведут. Англию в XVIII веке превратило в одну из богатейших стран не одно религиозное благочестие: не стоит сбрасывать со счетов и вполне земные устремления. Эти устремления экономисты называют “положительными внешними эффектами” как раз потому, что английские институты того времени способствовали накоплению капитала, инвестициям и инновациям.

После “Славной революции” (1688) монарх попал в зависимость от парламента. Виги, доминировавшие при новом режиме, не только способствовали развитию сельского хозяйства, росту торговли и империалистической экспансии. Быстро развивались и финансовые институты. Вильгельм Оранский принес в Англию, помимо протестантизма, представление о центральном банке и фондовой бирже. Многочисленные ассоциации, общества и клубы поощряли научно-технический прогресс. Роберт Аллен показал, что характерное для Британии сочетание дешевого угля и недешевой рабочей силы способствовало внедрению технологий, улучшающих производительность, особенно в текстильной промышленности{38}. Однако необходимой основой для всего этого стали институты. Вот что пишет Мандевиль:

> В просторном улье пчелы жили,
> Имелось все там в изобилье;
> И множились науки в нем,
> И шел промышленный подъем;
> Закона и оружья сила
> Его величие хранила;
> И каждой новою весной
> Он порождал за роем рой.
> Ни деспота не знал он власти,
> Ни демократии напасти;
> Им управлял король, чей трон
> Законом был давно стеснен.
> Так жили пчелы жизнью вольной,
> Но были вечно недовольны[5].

Один институт оказал особенно сильное влияние на ход английской истории. Норт и Вайнгаст в статье 1989 года указывали, что подлинное значение “Славной революции” – в доверии, которое она обеспечила английскому государству как суверенному заемщику. С 1689 года парламент контролирует и совершенствует налогообложение, следит за расходами королевского двора, защищает частную собственность и умело избегает дефолта. Этот порядок, по мнению Норта и Вайнгаста, был “самоподдерживающимся” – не в последнюю очередь потому, что собственники занимали подавляющее большинство мест в парламенте. В результате английское государство смогло занимать деньги в немыслимом доселе объеме: все прекрасно знали о королевской привычке не платить по долгам, произвольно устанавливать налоги и отбирать собственность{39}. В конце XVII – начале XVIII века начался период быстрого накопления государственного долга без повышения стоимости заимствований – скорее наоборот, она снижалась.

Такое развитие событий оказалось благотворным. Во-первых, это помогло Англии стать Великобританией, а затем и Британской империей, поскольку у государства появились беспрецедентные ресурсы для ведения войн (и для побед). Во-вторых, богачи приучились инвестировать в ценные бумаги, что создало предпосылки для финансовой революции, которая трансформировала английские накопления вообще во все: от каналов до железных дорог, от торговли до колоний, от железоделательных заводов до текстильных фабрик.

Хотя за время войн с Францией английский государственный долг заметно вырос (в 1815–1825 годах он достиг наивысшего значения – более 260 % ВВП), заемный капитал принес изрядную выгоду: в соседнем столбце баланса значилась мировая империя (приобретенная преимущественно с помощью флота, финансируемого в долг). А через сто лет после Ватерлоо долг сократился благодаря устойчивому экономическому росту и профициту бюджета. Дефолта не случилось. Инфляции удалось избежать. А земной шар оказался в руках англичан.

Партнерство поколений

Теперь я хотел бы поговорить о представительном правлении. Первая посылка вряд ли вызовет возражения: лучше, если правительство в той или иной мере представляет тех, кем управляет. И не только потому, что, как заметил Амартия Сен, демократия хороша сама по себе. Представительное правление легче авторитарного откликается на перемены общественных предпочтений и, следовательно, менее склонно к ужасным ошибкам, которые столь часто совершают авторитарные правители. Те из наших современников, кто отзывается о западной демократии как об “ущербной” (а я все чаще слышу такое), склоняются к пекинской модели однопартийного государства, в котором решения принимают технократы исходя из пятилетних планов. Этой системе Китай обязан и специальными экономическими зонами (СЭЗ), и демографической политикой “Одна семья – один ребенок”. СЭЗ привели страну к успеху, а ограничение рождаемости ведет ее к катастрофе, последствия которой еще не до конца ясны.

Впрочем, критики западной демократии правы в том, что с нашими политическими институтами творится неладное. Наиболее явный симптом – огромные долги, которые мы умудрились сделать в прошедшие десятилетия и которые (в отличие от прежних) нельзя целиком объяснить военными расходами. Согласно прогнозу Международного валютного фонда, общий государственный долг Греции достигнет в 2012 году 153 % ВВП этой страны. Что касается Италии, то этот показатель составит 123 %, Ирландии – 113 %, Португалии – 112 %, США – 107 %. Долг Великобритании приближается к 88 %. Япония, первой из незападных стран позаимствовавшая западные институты, выступает в этом отношении мировым лидером. Ее государственный долг достиг невообразимых 236 % ВВП (20 лет назад было втрое меньше)[6]. Еще удивительнее соотношение долга и государственных доходов, из которых в конце концов выплачиваются проценты и погашается основной долг (*рис.* 1.2).

Чистый государственный долг (2000–2012 гг.)

Рис. 1.2

Источник: International Monetary Fund *World Economic Outlook Database*, April 2012. См.: *http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/*2012/01*/weodata/index.aspx*

Нередко, когда предметом обсуждения становится долг (будто он сам по себе представляет проблему), начинается в целом бесплодный спор между сторонниками “строгой экономии” и “экономического стимулирования”. Я же полагаю, что проблема – результат серьезного сбоя в работе институтов.

Суть в том, как государственный долг позволяет нынешнему поколению избирателей жить за счет тех, кто слишком юн, чтобы голосовать, или вообще пока не появился на свет. Следует отметить, что публикуемые показатели сами по себе неточны: они учитывают лишь долг по государственным ценным бумагам. Быстрое увеличение объема таких ценных бумаг неизбежно влечет увеличение налогового бремени работающих сейчас и будущих работников, поскольку (даже если сохранятся нынешние низкие процентные ставки для крупнейших суверенных заемщиков) сумма обслуживания долга неизбежно вырастет. Но в долг по государственным ценным бумагам не включают нередко более значительные внефондовые обязательства по программам социальной защиты наподобие (я назову крупнейшие американские проекты такого рода)“Медикэр”, “Медикэйд” и “Социальное обеспечение”.

Согласно имеющимся оценкам, разница между чистой приведенной стоимостью долговых обязательств федерального

правительства и чистой приведенной стоимостью будущих доходов федерального бюджета составляет 200 трлн долларов (то есть почти в 13 раз больше долга, о котором заявляет Министерство финансов США). Заметим, что и эти показатели занижены: они не включают внефондовые обязательства правительств штатов, а также муниципалитетов (около 38 трлн долларов)[40]. Эти умопомрачительные суммы, по сути, – исковые претензии нынешних пенсионеров (или людей, которые вот-вот выйдут на пенсию) к своим детям и внукам, которых текущее законодательство обрекает в будущем либо на заметный рост налогов, либо на заметное сокращение бюджетных расходов.

Чтобы показать масштаб проблемы, экономист Лоренс Котликофф подсчитал: для устранения бюджетного дефицита правительству США потребовалось бы немедленно повысить на 64 % все федеральные налоги – или на 40 % урезать расходы федерального правительства[41]. Более десяти лет назад, когда Котликофф представил свои “поколенные выкладки” касательно Великобритании, он вычислил (исходя из предположения, что государство увеличит расходы на пособия и здравоохранение), что для избавления от бюджетного дефицита потребуются 31-процентный рост налоговых поступлений и 46-процентное увеличение отчислений на социальное страхование[42]. Эдмунд Берк в “Размышлениях о революции во Франции” (1790) указывал, что подлинный “общественный договор” – не описанный Руссо договор между правителем и народом, не “всеобщая воля”, а партнерство, сотрудничество поколений:

> Один из первейших и ведущих принципов, освящающих государство и законы, состоит в том, чтобы временные владельцы его, не беспокоясь о том, что им вручили предки и что они должны передать потомкам, не вели себя так, будто полноправно им владеют, чтобы они не считали одним из своих прав ограничение передачи родового имения по наследству или нанесение вреда передаваемому имуществу, разрушая по своей прихоти первоначальное здание общества и тем самым подвергая риску оставить потомкам руины вместо прочного жилища – а преемников своих научить уважать их нововведения не более, чем сами они почитали установления предков… Общество поистине есть договор… Это партнерство… не только между живущими, но и между теми, кто жив, кто умер и кто еще не родился[7].

В огромных межпоколенных отчислениях, обусловленных

нынешней бюджетно-налоговой политикой, мы видим возмутительный и, вероятно, беспрецедентный отказ от такого партнерства.

Хочу подчеркнуть: сегодня важнейшая задача зрелых демократий – восстановить общественный договор между поколениями. Однако сделать это крайне нелегко. Одно из главных препятствий – молодежь не умеет просчитывать свою экономическую выгоду в долгосрочной перспективе. Удивительно просто заручиться поддержкой молодых избирателей для проведения политики, которая им самим в итоге навредит (например, введение пенсионной программы для госслужащих с установленными выплатами). Если бы молодые американцы знали, что для них по-настоящему хорошо, все они стали бы поклонниками Пола Райана[8]. Вторая проблема заключается в том, что демократические государства Запада сейчас настолько активно участвуют в перераспределении доходов, что политики, призывающие к сокращению расходов, почти всегда встречают организованный отпор со стороны или госслужащих, или получателей государственных пособий (или и тех, и других).

Существует ли конституционное решение проблемы? Упрощенное решение (уже принятое некоторыми американскими штатами, а также Германией) – поправка о сбалансированном бюджете, ограничивающая возможности законодателя увеличивать дефицит (главным образом в виде предоставления центральным банкам полномочий по ограничению свободы законодателя в сфере денежно-кредитной политики). Проблема в том, что опыт финансового кризиса сильно увеличил число сторонников использования дефицита государственного бюджета как средства стимулирования экономики в периоды рецессии, не говоря уже о финансируемых за счет увеличения дефицита государственных инвестициях в инфраструктуру. В 2011 году ведущие страны континентальной Европы вслед за Германией попытались ограничить структурный дефицит, оставив себе пространство для маневра в отношении циклического дефицита. Однако проблема этого “бюджетно-налогового пакта” в том, что лишь в двух государствах ЕС дефицит не превышает установленный предел (0,5 % ВВП). У большинства же стран структурный дефицит по меньшей мере вчетверо больше, а история показывает, что правительство, стремящееся к сокращению дефицита, неизбежно уходит в отставку.

Поэтому, вероятно, большинство нынешних избирателей одобрят курс на неравенство поколений, особенно если учесть, что пожилые избиратели посещают избирательные участки гораздо охотнее молодых. Но что если перекладывание

ответственности за расточительность бэби-бумеров не просто несправедливо по отношению к молодежи, но пагубно для всех? Что если неуверенность в будущем влияет на настоящее? Кармен Рейнхарт и Кен Рогофф указывали: трудно поверить, что на экономическое развитие страны не влияет долг, достигающий 90 % ВВП{43}. Беспокойство по поводу быстро приближающегося “фискального рифа” – возможно, одна из причин того, что экономика США в 2012 году не достигла “скорости освобождения”.

Похоже, у нас лишь два выхода. Согласно благоприятному (и менее вероятному) сценарию, сторонникам реформ удастся, ценой героических усилий, подвигнуть не только молодежь, но и значительную долю их родителей, дедушек и бабушек проголосовать за более ответственную бюджетно-налоговую политику. Выше я объяснил, почему это трудно сделать. Но, я думаю, есть способ увеличить шансы этих людей на успех. Для этого надо изменить то, каким образом правительства отчитываются в своих доходах и расходах.

Скажу откровенно: нынешняя система построена на обмане. Нет регулярно публикуемых, точных официальных балансовых отчетов. Огромные долги утаиваются. Нельзя верить даже текущим показателям доходов и расходов. Так невозможно вести легальный бизнес. Последней частной корпорацией, публиковавшей настолько же дезориентирующую отчетность, был “Энрон”.

Однако выход из положения есть. Балансы в государственном секторе могут (и должны) составляться так, чтобы пассивы можно было сопоставить с активами. Это помогло бы уточнить разницу между дефицитом средств на инвестирование и дефицитом средств на текущее потребление. Правительствам стоит вслед за бизнесом использовать Общепринятые принципы бухгалтерского учета (*GAAP*). И, прежде всего, необходимо регулярно готовить поколенную отчетность, чтобы предельно ясно оценивать последствия политического курса для разных поколений.

Если мы не сделаем всего этого (то есть не начнем полномасштабную реформу государственных финансов), боюсь, нас ждет второй сценарий – он опаснее, но вероятнее. Западные демократические страны будут следовать нынешней безответственной политике до тех пор, пока одна за другой, вслед за Грецией и другими средиземноморскими государствами, не войдут в смертельный “фискальный тодес”. Он начинается с утраты доверия, за этим следует повышение стоимости кредита, а заканчивается все тем, что государству в самый неподходящий момент приходится сокращать расходы и поднимать налоги. Итог – кризис неплатежей вкупе с инфляцией. И тогда мы все кончим, как Аргентина.

Третий сценарий реализуется в Японии, США и, кажется, в Великобритании. Государственный долг растет, но дефляционные страхи, выкуп облигаций центральным банком, а также “миграция в безопасную зону” из всех остальных регионов планеты

сохраняют затраты на обслуживание долга на небывало низком уровне. Этот сценарий опасен тем, что он предполагает близкий к нулевому рост в течение десятилетий: “стационарное состояние” на новый лад (но, в отличие от времен Адама Смита, теперь стагнирует не Восток, а Запад). Когда экономические проблемы обострились, мы, избиратели, озаботились поисками козла отпущения. Мы клянем политиков, которым выпало вернуть государственные финансы под контроль. При этом мы браним банкиров и финансовые рынки, как будто в нашем неуемном стремлении жить в кредит виновата бездумная раздача ими займов. Нам нравится жесткое регулирование, но не в отношении самих себя. В главе 2 мы обратимся от политики к экономике, от улья демократии к дарвинистским рыночным джунглям – и зададимся вопросом: не заметна ли и здесь тенденция к вырождению западных институтов?

Мы рассмотрим вопрос: не является ли излишне сложное регулирование рынков болезнью, а не лекарством? У верховенства права, как мы убедимся, – множество недругов, и среди опаснейших – авторы очень длинных и очень запутанных законов.

Глава 2
Экономика по Дарвину

Иллюзия дерегулирования

Какая наиболее серьезная проблема стоит перед мировой экономикой? Некоторые считают, что это неудовлетворительное финансовое регулирование. По мнению ряда авторитетных специалистов, причины кризиса, который разразился в 2007-м и до сих пор еще не преодолен, кроются в решениях начала 80-х годов, приведших к заметному дерегулированию финансовых рынков. Нам рассказывают, что в добрые старые времена ремесло банкира было делом “скучным”. Американский закон Гласса – Стигала 1933 года (признание его в 1999 году утратившим силу предположительно стало судьбоносным) различал деятельность коммерческих и инвестиционных банков.

“Изменения в законодательстве при Рейгане фактически покончили с ограничениями ипотечного кредитования времен «Нового курса», – писал принстонский экономист Пол Кругман. – Лишь после рейгановского законотворчества бережливость постепенно ушла из американской жизни”. Также “во многом из-за дерегулирования при Рейгане” финансовая система “рисковала слишком сильно, располагая не слишком крупным капиталом”{44}. В другой колонке Кругман с теплотой вспоминает “долгий послевоенный период стабильности… Ею мы обязаны сочетанию страхования вкладов (оно устранило угрозу массового изъятия депозитов) и строгого надзора за банковскими балансами, в том числе за рискованным кредитованием и объемом заимствований, из которых банкам позволялось финансировать инвестиции”{45}. То был, по Кругману, золотой век: “В эпоху «скучного» банковского дела наблюдался впечатляющий экономический прогресс”{46}. “Общая производительность бизнеса в Америке росла быстрее после войны, когда банки находились под жестким контролем, а рынок прямых инвестиций едва ли существовал, нежели с тех пор, когда наша политическая система решила, что жадность – это хорошо”{47}.

Кругман не одинок. Саймон Джонсон дал разгромный очерк финансового безрассудства в книге “Тринадцать банкиров”{48}. Даже Ричард Познер из Чикаго присоединился к хору сторонников возвращения закона Гласса – Стигала{49}. Более того, Сэнфорд Вайль, творец монструозной “Ситигруп”, публично покаялся в грехах{50}. Итак, вот первый набросок истории финансового кризиса: во всем виновато дерегулирование. Ничем не стесненные после 1980 года финансовые рынки пошли вразнос, дела у банкиров стали хуже некуда, и государству

пришлось их спасать. Теперь банкиров снова нужно призвать к порядку.

Я отнюдь не оправдываю банкиров, однако убежден, что эта канва неверна. Прежде всего, кажется сомнительным, что главное событие в истории американского кризиса (начавшегося с краха “Беар – Стернс” и “Леман бразерз”) не произошло бы, если бы закон Гласса – Стигала еще действовал. “Беар – Стернс” и “Леман бразерз” были чисто инвестиционными банками и могли разориться из-за неверных действий руководства и ранее 1999 года. То же справедливо в отношении фирм, чей основной бизнес состоял в коммерческом кредитовании: “Кантриуайд”, “Вашингтон мьючуэл” и “Вачовиа”, вылетевшие в трубу, даже не связывались с размещением ценных бумаг. Смехотворно и заявление, будто американская экономика до Рейгана чувствовала себя превосходно благодаря жесткому контролю над банками до 1980 года. Да, производительность в 1950–1979 годах росла быстрее, чем в 1980–2009 годах. Но в 80–90-х годах она росла еще быстрее, чем в 70-х. Кроме того, она росла неизменно быстрее, чем в Канаде с 1979 года. В отличие от Кругмана, я думаю, что в последние 70 лет на рост производительности оказывали влияние некоторые другие факторы, например, технический прогресс, образовательные реформы и глобализация. Но если бы я захотел сыграть на поле Кругмана, то громко напомнил бы, что канадское государство следит за банками еще пристальнее, чем американское, – и поэтому канадские банки уступают американским в эффективности.

Если не для американцев, то для англичан нелепо звучат рассуждения о том, что регулирование финансовых рынков обусловило их быстрое развитие, а дерегулирование, напротив, привело к кризису. До 80-х годов банковское дело в Великобритании находилось под жестким контролем. Сити был опутан густой сетью традиционных ограничений в гильдейском духе. Торговые банки (члены августейшего Комитета акцептных домов) занимались, по крайней мере теоретически, акцептованием коммерческих векселей, а также выпуском облигаций и акций. Банковское обслуживание юридических и физических лиц контролировал картель ведущих банков: они размещали депозиты и выдавали ссуды. Независимые брокеры на Лондонской бирже продавали акции, а маклеры покупали их. За всеми этими капиталистами-джентльменами следил (иногда строго, но чаще благосклонно) управляющий Английским банком, который пресекал неджентльменское поведение одним движением своих знаменитых бровей{51}. Кроме неписаных правил, во время Второй мировой войны и после нее появился

набор запутанных правовых норм. Закон “О валютном контроле” (1947), жестко ограничивший операции в любой валюте, кроме фунта стерлингов, действовал до 1979 года. Даже после краха Бреттон-Вудской системы твердых обменных курсов валют Английский банк регулярно пытался повлиять на курс фунта. Банки подчинялись действию закона “О компаниях” (1948), закона “О предотвращении мошенничества в инвестиционной сфере” (1958) и закона “О компаниях” (1967). Закон “О защите вкладчиков” (1963) осложнил жизнь тем депозитным учреждениям, которые, исходя из мудреных правил, известных как “приложение 8” [к закону “О компаниях” 1948 года] и “статья 127” [закона “О компаниях” 1967 года], не считались банками{52}. После доклада комитета Рэдклиффа (1959), авторы которого сочли традиционные инструменты денежно-кредитной политики недостаточными, к имеющимся ограничениям прибавился потолок банковского кредитования{53}. Не менее жестко регулировалось и потребительское кредитование (обычно в форме покупки с оплатой в рассрочку). От банков, признанных таковыми Английским банком, требовалось поддержание ликвидности на уровне 28 % норматива, что фактически означало покупку множества государственных облигаций.

Однако эра торжества финансового регулирования отнюдь не стала временем “впечатляющего экономического прогресса”. Напротив, 70-е годы явились для Англии, вероятно, самым бедственным в финансовом отношении десятилетием (начиная с 20-х годов XIX века). В 70-х годах грянул не только впечатляющий банковский кризис, но и наступил крах фондового рынка. Кроме того, наблюдались “ипотечный пузырь” и инфляция, темпы которой выражались двузначными числами, – и все это завершилось вмешательством Международного валютного фонда в 1976 году. В ту пору имелись собственные Берни Мэдоффы, “Беар – Стернс” и “Леман бразерс” – хотя кто теперь вспомнит Джеральда Каплана из “Лондон и каунти секьюритиз”? А “Сидер холдингс”? Или “Трайомф инвестмент траст”? Следует признать, что вторичный банковский кризис отчасти обусловлен бездарными переделками банковского законодательства правительством Эдварда Хита. Но не совсем верно считать это дерегулированием. Новая система (с говорящим названием “Конкуренция и кредитный контроль”, 1971) оказалась изощреннее прежней. Более того, грубые просчеты в денежно-кредитной и налогово-бюджетной политике стали более явными, когда начался кризис. По-моему, урок 70-х годов не в том, что дерегулирование есть зло, а в том, что худо неэффективное дерегулирование, особенно в сочетании с неэффективной

денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политикой{54}. То же самое, думаю, можно сказать и о нынешнем кризисе.

Кризис и регулирование

Финансовый кризис, начавшийся в 2007 году, вызван именно избыточным регулированием. Обстоятельный разбор последствий кризиса потребовал бы по меньшей мере пяти книжных глав. Во-первых, руководители крупных акционерных банков стремились "максимизировать биржевую стоимость акций", поскольку их собственное благосостояние во многом зависело от паев и опционов на акции собственных банков. Простейший способ сделать это заключался в расширении деятельности своих организаций соответственно размеру капитала. Во многих странах Запада балансы головокружительно выросли по отношению к собственному капиталу банков. И произошло это в результате недвусмысленной регуляции. А именно, Международная конвергенция измерения капитала и стандартов капитала (Базельский комитет по банковскому надзору, июль 1988 года) позволила банкам держать очень большой объем активов в отношении к собственному капиталу, отнеся эти активы (например государственные облигации) к низкорисковым.

Во-вторых, в 1996 году стандарты "Базель" изменились, и фирмы стали определять требования к капиталу фактически самостоятельно, исходя из внутренней оценки риска. Она стала зависеть от оценок, присваиваемых ценным бумагам (позднее – и структурированным финансовым продуктам) частными агентствами.

В-третьих, центральные банки (во главе с Федеральной резервной системой США) придерживались удивительно неровной денежно-кредитной политики. Так, они могли резко снизить процентные ставки, если цены активов внезапно падали, однако не вмешивались, если те быстро росли, но это не сказывалось на общественных ожиданиях относительно "базовой" инфляции (она не учитывает изменение цен на продовольствие и энергоносители и не смогла сдержать рост цен на недвижимость). Этот подход назвали "пут-опционом Гринспена", а позднее "пут-опционом Бернанке": федералы могли вмешаться, чтобы поддержать американский рынок капитала, – но не чтобы проткнуть "пузырь" на рынке активов. Предполагалось, что Федрезерв следит лишь за инфляцией потребительских цен, однако, как ни странно, не за ростом цен на недвижимость.

В-четвертых, Конгресс принял закон, направленный на то, чтобы больше малоимущих семей (особенно относящихся к меньшинствам) приобрели собственное жилье. На рынок ипотечных кредитов крайне негативно повлияла деятельность

финансируемых государством ипотечных агентств “Фанни Мэй” и “Фредди Мак”. И республиканцы, и демократы в силу политических и социальных причин сочли это приемлемым. Фактически (с точки зрения финансистов) они поощряли игру на американском рынке недвижимости домохозяйств с низким уровнем дохода – игру безответственную, по-крупному и не на свои деньги, причем все эти игроки, как один, ставили на одно поле.

Не пошло рынку на пользу и вмешательство Китая, который купил буквально триллионы долларов, чтобы юань не подорожал. Первичной целью этой политики было сохранение сверхконкурентоспособности китайского промышленного экспорта. Но КНР не только решила вложить в доллары излишек текущего платежного баланса. Вторичным (и непредусмотренным) последствием явилось предоставление Америке огромного займа. Поскольку Китай и другие страны приобрели в основном долговые обязательства правительства или госучреждений США, доходность этих ценных бумаг искусственно занижалась. А из-за того, что ставки ипотечного кредитования тесно связаны с доходностью казначейских облигаций, “Кимерика” (странное экономическое сотрудничество Китая и Америки)“раздула” и без того разогретый рынок недвижимости.

В этой истории лишь один момент соответствует тезису о “вреде дерегулирования”: отказ от регулирования рынка деривативов, в частности свопов на дефолт по кредиту. Страховой гигант АИГ попал в затруднительное положение из-за того, что его лондонское отделение слишком часто страховало от перемены рыночной конъюнктуры, а это, по сути, риск, который вообще не подлежит страхованию. Тем не менее я вижу первопричину кризиса не в этом. Главную роль в нем сыграли банки, а они были регулируемыми[9].

Вопрос деривативов важен потому, что такие уважаемые люди, как Пол Волкер и Адер Тернер, усомнились в экономической и социальной ценности большей доли (если вообще не всех) недавних теоретических и технических новшеств в финансовой сфере, в том числе открытия рынка деривативов{55}. Я не настолько отрицательно отношусь к новым финансовым инструментам. Я согласен с тем, что современные методы риск-менеджмента во многих отношениях неудовлетворительны, особенно если их применяют люди, забывшие (или никогда не знавшие) инструменты вроде оценки стоимостной меры риска. Нельзя игнорировать современное состояние финансовой сферы – как нельзя ликвидировать “Амазон” и “Гугл” во имя спасения книготорговцев и

библиотекарей.

Вопрос в том, улучшит ли ситуацию разрабатываемое сейчас дополнительное регулирование, уменьшит ли оно частотность или силу финансового кризиса в будущем. Думаю, это маловероятно. Более того, мне кажется, что новое законодательство может привести как раз к противоположному результату.

Проблема не в новых финансовых инструментах, а в финансовом регулировании. Финансовый кризис показал, сколь далеки от совершенства модели риск-менеджмента, которым следует частный сектор. При этом государственный сектор почти не пользуется такими моделями. Из-за того, что законодатели и регламентирующие органы действовали, мало принимая в расчет закон непреднамеренных последствий, они невольно способствовали формированию во всех развитых странах “ипотечного пузыря”{56}.

По-моему, вопрос не в том, нужно ли регулировать. Неконтролируемого финансового рынка просто *не бывает*. Шотландцы во времена Адама Смита ожесточенно спорили, регулирование какого рода нужно системе бумажно-кредитного обращения. Сам отец экономики свободного рынка предложил ряд мер, направленных на ужесточение банковского регулирования после кредитного кризиса 1772–1773 годов{57}. Не может быть финансовой системы без нормативного обеспечения принудительного возврата долга и наказания мошенников. В отсутствие законодательных ограничений некоторые банки, скорее всего, ждал бы крах из-за несогласованности срока жизни активов и пассивов, свойственной почти всем банкам со времен возникновения системы частичного банковского резервирования. Поэтому вопрос должен звучать так: какое регулирование лучше?

Кажется, мнения сейчас склоняются в пользу сложности, а не простоты; следования нормам, а не собственного выбора; кодексов поведения, а не личной и корпоративной ответственности. Я думаю, это обусловлено ошибочным пониманием того, как устроен финансовый рынок. На ум приходит шутка Карла Крауса о психоанализе, который “вместо того, чтобы стать лекарством, сам стал недугом”. Похоже, излишне сложное регулирование – недуг того же рода.

Кто регулирует деятельность регуляторов?

Мы не можем контролировать себя. Вам придется вмешаться и взять Уолл-стрит под контроль", – заявил Джон Мак, бывший глава инвестиционного банка "Морган – Стэнли", выступая в Нью-Йорке в ноябре 2009 года{58}. Американские конгрессмены не отказали г-ну Маку в любезности и приняли в 2010 году закон "О реформе финансовой системы и защите прав потребителей". (Далее – "закон Додда – Фрэнка". Он назван так по именам двух его главных авторов, сенатора и члена Палаты представителей.)

У верховенства права много врагов. Один из них – дурные законы. Закон Додда – Фрэнка (его цель – "обеспечение финансовой стабильности Соединенных Штатов путем увеличения подотчетности и прозрачности финансовой системы, отказ от системы [учреждений] «слишком больших, чтобы рухнуть», защита американских налогоплательщиков путем отказа от бэйлаутов, защиты потребителей от злоупотреблений при оказании финансовых услуг, и решение других задач") – это почти идеальный пример избыточно сложного регулирования. Этот закон предписывает регламентирующим органам разработать 243 акта, провести 67 исследований и издавать 22 периодических доклада. Взамен упраздненного регламентирующего органа образовали два новых. Установлен детализированный порядок "упорядоченной ликвидации" системообразующих финансовых институтов (СФИ). Это смягченный вариант "правила Волкера", которое запрещает СФИ покупать и продавать ценные бумаги на собственные средства, [предназначенные для покрытия обязательств перед клиентами], выступать гарантом и владеть долями в фондах прямых инвестиций и хеджевых фондах. Но это не все.

Ст. 232 закона Додда – Фрэнка предусматривает образование в каждом регламентирующем органе отдела по работе с меньшинствами и женщинами – чтобы, кроме прочего, обеспечить "активное вовлечение предприятий, владельцами которых являются представители меньшинств и женщины, в программы данного органа и договорные отношения с ним". Если вы не согласны с убеждением главы МВФ Кристин Лагард, что если бы банк "Леман бразерз" ["Братья Леман"] назывался "Леман систерз" ["Сестры Леман"], кризиса не было бы, то вы, вероятно, захотите узнать, как именно указанная статья закона будет способствовать "обеспечению финансовой стабильности Соединенных Штатов". Тот же вопрос возникает при изучении ст. 750, в соответствии с которой образуется межведомственная

рабочая группа для “изучения состояния существующих и потенциальных рынков квот на эмиссию двуокиси углерода для обеспечения эффективности, защищенности и прозрачности таких рынков”. Любопытна и ст. 1502. Она предусматривает, что товары могут быть снабжены этикеткой “Изготовлено из сырья, добытого не в Демократической Республике Конго”, если в производстве не использовались “контрабандные минералы, торговля которыми прямо или косвенно финансирует вооруженные группировки в… Конго и сопредельных государствах, либо идет на пользу таким группировкам”. Разумеется, торговля “кровавыми алмазами” – это плохо. И в дискриминации по признаку расы или пола нет ничего хорошего. И в изменении климата. Но уместно ли упоминать обо всем этом в законе?

В разделе II закона Додда – Фрэнка почти 80 страниц посвящено детальному описанию того, как ликвидировать СФИ с меньшим ущербом, нежели причинило банкротство “Леман бразерз”. Закон возлагает эту обязанность на министра финансов США, Федеральную корпорацию по страхованию банковских депозитов (ФКСД), Федеральный окружной суд и Апелляционный суд округа Колумбия. Если министр финансов и ФКСД придут к мнению, что крах финансовой организации может повлечь всеобщую дестабилизацию, они могут поставить ее под свой контроль. А если организация возражает, вашингтонские суды должны в течение одного дня утвердить либо отменить решение министра финансов и ФКСД. Причем разглашение информации о том, что такое дело рассматривается, влечет уголовную ответственность. Я понятия не имею, как экстраординарная процедура такого рода улучшит обычный порядок банкротства{59}. Может быть, следует произносить СФИ (*SIFI*) как “сай-фай” (*sci-fi*)?

Выше я указывал, что институты финансовой системы, деятельность которых максимально жестко регулируется, наиболее уязвимы: это крупные банки по обе стороны Атлантики, а не хеджевые фонды. Американскому политическому классу проще списать кризис на дерегулирование и злоупотребления банкиров. Это не только помогает свалить вину на других, но и оправдывает введение новых правил. Однако возникает вопрос: *quis custodiet ipsos custodes* [кто устережет самих сторожей]? И вправду: кто регулирует деятельность регуляторов?

Рассмотрим еще один пакет нормативных актов. Согласно стандарту “Базель III”, который вступит в силу в 2013-м – конце 2018 года, 29 крупнейшим международным банкам дополнительно потребуется 566 млрд долларов капитала или уменьшение активов примерно на 5,5 трлн долларов. По данным

агентства “Фитч”, это повлечет 23-процентный рост капитала банков относительно показателя конца 2011 года{60}. Конечно, после 1980 года крупные банки оказались недокапитализированы (или слишком зависимы от заемных средств – это как вам больше понравится). Но далеко не ясно, как принуждение банков к тому, чтобы они увеличивали свой уставной капитал или меньше давали в долг, отвечает цели устойчивого восстановления экономики, без которого невозможно возвращение финансовой стабильности в США, а тем более в Европе.

За всеми подобными актами стоит всеобщий закон непреднамеренных последствий. Что если совокупный эффект всех этих законов делает СФИ более, а не менее уязвимыми? Среди многочисленных нововведений стандарта “Базель III” есть требование: в “тучные времена” банки должны накапливать капитал, чтобы в “худые” иметь “подушку безопасности”. Это правило широко приветствовалось несколько лет назад, когда его ввели испанские регуляторы. Что тут добавить!

Неразумный замысел

В предыдущей главе я постарался показать ценность “Басни о пчелах” Мандевиля как аллегории должного функционирования институтов. Теперь позвольте предложить другую метафору – из биологии. Чарльз Дарвин в автобиографии выразил признательность современникам-экономистам, особенно Томасу Мальтусу. В 1838 году Дарвин “случайно, ради развлечения”[10] прочитал “Опыт о законе народонаселения”:

> Благодаря продолжительным наблюдениям над образом жизни животных и растений я был хорошо подготовлен к тому, чтобы оценить [значение] повсеместно происходящей борьбы за существование, и меня сразу поразила мысль, что при таких условиях благоприятные изменения должны иметь тенденцию сохраняться, а неблагоприятные – уничтожаться. Результатом этого и должно быть образование новых видов. Теперь, наконец, я обладал теорией, при помощи которой можно было работать{61}.

Редактор журнала “Экономист” Уолтер Бэджет – один из многих викторианцев, приложивших к экономике эволюционную теорию Дарвина, писал: “Грубое и вульгарное устройство английской торговли – это тайна ее жизни; ей присуща «склонность к изменению», которая есть принцип прогресса и в обществе, и в животном мире”{62}. (Ниже мы вернемся к Бэджету.)

Сходство финансового рынка и живой природы, какой ее видел Дарвин, не только поверхностное. Подобно диким животным в Серенгети, физические и юридические лица ведут постоянную борьбу за существование, состязаясь за доступ к ограниченным ресурсам. Естественный отбор идет так: любое новшество (в биологии – мутация) сохранится или исчезнет в зависимости от того, насколько оно соответствует среде. Что роднит мир финансов с истинно эволюционной системой? Как я писал ранее, общих черт у них по меньшей мере шесть{63}:

> – “гены”, в роли которых выступают определенные черты корпоративной культуры: так же, как гены в биологии, они позволяют информации сохраняться в “организационной памяти” и транслироваться от одного индивида к другому или от фирмы к фирме при рождении новой фирмы;

– потенциал спонтанных “мутаций”, в экономической сфере обычно (но не всегда) принимающих вид технических новшеств;

– внутривидовая конкуренция за ресурсы (она сказывается на “продолжительности жизни” и “репродуктивном успехе” предприятий и определяет, какая именно деловая практика получит распространение);

– механизм естественного отбора, действующий через рыночное распределение капитала и трудовых ресурсов, а также вероятную гибель в случае неэффективности, то есть “выживание наиболее приспособленных” предприятий;

– возможность видообразования, устойчивое биоразнообразие через созидание совершенно новых “видов” финансовых институтов;

– вероятность вымирания некоторых видов.

Как и в природе, на эволюцию финансов оказывают влияние геополитические потрясения и финансовые кризисы. Различие в том, что гигантские астероиды прилетают из космоса, а финансовые кризисы зарождаются внутри самой системы. Великая депрессия 30-х годов и Великая инфляция 70-х годов стали периодами больших потрясений и сопровождались “массовыми вымираниями” (банковская паника в 30-х годах, банкротство сберегательных банков в 80-х годах). Наша эпоха пережила сопоставимые потрясения. Но “массовые вымирания”? Их давно не было. В мире финансов то и дело натыкаешься на живого динозавра.

Дело в том, что (в отличие от эволюции в безжалостной природе) финансовая эволюция ограничена законодательными рамками, в определении которых сыграл роль (здесь я позаимствую словосочетание у креационистов, спорящих с Дарвином)“разумный замысел”. Однако насколько разумен этот замысел? Не слишком разумно критиковать эволюционный процесс. Глупо ослаблять и без того хрупкую систему.

Судите сами. Законодательство после 1980 года побудило многие банки и в Германии, и в Испании, и в США увеличить свой баланс относительно капитала. (И не ставьте в вину Рейгану события в Берлине и Мадриде.) Когда обеспеченные недвижимостью активы упали в цене, перед банками замаячила угроза неплатежеспособности. А когда прекратился приток краткосрочного капитала, возник риск неликвидности. Власти, вынужденные выбирать между волной банковских банкротств по

образцу Великой депрессии и санацией, предпочли дать банкам денег. Теперь законодатели, преследуемые недовольными избирателями (до сих пор не понимающими, насколько им стало бы хуже, если бы рухнули банки “слишком большие, чтобы рухнуть”), готовят законы, в будущем исключающие бэйлаут.

В законе Додда – Фрэнка ясно сказано: в следующий раз, когда лопнет СФИ, налогоплательщикам не придется заплатить ни цента. Однако не совсем ясно, кто же тогда будет платить. В ст. 214 недвусмысленно сказано: “Все средства, израсходованные в соответствии с настоящей статьей на ликвидацию финансовой организации, будут возмещены за счет активов такой организации либо финансового сектора через налогообложение”. Но что ждет залоговых кредиторов, держателей банковских акций, для защиты которых столько было сделано в 2008–2009 годах? Авторы закона Додда – Фрэнка разумно предполагают изучение этого вопроса. В конце концов, если итогом закона оказывается избавление налогоплательщиков от всякой необходимости платить за попавшие в серьезную переделку СФИ, непонятно, как смогут избежать убытков акционеры. Если так, то стоимость заимствования для крупных банков должна вырасти, даже если доходность их капитала снижается. Таким образом, борясь с нестабильностью, авторы закона лишь увеличивают ее.

Можно взглянуть на финансы как на очень сложную систему, состоящую из множества взаимосвязанных элементов, асимметрично организованных{64}. Эта сеть функционирует между порядком и беспорядком – “на кромке хаоса”. Столь сложные системы могут некоторое время функционировать без сбоев, будто бы находясь в равновесном состоянии, а в действительности непрерывно адаптируясь с помощью схем положительной обратной связи. Но приходит момент, когда сложные системы идут вразнос. Малейшее нарушение равновесия может спровоцировать “фазовый переход” к кризису. Это особенно вероятно, если узлы сети “прочно сопряжены”. При возрастании взаимозависимости узлов сети конфликт ограничивающих условий быстро приводит к катастрофе.

Все сложные природные системы – от термитников до нервной системы человека – имеют некоторые общие черты. Слабый импульс в такой системе может привести к непредсказуемым изменениям, а причинно-следственные связи далеко не всегда являются линейными. Некоторые теоретики считают даже, что отдельные сложные системы полностью недетерминированы (то есть предсказать их будущее состояние исходя из знания прошлого почти невозможно). Каким окажется следующий лесной пожар? Мы этого не знаем. Степенной закон

кажется применимым и к землетрясениям и эпидемиям{65}.

Примерно таков и финансовый кризис. Это не так уж странно. Экономисты-“еретики” вроде Уильяма Брайана Артура давно твердят, что сложно устроенная экономика отличается взаимодействием рассредоточенных агентов, отсутствием централизованного контроля, множественными уровнями организации, непрерывной адаптацией, безостановочным образованием новых рыночных ниш и отсутствием общего равновесия. Если так, то (как указывал Эндрю Холдейн из Английского банка) Уолл-стрит и Сити – это элементы одной из самых сложных систем, когда-либо созданных человеком (*рис.* 2.1){66}. А сочетание централизации, межбанковского кредитования, новшеств в финансовой сфере и ускорения научно-технического прогресса делает эту систему особенно уязвимой. Различие между природой и финансовым миром – в роли регулирования: оно призвано снизить частоту возникновения финансовых “пожаров” и уменьшить их масштаб. При этом, как мы видели, довольно просто добиться противоположного эффекта: политические процессы сами по себе непросты. Регламентирующие органы могут подпасть под влияние тех, за чьим поведением они призваны следить (так предложение высокооплачиваемой работы может превратить егеря в браконьера). Может возникнуть и другая зависимость – например, если регламентирующие органы обращаются за необходимыми данными к тем самым организациям, чью деятельность они регулируют.

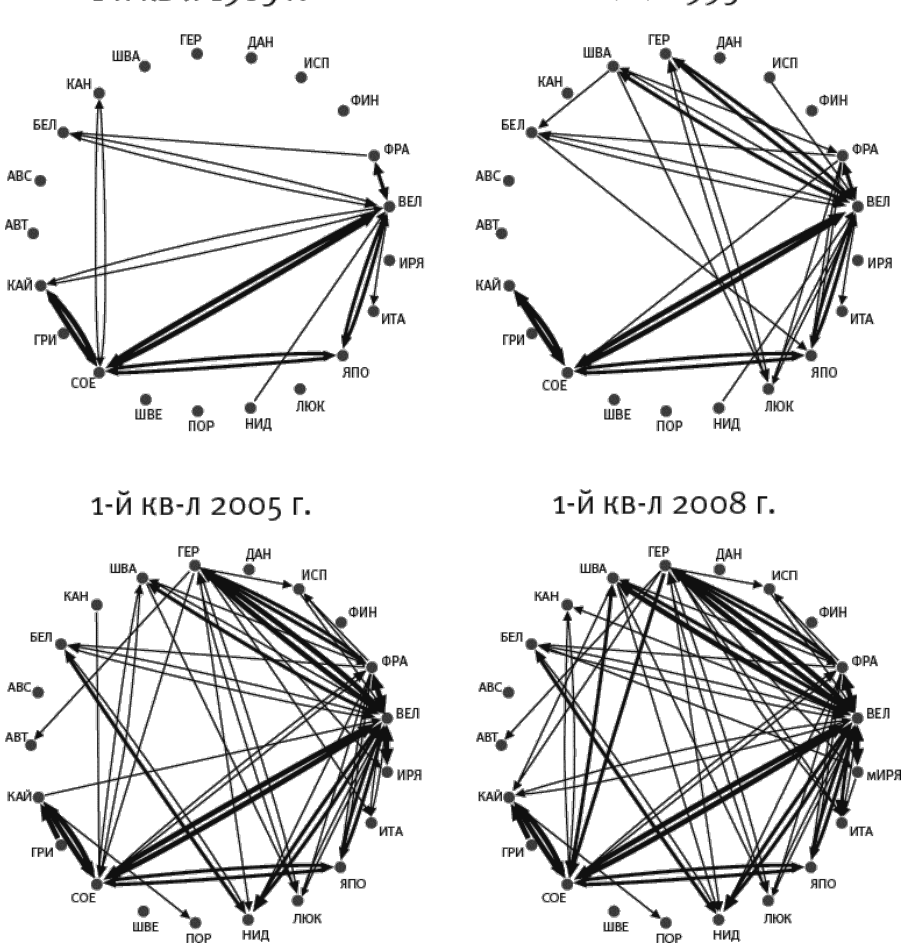

Рис. 2.1

Международная финансовая система. Связность узлов сети: Andrew Haldane, Bank of England. (См. прим. 23.)

Нассим Талеб, американский статистик и трейдер, ставший философом, в книге “Антихрупкость” задается вопросом: каков антоним слова *хрупкий*? Не *прочный* и не *крепкий*: эти слова указывают лишь на меньшую хрупкость. Верный ответ, по Талебу, – “антихрупкий”. Система, которая становится прочнее под влиянием возмущений – антихрупкая{67}. Смысл в том, что регулирование должно повышать антихрупкость. Увы, нынешнее регулирование ведет к противоположному результату из-за собственной сложности и нередко – из-за противоречивости целей.

Уроки “Ломбард-стрит”

Избыточно сложное регулирование может повредить тому, чему оно призвано помочь. Подобно тому, как советский Госплан (по причинам, указанным Фридрихом фон Хайеком и Яношем Корнаи{68}) не мог управиться со сложной экономикой, попытки государства в послекризисную эпоху впредь избавить мировую финансовую систему от кризисов обречены. У государства никогда не получится справиться со столь сложной системой. Из уроков кризиса оно способно усвоить лишь один: как привести экономику к следующему кризису.

Существует ли альтернатива? Полагаю, что да. Уолтер Бэджет в книге “Ломбард-стрит” (1873) описал современный ему лондонский Сити. Бэджет понимал, что британская финансовая система, несмотря на дарвинистские установки, отличалась сложностью и хрупкостью. “Мощь этой системы, – писал Бэджет, – точно пропорциональна ее хрупкости или (я едва ли ошибусь, сказав так) угрожающей ей опасности… Даже на вершине своего процветания эта структура целиком уязвима. Удивительная особенность нашей финансовой системы – небывалое доверие одного человека другому. И если доверие в силу скрытых причин уже невелико, его может подорвать и мелочь, ну а значительное происшествие – почти моментально его уничтожить”{69}.

Никто лучше Бэджета не описал паническое изъятие вкладов. Те, кто не читал “Ломбард-стрит”, узнали на собственном опыте, каково это, в 2007 году, во время массового изъятия депозитов из “Нозерн рок” и “Кантриуайд”, и в 2012 году, когда доверие вкладчиков утратил испанский конгломерат “Банкиа”. Одно из главных достоинств “Ломбард-стрит” – обзор лондонского рынка краткосрочного капитала и его основных институтов (приобретающие влияние акционерные банки и слабеющие неакционерные, учетные дома, новые сберегательные банки), а также демонстрация уязвимости каждого из них. Думаю, Бэджет предпочел бы, чтобы каждый институт помогал себе сам, образуя резервы на случай неприятностей. В действительности у Сити имелся лишь один резерв на крайний случай – Английский банк, “единственный в стране источник значительной массы свободной наличности”{70}. Иными словами, и тогда, и сейчас центральный банк (и правительство) – последняя линия обороны в случае паники.

Проанализировав финансовые неурядицы за полвека, Бэджет блестяще показал, что роль Английского банка как хранителя денежного резерва страны довольно сильно отличалась от роли,

предписанной этому учреждению уставом, а также от представлений его руководителей. Во время паники 1825 года Английский банк повел себя правильно, однако, увы, поздно, и к тому же не слишком понимая, почему то, что он делал, было правильно. После трех кризисов [1847, 1857 и 1866 годов], последовавших за принятием в 1844 году закона “Об Английском банке” (в котором речь шла главным образом об эмиссионной функции), действие этого акта было приостановлено. Тогда, как и сейчас, не было очевидно, чьи ценные бумаги в случае кризиса банк примет в обеспечение. Управление банком было непрозрачным. Его управляющий и директора не были по профессии банкирами. (Их выбирали из торговцев. Сейчас мы предпочитаем ученых-экономистов – и не всякий согласится, что эта перемена к лучшему.) Они едва совладали с ситуацией в 1866 году, когда лопнула СФИ под названием “Оверенд – Гарни”.

Хотя рецепты Бэджета недвусмысленны, мне кажется, их нередко понимают ошибочно. Возьмем, например, знаменитый совет (в случае кризиса центральному банку следует выдавать ссуды без ограничений, однако под более высокий процент): “Очень крупные ссуды под очень высокий процент – вот лучшее средство”{71}. Мы следовали рекомендации Бэджета лишь наполовину, сочтя, что доля заемных средств в нашей системе настолько высока, что повышение учетной ставки ее прикончит. Бэджет же предлагал “искусственно ограничить число обращений лиц, не имеющих нужды в ссуде”{72}. Глядя на то, как современные банки – и сильные, и слабые – дают взаймы почти сколько угодно, почти кому попало и почти даром, я понимаю, что хотел сказать Бэджет.

Мы благополучно игнорируем и остальные его советы, особенно касающиеся свободы действий, которая противопоставляется регламентации. Во-первых, Бэджет подчеркивал необходимость наличия у управляющих рыночного опыта: “От солидных негоциантов… не укроется сомнительное положение людей ненадежных; они немедленно распознают… незаконные сделки”. Исполнительные полномочия должны быть вручены постоянно работающему заместителю управляющего. Члены правления должны действовать с “разумной осторожностью”{73}.

Во-вторых, Бэджет указывал на “первостепенную важность постоянного удерживания [Английским банком] крупных резервов”. Однако, уточнял он, объем резервов не должен определяться автоматически, исходя из некоего правила (как, например, объем бумажного денежного обращения согласно закону “Об Английском банке” 1844 года): “В настоящее время

невозможно установить… твердое соотношение обязательств и резервов, которые банк должен держать в запасе". Образцовый центральный банк станет ориентироваться не более чем на "тревожный минимум", точный объем которого "не укажут нам ни абстрактные рассуждения, ни математические вычисления":

> Кредит есть оценка, зависящая от обстоятельств… Состояние кредита… можно выяснить лишь опытным путем. Также мы не знаем заранее, какой объем резервов породит укрепление доверия, и нет иного способа прийти по этому вопросу к верному выводу, кроме неустанного наблюдения за общественным мнением и влияющими на него факторами…{74}

Не может быть постоянным и учетный процент, назначаемый центральным банком по кредитам под залог коммерческих векселей хорошего качества. Согласно Бэджету, то правило, что "Английский банк должен назначать ставку сообразно с рыночной… всегда было ошибочным". Напротив, "первейшей обязанностью" Английского банка было использование учетного процента для "сохранения денежной массы"{75}. Это также подразумевает, что центральный банк действует по собственному усмотрению, ведь желательная величина резервов правилами не определена.

Сегодня некоторые (и среди них Лоренс Котликофф и Джон Кей) видят единственный путь к спасению нашей финансовой системы в радикальной структурной реформе, в переходе к "строгости" в банковском деле (*narrow banking*) или даже замене банков{76}. Интеллектуальная привлекательность этих доводов мне очевидна. Теоретически лучше раздробить крупные банки, чтобы соотношение собственных и заемных средств резко уменьшилось, а связи депозитных учреждений с активными инвесторами ослабли{77}. Однако, как и Бэджет, я принимаю мир таким, каков он есть, и не надеюсь застать на своем веку полный отказ от модели финансовых учреждений "слишком больших, чтобы рухнуть", которые поддерживает центральный банк и, если необходимо, налогоплательщики. Наша (и Бэджета) задача такова: "Использовать банковскую систему наилучшим образом и получить от нее все, что возможно. В нашем арсенале лишь полумеры, и следует выбрать наилучшую"{78}.

Как взбодрить банкиров

Задача трудна, – честно подытожил Бэджет, – и решение трудно и неокончательно”{79}. С тех пор ничего не изменилось. Я считаю, что возвращение к принципам Бэджета стало бы неплохим началом. Во-первых, следует назначить центральный банк высшей инстанцией и в денежно-кредитной сфере, и в сфере контроля и надзора. Во-вторых, добиться того, чтобы руководители центрального банка были “настороже”, имели практический опыт и принимали меры, замечая признаки чрезмерного кредитования и инфляции цен на активы. В-третьих, следует позволить им шире пользоваться основными инструментами центрального банка: определением нормативов обязательных резервов, изменением процентных ставок, куплей-продажей ценных бумаг на открытом рынке. В-четвертых, нужно заставить их подучить историю финансового менеджмента, как советовал своим читателям Бэджет.

Наконец, мы должны быть уверены, что перешедшие дорогу регламентирующему органу дорого за это заплатят (Бэджет об этом не упоминал – в те времена это само собой разумелось). Тот, кто считает, будто нынешний кризис вызван отсутствием регулирования, решительно не понимает проблемы. Свою роль сыграло не только неверно понятое регулирование. Возникла атмосфера вседозволенности – из-за того, что никого не наказывали.

В банках и вокруг них всегда найдутся жадные люди. Они всегда есть там, где водятся деньги. Но жадные люди идут на мошенничество или допускают халатность, лишь если чувствуют, что их проступок не заметят или строго за него не спросят. В США список людей, с 2007 года отправленных за решетку за участие в надувании “ипотечного пузыря” и последующих событиях, смехотворно короток. Из английских банкиров наиболее сурово наказали бывшего управляющего Королевским банком Шотландии Фреда Гудвина: его (подумать только!) лишили рыцарского титула.

Бэджет не дождался чаемого им учреждения поста заместителя управляющего Английским банком: управляющий сам стал этим могущественным чиновником. Однако с тех пор, как управляющий лишился права регулировать деятельность банков (Гордон Браун передал эти полномочия Управлению по финансовому регулированию и надзору), он находится в незавидном положении руководителя отдела по изучению денежно-кредитной политики (недавно соединенного с печатным

станком). Показать зубы не в состоянии и Федеральная резервная система США. Государственные органы, в обязанности которых входит наказание мошенников, делают это из рук вон плохо. В итоге мало кого из злоумышленников призывают к ответу.

В октябре 2010 года Комиссия по ценным бумагам и биржам США пришла к соглашению с Анджело Модзило: глава обанкротившейся ипотечной компании “Кантриуайд”, обвиненный в мошенничестве и совершении операций с использованием конфиденциальной информации, заплатит 67,5 млн долларов штрафа и возвратит незаконно полученные деньги. Штраф (по крайней мере, частично) Модзило уплатил не из собственного кармана. Это сделали страховые компании, а также “Бэнк оф Америка”, который приобрел “Кантриуайд” в разгар финансового кризиса. В 2000–2008 годах Модзило получил почти 522 млн долларов в качестве компенсации, в том числе за акции “Кантриуайд” (а это почти вдесятеро больше штрафа)[{80}]. И если поступок этого человека не сочли преступным, то лишь потому, что уголовное право в этой сфере бессильно.

Вольтер однажды заметил: “Полезно время от времени убивать какого-нибудь адмирала, чтобы взбодрить других”[11]. Никакое регулирование, даже очень умелое, не поможет предотвратить финансовый кризис лучше, нежели осознание банкирами ясной и неизбежной перспективы попасть за решетку, если они нарушат закон. Вместо того чтобы изнурять себя составлением безнадежно запутанных кодексов “макропруденциального” или “контрциклического” регулирования, давайте обратимся к временам Бэджета, когда осмотрительность индивида (а не только исполнение им законов) была разумной линией поведения – именно потому, что власти никому не давали спуска, а важнейшие нормы оставались неписаными.

Я начал главу с возражений сторонникам жесткого регулирования, а заканчиваю ее призывом к показательному тюремному наказанию нечистых на руку банкиров. Надеюсь, теперь ясно, что эти положения не противоречат, а дополняют друг друга. Сложно устроенный мир финансов можно сделать менее уязвимым только если законодательное регулирование будет простым, а правоприменение – строгим.

Повторю, один из злейших врагов верховенства права – дурной закон. Следующую главу я посвящу более общему вопросу: дегенерации на Западе, особенно в США, верховенства права в широком смысле. В сфере регулирования нам стоило бы вернуться к заветам Бэджета. Но не вернулась ли незаметно

правовая система англоязычных стран во времена Диккенса? Не выродилось ли верховенство права в “верховенство законников”?

Глава 3
Правовой ландшафт

Искушение правом

> Важнейшая проблема, которую нужно решить китайскому правительству – это беззаконие. Китаю недостает не законов, а верховенства права… Беззаконие, вероятно, – крупнейшая проблема, с которой столкнутся лидеры, которые получат власть осенью [2012 года]… Политическая стабильность Китая может зависеть от способности обеспечить верховенство права в рамках системы, где оно не играет почти никакой роли{81}.

Эти слова принадлежат Чэнь Гуанчэну, слепому юристу, которому китайские власти в апреле 2012 года позволили уехать в США. Ученый-правовед Хэ Вэйфан (менее известный на Западе, чем в Китае) в работе “Первые шаги Китая к конституционализму” (2003) высказался тактичнее:

> Правовой ландшафт на Западе и правовая ситуация в Китае представляют собой любопытный и впечатляющий контраст… и, хотя современная китайская система заимствована у Запада… в Китае и на Западе все зачастую происходит по-разному{82}.

Эта глава посвящена правовому ландшафту. Я хочу выяснить, чему могут (если могут) развивающиеся страны, например Китай, научиться у Запада в сфере обеспечения верховенства права. Кроме того, я хочу поставить под сомнение популярное мнение, будто западные правовые системы настолько хороши, что китайцам всего-то нужно скопировать, не глядя, лучшее из того, что у нас есть.

Английское право

Что такое верховенство права? Том Бингем, лорд – главный судья, выделил следующие семь критериев оценки правовых систем[83]:

> 1) Закон должен быть доступным, понятным, ясным и предсказуемым;
>
> 2) Споры о правах и обязанностях, как правило, должны разрешаться исходя из положений закона;
>
> 3) Перед законом все равны, кроме тех случаев, когда дифференциация оправдана объективными факторами [например недееспособностью по причине психического заболевания];
>
> 4) Государственные служащие всех уровней обязаны осуществлять свои полномочия добросовестно и беспристрастно, в целях, для которых им вручены таковые полномочия, и только в этих целях;
>
> 5) Законодательство должно обеспечивать надлежащую защиту основных прав человека;
>
> 6) Должны быть предоставлены средства разрешения (без непомерно высоких судебных расходов либо неоправданных задержек) споров (вытекающих из добросовестных гражданских правоотношений), которые стороны не в состоянии разрешить самостоятельно;
>
> 7) Суд… должен быть беспристрастным.

В пункте № 5 Бингем перечислил права (не менее 14 пунктов), которые призвано защищать верховенство права: право на жизнь, право на защиту от пыток, право на защиту от обращения в рабство и подневольного труда, право на свободу и безопасность, право на справедливый суд, право на защиту от внесудебной расправы, право на уважение частной и семейной жизни, свободу мысли, совести и религии, свободу выражения, свободу собраний и ассоциаций, право на брак и семью, право на защиту от дискриминации, право на образование, право частной собственности. (Он мог бы продолжить этот список. Некоторые государства признают право на жилище, на здоровье, на образование и на благоприятную окружающую среду. Почему бы не закрепить еще право на сносное вино?) Верховенство права на английский лад, как его понимает Бингем, есть продукт исторического развития. Великая хартия вольностей (1215) закрепила принцип равенства англичан перед законом, а также

запретила королю увеличивать налоги без согласия Совета королевства (позднее – парламента). В средневековье стала практиковаться выдача судебного приказа *хабеас корпус*, призванного исключить незаконный арест. Тогда же около полутысячи городов фактически получили право самоуправления и (после 1295 года) были представлены в парламенте. Между временем правления Генриха III и Якова II, в период затяжной войны между короной и парламентом, желание королей продавать государственные земли для финансирования войн постепенно слабело. Кульминацией явилась (*гл.* 1) "Славная революция", утвердившая независимость законодательной власти. В XVII веке отменили пытки, хотя рабство существовало в Англии еще сто лет – до решения по делу Сомерсета (1772). Все это время суды общего права противостояли вмешательству в свою юрисдикцию институтов, находящихся под контролем короля. Впрочем, лишь "Акт об устроении" (1701) обеспечил независимость судей, утвердив принцип их несменяемости.

Преподавая в Оксфорде, я понял, что истинный смысл английской истории заключается в воплощении (впервые на планете) трех великих принципов. Первый гласит: дом англичанина – это его крепость. Судья лорд Кемден, вынося решение по делу "Энтик против Каррингтона", встал на сторону журналиста-радикала Джона Энтика, в жилище которого ворвались представители власти. "Основной целью вступления людей в общество является стремление мирно и безопасно пользоваться своей собственностью, – напомнил Кемден слова Джона Локка. – Согласно английским законам, всякое посягательство на частную собственность, каким бы ничтожным оно ни было, преступно". Второй принцип таков: делай все, что тебе заблагорассудится, но не причиняй никому вреда. "Право думать, говорить и делать то, что нам заблагорассудится, и обогащаться в той мере, в которой это не вредит обществу либо другому человеку, – вот великие права, которые дает свобода", – писал в начале 20-х годов XVIII века "Катон" (псевдоним Джона Тренчарда и Томаса Гордона). Наконец, вот третий принцип: не суй нос не в свое дело. "В Англии не в ходу манера навязывать другим образ жизни, который вам кажется подходящим для них более, нежели представляется им самим", – объяснял Джон Стюарт Милль французскому либералу Алексису де Токвилю{84}. Указанные три столпа верховенства права на английский лад, писал в 1885 году Альберт В. Дайси, – это продукт вынесения решений судами общего права, в значительной степени основанного на прецеденте. Здесь нет "декларации принципов", а есть лишь взаимодействие судебного опыта и законодательных

нововведений парламента.

Теперь я понимаю, что это достаточно наивный взгляд на историю английского права. Рональд Дворкин, один из крупнейших правоведов-теоретиков нашего времени, объяснял в книге “Империя права”, что фундамент общего права составляют некоторые принципы, пусть и не сформулированные столь же отчетливо, как в Конституции США.

> Мы требуем, чтобы государство в своей деятельности руководствовалось согласованной, гармоничной системой принципов, даже если его граждане расходятся в понимании принципов справедливости и беспристрастности… Судьи… разрешают трудные дела, отыскивая в некоей гармоничной системе принципов, касающихся человеческих прав и обязанностей, наилучшее толкование наличной политической структуры и правовой доктрины{85}.

В основе действия права лежат принципиальность судей и “законодательство… вытекающее из приверженности сообщества некоей базовой политической морали”{86}. Разрешение вопросов права (или “принципа”) предоставлено судьям, политических вопросов – органам исполнительной и законодательной власти. Судья ведет поистине титаническую работу, отыскивая наилучшее соответствие нормы, которую он в итоге формулирует и применяет для разрешения конкретного дела, общему своду правил, правовой политике и достаточным основаниям. Поэтому английское общее право в отсутствие писаной конституции, по словам Дворкина, основывается “не только на конкретных нормах, принятых в соответствии со сложившейся социальной практикой, но и на принципах, обеспечивающих наилучшее моральное оправдание этих норм”{87}.

В этом смысле, вероятно, верховенство права (как и демократия) хорошо само по себе. Но оно хорошо еще и тем, что имеет благоприятные материальные последствия. Мало кому приходит в голову возражать против тезиса: верховенство права (особенно когда оно ограничивает “видимую руку” государства) способствует экономическому развитию. По мнению Дугласа С. Норта, “неспособность обществ обеспечить действенное и недорогое исполнение договорных обязательств выступает главным источником и исторического застоя, и нынешней отсталости”{88}. Обеспечение исполнения обязательств третьей стороной необходимо для преодоления нежелания агентов негосударственного сектора участвовать в поэтапных

экономических операциях (особенно если этапы разнесены географически и во времени). Исполнение обязательств по договору могут обеспечивать такие агенты негосударственного сектора, как биржи, кредитные учреждения и арбитры. Однако, как правило, “обеспечение исполнения обязательств третьей стороной означает… становление государства как способной к принуждению силы, могущей регулировать имущественные права и обеспечивать возможность принудительного исполнения договоров”{89}.

Проблема в том, что государство может злоупотреблять своими полномочиями, а значит, его нужно сдерживать. Авнер Грейф из Стэнфорда полагает, что если государственные институты, ответственные за обеспечение исполнения обязательств, раскрывают данные о местоположении и размере собственности частного лица, то правительство или его представители могут испытать искушение присвоить собственность полностью или частично{90}. Если государства не связаны правом, надежнее оказываются негосударственные институты, обеспечивающие исполнение обязательств, например, действовавшее в XI веке в бассейне Средиземного моря сообщество магрибских купцов, построенное на основе общей религии (иудаизма) и родственных связей, или почти вездесущая шотландская диаспора в XVIII веке, или южноазиатские торговцы в Восточной Африке. Подобные сети действуют сейчас во многих регионах (вспомним о китайских деловых сообществах вне Китая). Недостаток, который роднит их со средневековыми гильдиями, – это стремление огородиться от чужих, образовывать монополии, препятствующие конкуренции и снижающие экономическую эффективность. Вот почему негосударственное обеспечение исполнения обязательств по мере развития и усложнения экономики, как правило, уступает место государственному. Однако этот процесс зависит от удерживания государства от вмешательства в сферу частной собственности. Это главная функция верховенства права применительно к экономике. Имущественные права первичнее прав человека.

Право, экономика и история

Тезис Андрея Шлейфера и его соавторов, гласящий, что система общего права англоязычных стран лучше всего справляется с обеспечением исполнения обязательств и сдерживания государства, оказал сильное влияние на юридическую и экономическую литературу. С ней не сравнится ни римско-французская система гражданского права, ни германская, ни скандинавская (не говоря уже о незападных). Почему общее право было и остается полезнее для экономики? В статье 1997 года Ла Порта, Лопес-де-Силанес, Шлейфер и Вишни указывали, что общее право лучше защищает инвесторов и кредиторов. Убеждаясь в этом, люди охотнее инвестируют в чужой бизнес и дают взаймы. Высокий уровень финансового посредничества, как правило, коррелирует с быстрым темпом экономического развития{91}.

Указанные выше (и другие) ученые показали, что в странах, воспринявших общее право,

1. Инвестиции защищены лучше, а компаниям обеспечен лучший доступ к акционерному капиталу, нежели в странах континентального права (об этом можно судить, например, по более развитым фондовым рынкам, большему количеству действующих юридических лиц и более широкому первоначальному размещению акций на рынке){92};
2. Сторонние инвестиции надежнее защищены по сравнению с внутренними (в государствах, воспринявших французское гражданское право – наоборот){93};
3. Новым компаниям проще выйти на рынок (исходя из объема процедур, времени и затрат, необходимых на открытие бизнеса{94}[12]);
4. Суды подходят к разрешению дел менее формалистически и, следовательно, разбирают их эффективнее (судя, например, по периоду времени, необходимому для выселения арендатора-неплательщика и взысканию долга после того, как чек оказался необеспеченным){95};
5. Государство в меньшей степени вмешивается в функционирование рынков труда, что ведет к более высокой, чем в странах континентального права, доле работающих, а также более низкому уровню

безработицы[96];

6. Действуют более жесткие правила об обязательном раскрытии информации, которые также поощряют инвесторов[97];

7. Имеются более эффективные меры на случай выявленной неплатежеспособности, например гипотетического банкротства гостиницы[98].

Ла Порта, Лопес-де-Силанес, Шлейфер и Вишни отмечают:

> Правовая защита инвестиций – такой же надежный показатель финансового развития… как и государственная собственность на банки, нормы, устанавливающие пороговые условия, регулирование рынков труда, характер воинской обязанности, государственная собственность на СМИ… Во всех этих сферах система континентального права характеризуется более интенсивным вмешательством государства, чем система общего права… [Это, в свою очередь,] сопряжено с негативным влиянием на рынок, например, с большим распространением коррупции, большей по масштабу теневой экономикой, более высоким уровнем безработицы… Общее право связано с меньшим формализмом судебного процесса… и большей независимостью судей… Общее право соответствует такому типу общественного контроля, который поощряет рынок, в то время как континентальное право стремится заменить рынок выгодным для государства распределением… Континентальное право служит “проведению политики”, а общее – “разрешению споров”[99].

Это возвращает нас к тезису, что “в системе общего права гибкость выработки судебных решений” выше, поскольку “суды общего права могут следовать более широким стандартам, чем ограниченный набор правовых норм”[100].

Как часто бывает в науках об обществе, институциональная теория правовых систем подразумевает определенный взгляд на историю. Почему французское право проиграло английскому? Потому что средневековые французские монархи защищали свои прерогативы решительнее, чем английские. И потому, что во Франции гражданский мир был более редким состоянием, чем в Англии. И потому, что Франция уязвимее для внешнего врага. И потому, что Французская революция, не доверяя судьям, стремилась превратить их в автоматы, слепо применяющие

нормы, сформулированные законодателем. Это привело к тому, что судам не позволялось пересматривать акты органов исполнительной власти. Галльская идея свободы оказалась ближе к абсолюту теоретически и менее полезна практически. Французы предпочли равенство свободе (как заметил Алексис де Токвиль, сравнивавший США и Францию в 30–40-х годах XIX века).

Этот путь привел к сильному централизованному государству и слабому гражданскому обществу. Когда французы перенесли эту модель в свои азиатские и африканские колонии, это привело к еще худшим последствиям.

Институциональная теория правовых систем также оказала важное влияние на незападные правовые системы. Выше мы рассмотрели довод Тимура Курана о негативном влиянии мусульманского права на экономическое развитие Османской империи. Нечто подобное произошло в Китае. Хэ Вэйфан указывает, что императорское правительство “не сделало ни шага по пути к разделению властей”, а “окружной судья выполнял полный спектр обязанностей, [в том числе] три важнейшие функции: правотворчество… применение правовых норм… и разрешение споров”. Конфуцианцы и даосы осуждали правоведов и порицали конкуренцию. Янь Фу, переводчик Монтескье на китайский язык, ясно различал дух китайских и западных законов: “Во время путешествия в Европу [в конце 70-х годов XIX века] я посетил судебное заседание… и был обескуражен. Однажды я сказал г-ну Го Сунтао [послу Цинской империи в Великобритании], что важнейшей из множества причин, делающих Англию и другие европейские страны богатыми и сильными, является неизбежность того, что правосудие свершится. Г-н Го согласился со мной”{101}.

Попытки перенести элементы британской правовой системы в Китай закончились ничем. Хотя империя стремилась обеспечить подданных всеми доступными общественными благами – оборона, избавление от голода, обеспечение коммерческой инфраструктуры (каналы и прочее), распространение сельскохозяйственных знаний, – высокоцентрализованный бюрократический аппарат гибкостью (по сравнению с обществом) не отличался. Права собственности были сравнительно надежно защищены, поскольку низкие (по западным меркам) налоговые ставки менялись редко. При этом не было свода законов о торговле. Чиновники занимались изучением философии и литературы, а не права и искали “компромиссы, а не разбирали споры”, предоставив обеспечение исполнения обязательств негосударственным сетевым объединениям. В конце эпохи Цин государство с запозданием взялось за регулирование коммерции,

однако повело себя контрпродуктивно: обложило купцов непосильными налогами и делегировало монопольные права гильдиям. Это привело к разрастанию коррупции и экономическому спаду{102}.

Викторианцы и право

У теории правовых систем есть критики, и это неудивительно. Трудно игнорировать тот факт, что в Новое время Франция почти всегда представляла собой экономически развитую страну с успешным финансовым сектором, – и это в отсутствие благотворного влияния общего права{103}. То же самое можно сказать о Германии и Бразилии{104}. Кроме того, англосаксонское право выглядит бледнее по сравнению с континентальным, когда зависимыми переменными выступают показатели общественного благосостояния (например детская смертность и неравенство){105}. Для меня же уязвимое место теории становится очевидным, если оценить состояние английского общего права в период, когда оно, кажется, должно было принести наибольшую пользу: во времена Промышленной революции, когда англичане и их кельтские соседи радикально изменили ход мировой экономической истории.

Вот как описывал английский суд современник[13]:

> День выдался под стать членам адвокатуры при Верховном Канцлерском суде, – в такой-то вот день и подобает им здесь блуждать, как в тумане, и они в числе примерно двадцати человек сегодня блуждают здесь, разбираясь в одном из десяти тысяч пунктов некоей донельзя затянувшейся тяжбы, подставляя ножку друг другу на скользких прецедентах, по колено увязая в технических затруднениях, колотясь головами в защитных париках из козьей шерсти и конского волоса о стены пустословия и по-актерски серьезно делая вид, будто вершат правосудие. День выдался под стать всем причастным к тяжбе поверенным, из коих двое-трое унаследовали ее от своих отцов, зашибивших на ней деньгу, – в такой-то вот день и подобает им здесь сидеть, в длинном, устланном коврами “колодце” (хоть и бессмысленно искать Истину на его дне); да они и сидят здесь все в ряд между покрытым красным сукном столом регистратора и адвокатами в шелковых мантиях, навалив перед собой кипы исков, встречных исков, отводов, возражений ответчиков, постановлений, свидетельских показаний, судебных решений, референтских справок и референтских докладов, словом, – целую гору чепухи, что обошлась очень дорого. Ведь это Канцлерский суд, и в любом графстве найдутся

дома, разрушенные, и поля, заброшенные по его вине, в любом сумасшедшем доме найдется замученный человек, которого он свел с ума, а на любом кладбище – покойник, которого он свел в могилу; ведь это он разорил истца, который теперь ходит в стоптанных сапогах, в поношенном платье, занимая и клянча у всех и каждого; это он позволяет могуществу денег бессовестно попирать право; это он так истощает состояния, терпение, мужество, надежду, так подавляет умы и разбивает сердца, что нет среди судейских честного человека, который не стремится предостеречь, больше того, – который часто не предостерегает людей: “Лучше стерпеть любую обиду, чем подать жалобу в этот суд!”{106}

Можно возразить, что Чарльз Диккенс, написавший роман “Холодный дом”, несправедлив к юристам. Однако писатель начал карьеру с сочинения судебных очерков, а его отца посадили в тюрьму за долги. Поэтому, как утверждают биографы Диккенса, он хорошо знал, о чем говорил{107}.

Специалисты по истории правовой системы XIX века в основном подтверждают правоту Диккенса. Они указывают, во-первых, на немногочисленность судей. В 1854 году в Англии и Уэльсе в судах общей юрисдикции насчитывалось всего 15 судей. Они были поровну распределены между тремя отделениями и рассматривали дела единолично – в Лондоне или на месте (обычно в крупных городах) – в рамках всего двух месячных сессий в год. Из тех же самых людей составлялись коллегии (три-четыре судьи) для рассмотрения апелляций, а также расширенные коллегии (обычно из семи членов) – для рассмотрения апелляций на решения коллегий из трех или четырех судей. Лишь апелляции на решения коллегий из семи судей рассматривал другой институт – Палата лордов. Конечно, роль нижестоящих судов по мере оживления экономической жизни росла. Но это оживление не сказалось на работе вышестоящих судов{108}.

Во-вторых, до 1855 года законодательство строго регламентировало учреждение компаний с ограниченной ответственностью. То было наследие эпохи, когда учредители монополий наподобие Компании Южных морей шли на все, чтобы увеличить стоимость собственных паев. В 80-х годах XIX века на Лондонской фондовой бирже торговали акциями всего 60 британских компаний. Вот и весь вклад общего права в развитие финансов.

В-третьих, современные исследователи установили, что на

развитие железных дорог (важнейшего сектора экономики времен Промышленной революции) английское общее право и юристы “оказали глубокое и главным образом негативное влияние”. Солиситоры толкали клиентов к спекуляции железнодорожными акциями, судей публично обвиняли в фаворитизме, а юристы, готовившие для парламента проекты частных биллей, фактически торговали разрешениями на прокладку железнодорожных линий{109}.

Какой из этого следует вывод? Опровергает ли исторический опыт тот тезис, что общее право предпочтительнее прочих? Не совсем. Несмотря на очевидные изъяны системы эпохи Промышленной революции, есть доказательства того, что она смогла не только приспособиться к требованиям времени, но и оказаться полезной.

Это блестяще подтверждает, например, решение Суда казначейства по делу “Хэдли против Баксендейла” (1854) – прецедент, хорошо известный правоведам по обе стороны Атлантики. Глостерские мельники Джозеф и Иона Хэдли требовали у Джозефа Баксендейла, управляющего лондонской транспортной фирмы “Пикфорд и компания”, полного возмещения убытков, причиненных несвоевременной доставкой изготовленного вручную мельничного вала взамен сломавшегося, а также выплаты упущенной выгоды. Отнюдь не совпадение, что “Пикфорд и компания” здравствует и доныне, а мукомольного дела Хэдли уже не существует. Хотя судья вынес решение в пользу Хэдли, апелляционный суд в Лондоне отменил это постановление. По словам Ричарда Познера, американского судьи и ученого-правоведа, итог процесса “Хэдли против Баксендейла” закрепил принцип: “В том случае, если об опасности возникновения убытков известно лишь одной из сторон договора, противная сторона не несет ответственности за возникновение таких убытков”{110}.

Позднее говорили, что выездной судья сэр Роджер Кромптон, рассмотревший дело в первой инстанции, “никогда не признавал, что общее право, постоянно развиваясь, приспосабливается к постоянно изменяющимся обстоятельствам социального развития”{111}. Апелляционный суд определенно придерживался иной точки зрения. Его члены, бароны Олдерсон, Парк и Мартин (по словам нашего современника), “изменили материальные нормы об ущербе, причиненном нарушением условий договора”. Олдерсон отметил, что в момент заключения договора истцы известили ответчиков лишь о том, что они мельники и их вал сломался, и не шло речи ни о каких “особых обстоятельствах”, например об остановке мельницы из-за несвоевременной

доставки нового вала и причинения этим убытков. Более того, “очевидно [Олдерсону], что в великом множестве случаев, когда мельники передают сломанные валы третьим лицам при посредстве перевозчика”, мельницы во время транспортировки не должны простаивать… поскольку мельникам необходимо иметь и запасные валы{112}. Следовательно, при оценке ущерба не следует принимать в расчет упущенную выгоду.

Грубо говоря, суд поддержал крупный, а не малый бизнес, но это не важно. Рассуждения барона Олдерсона прекрасно иллюстрируют эволюцию общего права. Этот процесс изящно описал лорд Гофф в решении по делу “Клейнворт Бенсон против городского совета Линкольна” (1999):

> Судья, выносящий решение по делу, исходит из собственного понимания права. К такому пониманию судья приходит, учитывая применимые статуты, если таковые имеются, и прецеденты, содержащиеся в сборниках судебных решений… В ходе рассмотрения дела судья иногда может, в очевидных интересах правосудия, усовершенствовать общее право, хотя, как правило, он делает это “лишь интерстициально”… Это значит, что он не только должен действовать в рамках доктрины прецедента, но и что такое нововведение следует рассматривать как усовершенствование (обычно очень незначительное) известного принципа, которое может стать гармоничной частью общего права. В рамках процесса, который [Фредерик Уильям] Мейтленд сравнивал с нервущейся сетью, а я сравниваю с мозаикой, общее право непрерывно дорабатывается… а доктрина прецедента, “цемент правового принципа”, обеспечивает общему праву необходимую стабильность{113}.

Мне кажется ценным этот взгляд на общее право как на систему подлинно эволюционную[14]. Именно это, а не некое функциональное различие в отношении к инвесторам или кредиторам, дало английскому общему праву и родственным системам преимущество применительно к экономике.

Верховенство права и его враги

Так было раньше. А что происходит сейчас? Как обстоит дело с верховенством права в странах Запада, особенно англоязычных, сегодня? Я укажу четыре угрожающих ему обстоятельства.

Во-первых, следует задать вопрос: насколько сильно стремление к национальной безопасности повредило нашим правам и свободам? На самом деле этот процесс начался с принятием в Великобритании закона “О защите королевства” (1914). Начавшиеся после 11 сентября 2001 года споры о бессрочном задержании лиц, подозреваемых в терроризме, отнюдь не новы. Сейчас, как и прежде, приходится выбирать между *хабеас корпус* и сотнями трупов.

Вторая угроза очевидна: это вторжение в правовую систему Великобритании европейского права и, в частности, далеко идущие последствия инкорпорации в английское законодательство положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950). Ползучее “офранцуживание” общего права стало своего рода местью Наполеона.

Третья угроза – растущая сложность и запутанность статутного права. Проблему по обе стороны Атлантики усугубляет навязчивое стремление политического класса к всеобъемлющему законодательному регулированию. Я согласен с Филипом К. Говардом в том, что нам нужна “генеральная уборка” устаревшего законодательства и последовательное упоминание в новых актах о “сроках годности” закона{114}. Следует также убедить законодателей в том, что их роль вовсе не в том, чтобы разработать для экономики “руководство по эксплуатации”, которое не упускает буквально ничего, вплоть до пренебрежимо малого риска нашему здоровью и безопасности{115}.

Четвертая угроза (особенно заметная в США) – растущие издержки права (*cost of law*). Я не имею в виду те 94,5 млрд долларов, которые американское федеральное правительство ежегодно тратит на законотворчество, толкование законов и обеспечение правопорядка{116}. Я не имею в виду и стремительно растущую цену лоббизма. Сами “взносы” примерно 13 тыс. лоббистам от бизнесменов, стремящихся защитить себя или навредить конкурентам, не так уж высоки: 3,3 млрд долларов{117}. По-настоящему тревожат последствия их деятельности: примерно в 1,75 трлн долларов в год (по оценкам Управления по делам малого бизнеса США) бизнесу дополнительно обходится нормативно-правовое соответствие{118}.

Прибавим 865 млрд долларов издержек, проистекающих из американской системы деликтных обязательств. Она предоставляет сторонам процесса гораздо более широкие, нежели в Англии, возможности путем подачи гражданского иска требовать (если не идет речь о нарушении условий договора) возмещения вреда, причиненного умышленно, по неосторожности или в случаях, когда законом предусмотрена объективная ответственность. Согласно докладу Тихоокеанского института (*Pacific Research Institute*) "…И правосудие для удачливых", объем деликтных обязательств "эквивалентен 8-процентному налогу на потребление или 13-процентному налогу на заработную плату"{119}. Прямые издержки от ежедневной подачи 7,8 тыс. новых исков превышают 2,2 % ВВП США (2003), то есть они вдвое выше, чем в любой из экономически развитых стран (кроме Италии){120}. Можно, конечно, спорить о цифрах, и заинтересованные стороны подвергают их сомнению{121}. Но мой собственный опыт показывает, что открытие бизнеса в Новой Англии требует значительно более активного участия юристов и обходится гораздо дороже, чем в старой.

Дэвид Кеннеди и Джозеф Стиглиц в книге об американских уроках для Китая указывают на три очевидных препятствия для установления верховенства права в самих США:

> 1. Действующее "законодательство, позволяющее финансовым организациям заниматься хищническим кредитованием, вкупе с новыми законами о банкротстве породили новый класс частично «законтрактованных сервентов». Эти люди до конца жизни вынуждены отдавать банкам не менее 25 % заработка".
> 2. Законодательство о защите интеллектуальной собственности излишне строгое. Так, "«владелец» патента на ген, который с большой долей вероятности указывает на заболевание раком груди, вправе настаивать на крупных отчислениях при каждом тесте. Складывающаяся стоимость такого теста делает его недоступным для большинства людей, не имеющих медицинской страховки".
> 3. "Согласно действующему законодательству об обороте токсичных отходов… судебные издержки составляют более четверти суммы, затрачиваемой на мероприятия по очистке"{122}.

По мнению Стиглица, это показывает неадекватность узкого подхода к праву, который лишь закрепляет права собственности, а все остальное препоручает заботам рынка. Мне же кажется, что

указанные примеры нужно рассматривать в более широком контексте – принимая во внимание сверхсложное либо негибкое законодательство, а также растущее злоупотребление правом на подачу иска.

Эксперты в вопросах экономической конкурентоспособности (например Майкл Портер из Гарвардской школы бизнеса) определяют верховенство права как умение государства принимать действенные законы; как защиту собственности, в том числе интеллектуальной, и отсутствие коррупции; как действенность правовой системы, невысокие судебные издержки, а также быстрое рассмотрение и разрешение гражданских дел; легкость открытия бизнеса; действенное и предсказуемое законодательство{123}. Удивительно, но США едва соответствуют этим критериям. В 2011 году Портер и его коллеги расспросили выпускников Гарвардской школы бизнеса об их отношении к ведению дел за границей. США привлекли бизнесменов лишь в 16 % случаев. Респонденты, отвечая на вопрос, почему они предпочли зарубежные страны, перечислили критерии, по которым Америка, по их мнению, проигрывает. Среди десяти главных причин прозвучали следующие:

1) неэффективность политической системы;
2) запутанность налогового законодательства;
3) избыточное нормативно-правовое регулирование;
4) неэффективность правовой системы;
5) негибкость процедур найма и увольнения работников{124}.

Подтверждение того, что США теряет институциональную привлекательность, можно отыскать и в ежегодном рейтинге конкурентоспособности государств Всемирного экономического форума, а также в опросе руководителей компаний, на котором первый рейтинг отчасти построен. Авторы рейтинга конкурентоспособности учитывают пятнадцать аспектов верховенства права – от защиты частной собственности до борьбы с коррупцией и организованной преступностью. Удивительный, но едва ли широко известный факт: по всем пятнадцати позициям США демонстрируют показатели худшие, чем Гонконг. Тайвань обошел США по девяти позициям, и даже КНР – по двум. США входят в двадцатку лучших всего по одному параметру, а в остальном репутация Америки удивительно невысока{125}. Так, в рейтинге фонда “Наследие” США занимают 21-е место в отношении свободы от коррупции. Показатели Гонконга и Сингапура куда выше{126}.

Конечно, подобные рейтинги во многом зависят от данных

опросов, а те страдают субъективностью. Однако к сходным выводам можно прийти, ознакомившись с работами, построенными исходя из более объективных критериев – например данных Международной финансовой корпорации (подразделение Всемирного банка) об условиях ведения бизнеса. Что касается простоты уплаты налогов, то США занимают 72-е место в мире, легкости получения разрешений на строительство – 17-е; регистрации прав на недвижимость – 16-е; восстановление платежеспособности – 15-е; открытия своего дела – 13-е место{127}. В 2011 году проект "Правосудие в мире" в рейтинге "Верховенство права" поместил США на 21 (из 66) место в категории "Доступность гражданского судопроизводства", на 20-е – "Действенность уголовного судопроизводства", на 19-е – "Соблюдение фундаментальных прав", 17-е – "Свобода от коррупции", 16-е – "Ограничение государственного вмешательства", 15-е – "Правоприменение", 13-е – "Общественный порядок и безопасность", 12-е – "Открытость органов власти"{128}.

Оценка качества государственного управления в США (1996–2010 гг.)

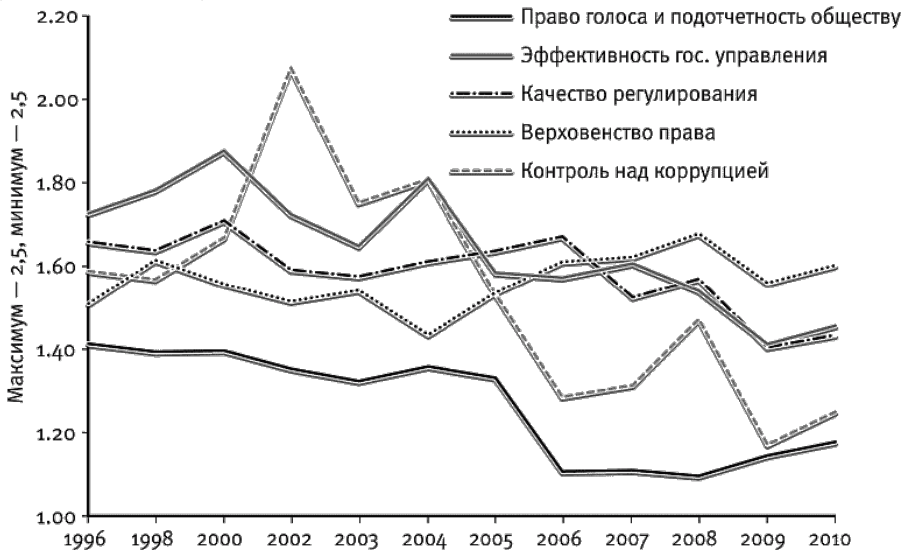

Рис. 3.1

Источник: www.govindicators.org.

Но, возможно, красноречивее всего показатели доклада Всемирного банка "Государственное управление в мире": с 1996 года в США отмечается ухудшение работы государственных органов в четырех отношениях: подотчетность и действенность, качество нормативно-правового регулирования и борьба с

коррупцией (*рис.* 3.1)[{129}]. США заметно отстают от Германии и Гонконга. Это само по себе удивительно. Еще удивительнее то, что американцы этого почти не замечают. Маленькое утешение: институты Великобритании сопоставимого ухудшения качества не испытывают.

Правовая реформа в мире

Если в США принцип верховенства права (в широком смысле) попирается, то где же оно в почете? Выше я упоминал Гонконг. Заметные улучшения там в институциональной сфере – не единичный случай. Развивающиеся страны стремятся привлечь иностранные и внутренние инвестиции и достичь увеличения темпов развития путем реформирования правовой системы и системы административных органов. Всемирный банк делает важную работу: следит за ходом таких реформ. Недавно я заглянул в его сокровищницу – базу данных "Показатели мирового развития", – чтобы узнать, какие из африканских стран делают успехи в отношении:

1) качества государственного управления;
2) регулирования экономической деятельности;
3) защиты прав собственности и управления на основе точных, однозначных норм;
4) управления в государственном секторе и развития институтов;
5) прозрачности работы государственных органов, их подотчетности, а также борьбы с коррупцией в государственном секторе.

Буркина-Фасо, Гана, Малави и Руанда (исходя из четырех и более критериев) оказались в верхней двадцатке развивающихся стран.

Кроме того, я просмотрел доклады "Ведение бизнеса" Международной финансовой корпорации с 2006 года, чтобы узнать, какие из развивающихся стран добились уменьшения срока, требуемого для: 1) открытия своего дела, 2) получения разрешения на строительство, 3) регистрации прав на недвижимость, 4) уплаты налогов, 5) импорта, 6) принудительного исполнения договорных обязательств{130}. Победителями среди африканских государств вышли (по нисходящей): Нигерия, Гамбия, Маврикий, Ботсвана, Бурунди. На верном пути находятся также Хорватия, Малайзия, Иран, Азербайджан и Перу (*рис.* 3.2)[15].

Пол Кольер и другие эксперты по экономическому развитию выделяют четыре стадии достижения в бедной стране верховенства права. Первый неизбежный шаг – снизить уровень насилия. Второй – защитить права собственности. Третий – ограничить государственную деятельность институциональными

рамками. Четвертый – предотвратить коррупцию в государственном секторе[131]. Любопытно, что это напоминает упрощенное изложение английской истории после гражданской войны, включая “Славную революцию”, и до реформ гражданской службы Норткота – Тревельяна (XIX век).

Правда, КНР достигла впечатляющих успехов даже без пристойных правовых институтов. Последователи нового институционализма упорно пытаются объяснить это мнимое исключение из отстаиваемого ими правила. Не в том ли здесь дело, что компартия признала, что экономические успехи – единственная основа ее легитимности? Или в Китае де-факто соблюдаются имущественные права? Или конкуренция между провинциями привела к “оберегающему рынок федерализму”? Или договоры в Китае имеют социальную, а не правовую природу – то есть принудительное исполнение условий договора достигается при помощи неформальных инструментов, посредством “связей” (*гуаньси*)?[132] Какой бы ни была причина, многие ученые (особенно Дарон Аджемоглу и Джеймс Робинсон) утверждают, что если Китай не будет сейчас двигаться в направлении верховенства права, он натолкнется на низкий институциональный потолок, который помешает развитию[133]. Эту точку зрения разделяет Чэнь Гуанчэн и многие другие китайские активисты, выступающие за правовую реформу. И они правы.

Легкость ведения бизнеса в различных странах в 2006–2012 гг. (количество дней для выполнения шести процедур)

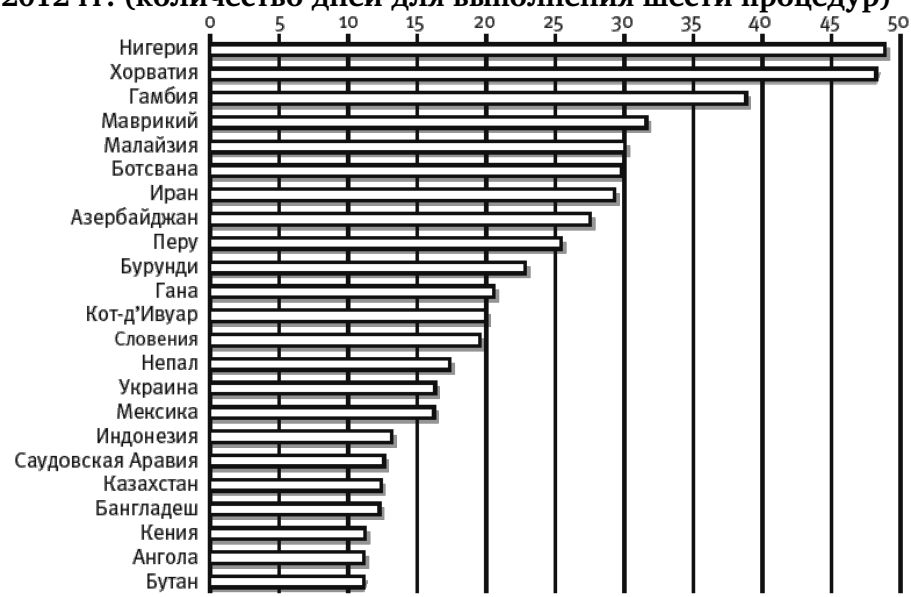

Рис. 3.2

Источник: International Finance Corporation *Doing Business* reports

По данным исследователей, доля исполнения судебных решений по гражданским и арбитражным делам в Китае в середине 90-х годов составляла в среднем 60 % в низовых судах, 50 % – в судах средней ступени и 40 % – в провинциальных судах. (То есть около половины решений исполнено лишь на бумаге.) Решения судов по делам, очевидно связанным с крупными невыплаченными долгами – с участием банков и государственных предприятий, – даже по официальным данным исполнялись лишь в 12 % случаев {134}.

Антикоррупционная кампания Бо Силая в Чунцине показала, насколько Китай еще далек от верховенства права. Хэ Вэйфан указывал, что чунцинские судьи выступали агентами Бо. Они принимали в качестве допустимых доказательств признания вины, сделанные под давлением, и уклонялись от назначения перекрестного допроса. Много лет Хэ агитировал за независимость судей, за подотчетность Всекитайского собрания народных представителей (особенно в сфере налогообложения), за свободу печати и превращение компартии в “должным образом зарегистрированный” субъект права, а также за наполнение конкретным содержанием прав человека, упомянутых в ст. 35 Конституции КНР (в том числе свободы ассоциации, свободы собраний и манифестаций, свободы вероисповедания). Хэ также призывал к приватизации государственных предприятий, поскольку “частная собственность есть фундамент континентального права”. Хэ, как и Чэнь Гуанчэн, считает, что верховенство права – это единственный для Китая способ выбраться из исторической западни, колебаний между порядком и “смутой” (*дунлуань*){135}. Нам на Западе, где юристы чаще всего преследуют собственные интересы, странно видеть юристов, стремящихся к подобным радикальным переменам. Сейчас, однако, юристы (в 2007 году в Китае их насчитывалось лишь 150 тыс.) оказывают огромное влияние на быстро развивающуюся публичную сферу. Социологические опросы показывают, что они “желают политической реформы… и глубоко недовольны политическим статус-кво”. Это указывает не только на вмешательство государства, которому юристам часто приходится противостоять, но и на ненадежное экономическое положение. Высказывания вроде следующего, принадлежащего юристу из провинции Хэнань, напоминает о временах, когда юристы шли в авангарде перемен в англоязычном мире (и в южноазиатских антиколониальных движениях): “Верховенство права основано на

демократии; права основаны на верховенстве права; защиты прав не было бы без прав, а юристы обязаны их защищать”{136}.

Падение Бо Силая в 2012 году свидетельствует о том, что кое-кто в компартии прислушался к этим доводам. Чжан Яньшэн (генеральный секретарь научного совета при Государственном комитете по развитию и реформам), выступая в июне того же года в городе Шэньчжэнь, заявил: “Мы должны двигаться к реформе на основе норм и права… Если такая реформа не начнется, Китай ждет большая беда, ждут серьезные неприятности”{137}. Неизвестно, окажется ли успешнее предыдущих нынешний эксперимент по пересадке на китайскую почву сугубо западного представления о верховенстве права. Не зря Хэ Вэйфан предостерег китайцев от слепого копирования английской или американской правовых систем. “Один персонаж [Моток] в пьесе Шекспира «Сон в летнюю ночь» превратился в осла. Второй [Клин], увидев его, воскликнул: «Господь с тобой! Тебя преобразили»[16], – пишет Хэ. – Это очень напоминает перенос западной системы в Китай”. Общее право, пересаженное в китайскую почву, может оказаться в том же положении, что и бедный Моток: с ослиной головой, но не осел{138}.

Верховенство законников

Правовой ландшафт, как и улей политики, а также охотничьи угодья рыночной экономики, является неотъемлемой частью институциональной среды, в которой мы обитаем. Подобно природному ландшафту, он естественный продукт длительного процесса (своего рода юридическая геология). Впрочем, на местность можно взглянуть и глазами Капабилити Брауна[17], то есть улучшить ее. Или, напротив, испортить (иногда безнадежно) необдуманным утопическим планированием. Восточный сад можно разбить в Англии, а английский – на Востоке. Но существуют естественные пределы заимствования.

Цветущую местность могут погубить и естественные факторы. Мансур Олсон утверждал, что все политические системы со временем становятся жертвами склероза, главным образом из-за рентоориентированного поведения влиятельных групп{139}. Вероятно, именно это мы наблюдаем сейчас в США. Некогда американцы могли похвастаться тем, что их система является эталонной. Для всего мира США были воплощением верховенства права. Теперь мы наблюдаем нечто иное: “верховенство законников”. Отнюдь не случайно среди конгрессменов столько юристов. Хотя их доля в Сенате уменьшилась по сравнению с началом 70-х годов, когда она составляла 51 %, сейчас она тоже немаленькая – 37 %. В Палате представителей юристы тоже уже не занимают 43 % мест, как в начале 60-х годов, однако и 24 % – их нынешняя доля – значительно выше показателя английской Палаты общин (14 %){140}.

Олсон указывал: чтобы покончить с удушающим наследием непотизма и коррупции и упрочить верховенство права (в понимании Бингема и Дворкина), может потребоваться внешнее потрясение (например поражение в войне). Нужно молиться, чтобы США смогли избежать болезненной терапии. Но как реформировать систему, если она сгнила изнутри?

В главе 4 я покажу, что запрос на реформу (и там, где говорят по-английски, и там, где говорят по-китайски) должен исходить не из сферы общественных институтов, а от ассоциаций гражданского общества: от нас, граждан.

Глава 4
Общество гражданское и негражданское

Как вычистить пляж

Лет десять назад я купил дом в Южном Уэльсе. Своим неприветливым побережьем, вечно мокрыми площадками для гольфа, следами былого промышленного расцвета и едва различимыми сквозь дождик зелеными холмами эта местность напоминала мне родной Эршир – только чуть теплее, ближе к аэропорту Хитроу и у местной команды по регби больше шансов одолеть сборную Англии.

Я купил дом главным образом потому, что хотел поселиться у моря. Но дело приняло неожиданный оборот: берег оказался безнадежно изгажен. Тысячи пластиковых бутылок покрывали песок и камни. На кустах шиповника трепетали целлофановые пакеты. Банки из-под пива и газировки ржавели в дюнах. Пакеты от чипсов носились по волнам, подобно медузам.

Откуда мусор? Отчасти это, конечно, заслуга местной молодежи. Но в гораздо большей степени виновато море. Я принялся (с растущим ужасом) читать о сбросе отходов в Мировой океан. Он (из-за того, что находится вне юрисдикции любого правительства) теперь напоминает свалку.

Пластик – в отличие от мусора, который попадал в воду в прошлом, – совсем не разлагается, почти не тонет и отдан на волю течений и ветров. К моему несчастью, течения и ветры Бристольского залива доставляют непропорционально большую долю североатлантического хлама прямиком на мой задний двор.

Озадаченный этим обстоятельством, я решил узнать у местных жителей, кто отвечает за уборку побережья. “Этим должен заниматься совет – он там, вниз по улице, – объяснил сосед. – Но он ничего не делает, видите?” Демонстрируя первые симптомы обсессивно-компульсивного расстройства я, отправляясь на прогулку, стал брать с собой мешок для мусора. Но исправить положение в одиночку я не мог.

Тогда я призвал на помощь волонтеров: приходите и помогите привести это место в порядок, а за ланч заплачу я. В первый раз явилось человек восемь-девять, и далеко не всех привела в восторг боль в спине и испачканные руки. Во второй раз дело пошло успешнее. Даже солнце выглянуло: такое здесь тоже случается.

Перелом произошел, когда за дело взялось местное отделение “Лайонс”. Прежде я не слышал об этом клубе. Он основан в Америке, как и “Ротари”. Оба клуба организовали около века назад бизнесмены из Чикаго, оба клуба – светские сетевые организации, члены которых посвящают время добрым

делам. “Лайонс” поставил дело на такой уровень, до которого мне было очень далеко. Побережье преобразилось. Пластиковые бутылки упаковывались и вывозились. С шиповника исчезли полиэтиленовые “вымпелы”. Мерой нашего успеха стало заметное увеличение числа гуляющих – из местных жителей и приезжих.

Приключение в Уэльсе продемонстрировало мне могущество института добровольной ассоциации. Сообща, спонтанно, безо всякого участия государства, без оглядки на выгоду, без принуждения и насилия мы вернули унылому захолустью былую красоту. Теперь всякий раз, когда я иду поплавать, я задаюсь вопросом: сколько еще задач можно решить столь же просто и блестяще?

Выше я попытался взломать несколько плотно закрытых ящиков с ярлыками “Демократия”, “Капитализм”, “Верховенство права”. В заключительной главе я возьмусь за четвертый ящик – “Гражданское общество”. Может ли подлинно свободная страна процветать без активного гражданского общества, к которому мы так привыкли? Хочу подчеркнуть, что противоположностью гражданского общества выступает общество негражданское, в котором даже проблема антиобщественного поведения становится государственной проблемой. И я сомневаюсь, что новые социальные сети (я говорю об интернете) в каком бы то ни было отношении заменят прежние, настоящие сети – из тех, которые помогли мне вычистить пляж.

Возрастание и убыль социального капитала

Алексис де Токвиль в книге “Демократия в Америке” пишет[18]:

> Америка сумела извлечь из права создавать объединения максимальную пользу. Там это право и сами объединения были использованы как мощное и действенное средство при достижении самых разных целей. Независимо от постоянных объединений, возникших в соответствии с законом и называемых коммунами, городами, округами, имеется множество других, которые своим рождением и развитием обязаны только воле индивидуумов. С первого дня своего рождения житель Соединенных Штатов Америки уясняет, что в борьбе со злом и в преодолении жизненных трудностей нужно полагаться на себя; к властям он относится недоверчиво и с беспокойством, прибегая к их помощи только в том случае, когда совсем нельзя без них обойтись… В Соединенных Штатах объединяются в целях сохранения общественной безопасности, для ведения торговли и развития промышленности, там есть объединения, стоящие на страже морали, а также религиозные. Всего может достичь воля человека, в свободном выражении себя приводящая в действие коллективную силу людей{141}.

Де Токвиль усмотрел в американских политических объединениях необходимый противовес тирании большинства, характерной для современной демократии. Однако в восторг его привели неполитические ассоциации[19]:

> Американцы самых различных возрастов, положений и склонностей беспрестанно объединяются в разные союзы. Это не только объединения коммерческого или производственного характера, в которых они все без исключения участвуют, но и тысяча других разновидностей: религиозно-нравственные общества, объединения серьезные и пустяковые, общедоступные и замкнутые, многолюдные и насчитывающие всего несколько человек. Американцы объединяются в комитеты для того, чтобы организовывать празднества,

> основывать школы, строить гостиницы, столовые, церковные здания, распространять книги, посылать миссионеров на другой край света. Таким образом они возводят больницы, тюрьмы, школы. Идет ли, наконец, речь о том, чтобы проливать свет на истину, или о том, чтобы воспитывать чувства, опираясь на великие примеры, они объединяются в ассоциации{142}.

А вот известный (и справедливо) отрывок, в котором де Токвиль указывает на разительный контраст между тем, как американские граждане объединились в рамках кампании против алкоголизма, и подходом к решению социальных проблем на его (Токвиля) родине[20]:

> Можно представить себе, что если бы эти сто тысяч людей [члены Американского общества трезвости] жили во Франции, то каждый из них самостоятельно обратился бы к правительству с просьбой, чтобы оно взяло под свой контроль все кабаки на территории королевства{143}.

Де Токвиль нисколько не преувеличил страсть Америки XIX века к добровольным ассоциациям. Историк Марвин Оласки приводит следующий пример. Объединение, связанное с 112 протестантскими церквями Манхэттена и Бронкса, на рубеже XIX–XX веков распоряжалось: 48 фабричными школами, 45 библиотеками и читальнями, 44 швейными школами, 40 детскими садами, 29 сберкассами и кредитными обществами, 21 конторой по трудоустройству, 20 спортзалами и бассейнами, 8 диспансерами, 7 круглосуточными яслями, 4 домами с меблированными комнатами. И это еще не принимая в расчет деятельность столь же многочисленных католических, иудейских и светских объединений{144}.

В континентальной Европе, как справедливо заметил де Токвиль, никогда не было ничего подобного. Эдвард Бэнфилд в книге “Моральные основания отсталого общества” противопоставил “аморальную семейственность” южноитальянского городка, названного им “Монтеграно”, бурной ассоциативной жизни Сент-Джорджа, штат Юта. Похожий ландшафт, похожий климат, разные институты. В “Монтеграно” имеется лишь одна ассоциация: карточный клуб, в котором состоят 25 зажиточных горожан. Имеется, кроме того, сиротский приют, который содержат монахини из старинного монастыря, однако горожане не делают ничего, чтобы помочь приюту или отремонтировать обветшавшую обитель{145}. Увы, как и опасался

де Токвиль, градус ассоциативной жизни в США заметно снизился.

Роберт Патнэм в своем бестселлере “Кегли в одиночку” привел длинный список показателей “социального капитала”, указав на его стремительную убыль в 60–70-х годах и в конце 90-х годов:

> 1) Посещаемость собраний для решения городских и школьных дел: уменьшилась на 35 %;
> 2) Отправление должности в каком-либо клубе или организации: уменьшилось на 42 %;
> 3) Участие в распорядительном органе какой-либо местной организации: уменьшилось на 39 %;
> 4) Количество членов школьных комитетов: уменьшилось на 61 %;
> 5) Средний показатель участия в 32 национальных объединениях (*chapter-based associations*): уменьшился почти на 50 %;
> 6) Количество членов мужских лиг боулинга: уменьшилось на 73 %{146}.

Теда Скочпол в работе “Затухающая демократия” (2003) напоминала, что в США пришли в упадок организации вроде “Элкс”, “Мус”, “Ротари”, да и мои друзья “Лайонс”, то есть все, кто столько сделал для объединения американцев с разным уровнем дохода и из разных классов{147}. Сходным образом (пусть с совершенно иных идеологических позиций) Чарльз Мюррей в превосходной книге “Порознь” (2012) объясняет, что упадок религиозной и светской ассоциативной жизни в сообществах рабочего класса – одна из главных причин снижения социальной мобильности и роста неравенства в современных США{148}.

Если настолько глубок упадок американского гражданского общества, на что уж надеяться европейцам? Англия казалась исключением из закона убыли социального капитала. Как и в США, XIX столетие явилось в Великобритании золотым веком ассоциативной жизни, “эпохой [по словам Джорджа М. Тревельяна] тред-юнионов, кооперативов и обществ взаимопомощи, лиг, советов, комиссий, комитетов для всех мыслимых затей в области культуры и филантропии”. Тревельян шутил, что “неохваченными не остались и бессловесные животные”{149}. Ежегодный валовой доход автономных некоммерческих организаций в 1911 году превысил государственные расходы, предусмотренные законодательством о бедных{150}. Абсолютное число бедолаг, которым помогали в 1871–1945 годах благотворительные организации, оставалось на

удивление постоянным[151]. Учреждение централизованной системы социального страхования и здравоохранения (шаг, рекомендованный Уильямом Г. Бевериджем) радикально изменило положение многих британских обществ взаимопомощи. Они либо превратились в органы государственной опеки, либо пришли в упадок[152]. В других сферах ассоциативная жизнь Британии оставалась кипучей. В 50-х годах XX века социологов все еще впечатляла живучесть этой сети добровольных обществ. По данным Питера Джеффри Холла, они во многом функционировали даже в 80-х годах. Отток наблюдался лишь в традиционных женских организациях, в некоторых молодежных объединениях и обслуживающих организациях вроде Красного Креста[153].

При внимательном рассмотрении живучесть уже не кажется бесспорной. Доклады Регистратора обществ взаимопомощи (1875–2001) позволяют оценить в долгосрочной перспективе деятельность обществ взаимопомощи (например рабочих клубов), кооперативных товариществ и строительных обществ (касс взаимопомощи и обществ ипотечного кредита). Пик активности таких объединений пришелся на 1914 год (36010), а максимальное число их участников – на 1908 год (33,8 млн человек). Заметим, что население Великобритании в то время составляло чуть более 44 млн человек.

В 2001 году насчитывалось немногим более 12 тыс. обществ. Данные 2001 года о членстве доступны лишь для 9 тыс. кооперативных товариществ: они объединяли 10,5 млн человек (при населении страны 59,7 млн)[154]. В 1899 году в Независимом ордене тайной братии Манчестерского устава, зонтичной организации для обществ взаимопомощи, состояло 713 тыс. человек, сейчас – 230 тыс.[155]. Более того, сравнительный анализ материалов “Всемирного исследования ценностей” показывает, что в мировом рейтинге волонтерского движения Великобритания опустилась с 9-го на 12-е место: доля граждан, принадлежащих к одной или нескольким добровольным ассоциациям, уменьшилась с 52 (в 1981 году) до 43 % (в 1991 году)[156]. Недавний опрос выявил дальнейшее падение (*рис.* 4.1), так что сейчас “играет в кегли поодиночке” даже больше британцев, чем американцев.

Легкость ведения бизнеса в различных странах в 2006–2012 гг. (количество дней для выполнения шести процедур)

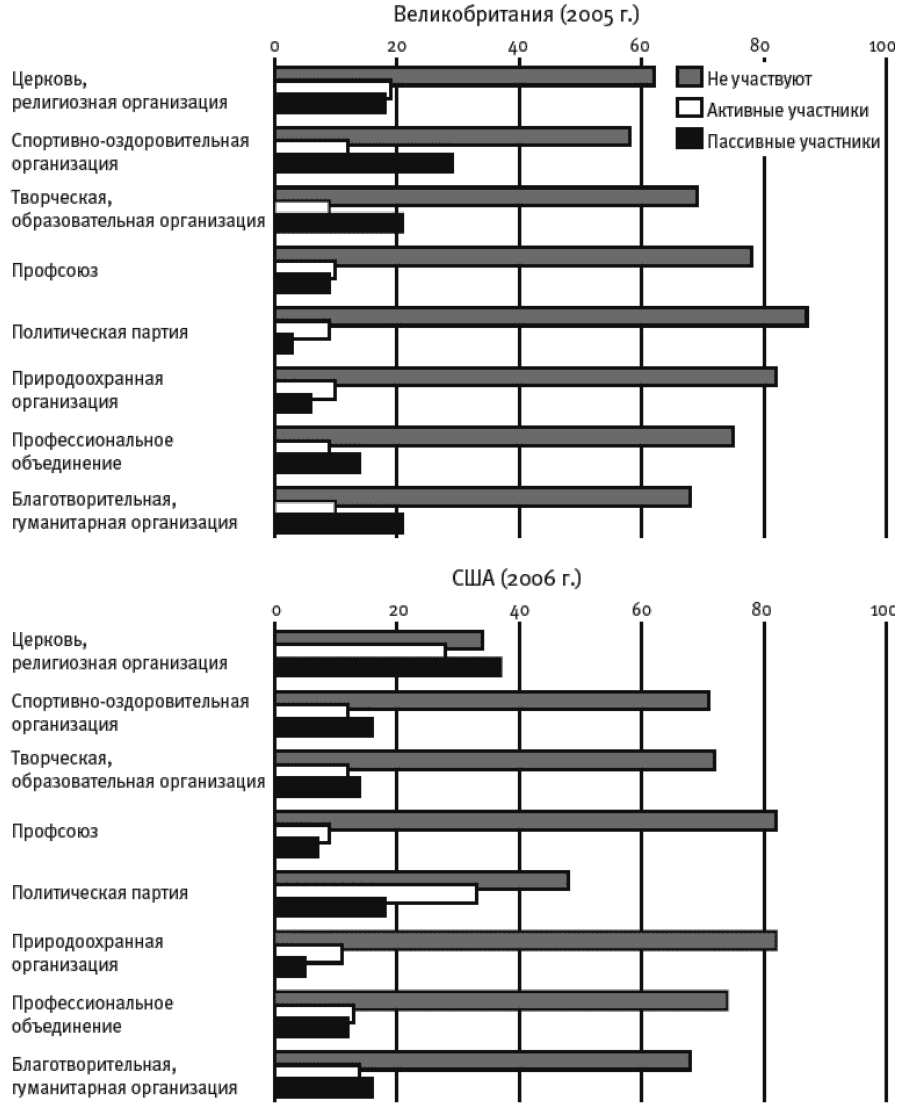

Рис. 4.1. Членство в общественных объединениях в Великобритании и США (2005–2006 гг.)

World Values Survey Association *World Value Survey* 1981–2008. См.: *http://www.wvsevsdb.com/wvs/WVSIntegratedEVSWVSvariables.jsp? Idioma=I.*

Убыль английского “социального капитала” хорошо заметна. Меньше стало не только членов политических партий и профсоюзов. В старых благотворительных организациях наблюдается заметный отток членов. Членство в организациях любого типа в 2007 году по сравнению с 1997 годом также уменьшилось.

По данным Национального совета по делам общественных объединений, “почти половина времени, отданной волонтерской деятельности, приходится всего на 8 % населения”{157}. В отношении сбора пожертвований на благотворительные нужды наблюдается сходная тенденция. Хотя средний размер пожертвования увеличился, доля жертвующих домохозяйств с 1978 года уменьшилась. Более трети объема пожертвований сейчас приходится на людей в возрасте 65 лет и старше (около 30 лет назад приходилось менее четверти объема). (В тот же период доля пожилых людей в структуре населения выросла с 14 до 17 %{158}.) Опросы рисуют поистине безотрадную картину{159}. Так, в 2009–2010 годах в Англии:

1) Лишь каждый десятый так или иначе участвовал в решении вопросов местного значения или в оказании таких услуг (например, исполнял обязанности члена школьного совета либо мирового судьи);

2) Лишь четверть населения так или иначе занималась формальной волонтерской деятельностью не реже раза в месяц (большинство граждан организовывало или помогало организовать какое-либо мероприятие, обычно спортивное, или участвовало в сборе необходимых для такого мероприятия средств);

3) Доля тех, кто принимал участие в неформальной волонтерской деятельности не реже раза в месяц (например, помогал пожилым соседям), упала с 35 до 29 % (не реже раза в год – с 62 до 54 %);

4) С 2005 года объем пожертвований неуклонно снижается.

Что происходит? По мнению Патнэма, главным образом новые технологии (сначала телевидение, а после интернет) прикончили традиционную ассоциативную жизнь в Америке. Я считаю иначе. “Фейсбук” и иже с ним построили сети обширные, однако слабые. “Фейсбук” с его 900 млн активных пользователей (в 2008 году их насчитывалось вдевятеро меньше) – хороший способ обмениваться сходными мнениями о чем угодно. Возможно, как указывают Джаред Коэн и Эрик Шмидт, последствия такого обмена окажутся революционными. Действительно ли “Гугл” или “Фейсбук” сыграли решающую роль в “арабской весне”, вопрос спорный{160}: ведь ливийцы не просто “расфрендили” Каддафи. Но сильно сомневаюсь, что сетевые сообщества смогут заменить традиционные формы ассоциации.

Смог бы я вычистить пляж, тормоша “френдов” или зарегистрировав в “Фейсбуке” новую группу? Вряд ли.

Исследование 2007 года показало, что большинство пользователей видит в “Фейсбуке” способ поддерживать связи со старыми друзьями – нередко с теми, кто теперь живет далеко. Исследователи выяснили, что люди в два с половиной раза чаще пользуются “Фейсбуком” с этой целью, а не чтобы завязать новые знакомства (а именно это мне и пришлось сделать, чтобы вычистить пляж)[{161}].

Но гражданское общество выхолостила отнюдь не техника.

Причину разглядел еще де Токвиль. В наиболее сильном, вероятно, отрывке из “Демократии в Америке” он описал общество будущего, лишившееся ассоциативной жизни[21]:

> Я вижу неисчислимые толпы равных и похожих друг на друга людей, которые тратят свою жизнь в неустанных поисках маленьких и пошлых радостей, заполняющих их души. Каждый из них, взятый в отдельности, безразличен к судьбе всех прочих: его дети и наиболее близкие из друзей и составляют для него весь род людской. Что же касается других сограждан, то он находится рядом с ними, но не видит их; он задевает их, но не ощущает; он существует лишь сам по себе и только для себя… Над всеми этими толпами возвышается гигантская охранительная власть, обеспечивающая всех удовольствиями и следящая за судьбой каждого в толпе. Власть эта абсолютна, дотошна, справедлива, предусмотрительна и ласкова. Ее можно было бы сравнить с родительским влиянием, если бы ее задачей, подобно родительской, была подготовка человека к взрослой жизни. Между тем власть эта, напротив, стремится к тому, чтобы сохранить людей в их младенческом состоянии… После того как все граждане поочередно пройдут через крепкие объятия правителя и он вылепит из них то, что ему необходимо, он простирает свои могучие длани на общество в целом. Он покрывает его сетью мелких, витиеватых, единообразных законов, которые мешают наиболее оригинальным умам и крепким душам вознестись над толпой. Он не сокрушает волю людей, но размягчает ее, сгибает и направляет; он редко побуждает к действию, но постоянно сопротивляется тому, чтобы кто-то действовал по своей инициативе; он ничего не разрушает, но препятствует рождению нового; он не тиранит, но мешает, подавляет, нервирует, гасит, оглупляет и превращает в конце концов весь народ в стадо пугливых

> и трудолюбивых животных, пастырем которых выступает правительство{162}.

Де Токвиль был, конечно, прав. Не техника, а государство с его соблазнительной перспективой “защиты от колыбели до могилы” – вот кто настоящий враг гражданского общества. Уже де Токвиль заметил (и осудил) первые попытки американского правительства возложить на себя обязанности некоторых из крупнейших ассоциаций. Окажется ли государство когда-нибудь в состоянии справиться с бесчисленным множеством мелких задач, которые американские граждане решают самостоятельно, с помощью ассоциаций? Де Токвиль указывал[22]:

> Чем больше власть станет подменять собой ассоциации, тем больше частные лица, забывая о возможности объединенных действий, будут испытывать потребность в помощи со стороны этой власти… Нравственность и умственное развитие демократического народа подверглись бы не меньшей опасности, чем его торговля и промышленность, в случае, если бы правительство полностью заместило собой союзы и ассоциации. Лишь в процессе общения людей человеческие чувства и идеи обновляются, сердца становятся благороднее, а интеллект получает развитие{163}.

Да будет так.

Приватизация школ

Чтобы оценить правоту мудрого француза, припомните: в скольких клубах вы состоите? Я, например, состою в трех клубах в Лондоне, в одном – в Оксфорде, в одном – в Нью-Йорке и в одном – в Кембридже (штат Массачусетс). Увы, я не слишком активен, однако плачу взносы и несколько раз в год пользуюсь клубными спортивными сооружениями, ресторанами и гостиницами. Я регулярно делаю пожертвования (увы, невеликие) двум благотворительным организациям. Я посещаю спортзал. Я делаю пожертвования футбольному клубу. Я, вероятно, самый активный выпускник образовательных учреждений, где я учился: частной школы “Академия Глазго” и оксфордского колледжа Св. Магдалины. Кроме того, я уделяю время школам, которые посещают мои дети, и университету, в котором я преподаю. Позвольте объяснить, почему меня заботит судьба этих независимых[23] образовательных учреждений.

Мнение, которым я намерен поделиться с вами, очень непопулярно. Однажды на завтраке, организованном газетой “Гардиан”, я поверг собравшихся в ужас, когда сообщил: мне кажется, что лучшими общественными институтами на Британских островах являются сейчас частные школы. (Разумеется, те, кто охнул громче всех, сами учились в частных школах.) Если я и одобрю единую образовательную политику, то лишь такую, которая ведет к заметному увеличению количества частных учебных заведений и одновременно поощряет ваучерные программы, выдачу дотаций на обучение и стипендий – чтобы как можно больше детей из нуждающихся семей смогли учиться в таких заведениях. Конечно, левые, не задумываясь, отвергнут мое предложение как “элитаристское”. Даже некоторые консерваторы, например Джордж Уолден, видят корень неравенства в частных школах: учреждениях столь вредоносных, что их нужно запретить. Позвольте мне объяснить, почему все эти люди неправы.

Около ста лет распространение модели государственного образования, вне всякого сомнения, шло на пользу. По мнению Питера Линдерта, школы составляли исключение, подтверждающее правило де Токвиля: американские штаты после 1852 года ввели местные налоги для финансирования всеобщего, по-настоящему обязательного школьного образования. За некоторыми исключениями, распространение в мире избирательного права моментально привело к заимствованию таких систем. С экономической точки зрения, система всеобщего образования дала высокую отдачу: производительность труда

работников, умеющих читать, писать и считать, гораздо выше{164}. Однако следует указать на ограниченность государственной монополии на образование, особенно в обществах, давно достигших массовой грамотности. Монополисты на рынке образовательных услуг испытывают те же трудности, что и любые монополисты: снижение качества из-за отсутствия конкуренции и засилья немногих “производителей”.

Какими бы ни были наши идеологические пристрастия, придется признать, что частные образовательные учреждения играют главную роль в установлении и поддержке образовательных стандартов по всему миру. Я не агитирую за частные школы и против государственных: нам нужны и те, и другие, поскольку “биоразнообразие” предпочтительнее монополии. Разумное соревнование государственных и частных заведений пойдет на пользу всем. Вот почему американские университеты, которым приходится действовать в условиях ожесточенной глобальной конкуренции, – лучшие в мире. (Согласно Шанхайскому рейтингу, 22 из 30 лучших университетов мира сосредоточены в США.) При этом американские средние школы (функционирующие в условиях монополии), как правило, плохи – судя по результатам, показанным в 2009 году в рамках Международной программы оценки образовательных достижений учащихся в возрасте до 15 лет. Стал бы Гарвард нынешним Гарвардом, если бы его национализировало федеральное правительство или штат Массачусетс? Думаю, вы и сами знаете ответ.

В Великобритании все наоборот. Университеты фактически приравнены к государственным учреждениям, несмотря на повышение в Англии и Уэльсе платы за обучение (она, впрочем, ниже причитающейся лучшим вузам). В то же время независимый сектор среднего образования живет и здравствует.

К чему это ведет? В отличие от элиты, у которой есть ресурсы и (или) честь, большинство университетов Великобритании сейчас в упадке: лишь 7 из них попали в свежий рейтинг лучших 50 вузов мира по версии “Таймс хайер эдьюкейшн”. При этом у нас едва ли не лучшее на планете среднее образование.

Сторонникам традиционной модели государственного образования следует усвоить вот что: ратуя за “бесплатные” публичные школы (как правило, посредственные), вы помогаете становлению системы действительно хороших частных школ (никто ведь не хочет выкладывать ежегодно 10–30 тыс. фунтов стерлингов за образование, которое лишь чуть лучше бесплатного){165}.

Занятно, что нынешними политическими мерами, принятыми

для повышения качества государственного образования, Англия обязана шотландцу. Майкл Гоув подхватил идею питомца Феттс-колледжа по имени Тони Блэр: превратить прозябающие школы в самоуправляющиеся “академии”. В 2010–2012 годах количество “академий” увеличилось всего с двухсот примерно до половины всех средних учебных заведений. Пример “Мосбурнской академии” (в лондонском Хакни) и “Академии Дюранта” (головная школа – в Стокуэлле, южный Лондон) показывает, чего можно добиться даже в небогатых районах при избавлении от удушающего контроля местных властей{166}. Еще плодотворнее идея “свободных школ”, учреждаемых родителями, учителями и так далее. (Именно так Тоби Янг наконец показал, как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей.){167} Учтите, что упомянутые школы не действуют как закрытые. Их, как и прежде, финансирует государство. Просто расширение их автономии стремительно привело к повышению стандартов и дисциплины, и учебы.

Левые порицают эти нововведения. (Многие депутаты-лейбористы с радостью отреклись бы от идеи “академии”.) И все же такова общемировая тенденция. Дальновидные государства отказываются от изжившей себя монополии и возвращают полномочия в сфере образования гражданскому обществу.

Многие считают, будто страны Скандинавии до сих пор держат курс на государство всеобщего благосостояния. Это не так. Лишь в Финляндии сохраняется жесткая государственная монополия на образовательные услуги, и ее успех – исключение, которое подтверждает правило. Швеция и Дания, напротив, первыми провели радикальную образовательную реформу. В Швеции благодаря смелой схеме децентрализации и ваучерного финансирования открылся ряд независимых школ. Датские “свободные школы” автономны. Они получают государственные гранты, исходя из количества учеников, и при этом вправе брать плату за обучение и добывать средства иными путями, если докажут, что это положительно сказывается на эффективности. (Аналогичные реформы привели к тому, что около двух третей голландских учеников посещает негосударственные школы.){168}

Сейчас в США более 2 тыс. чартерных школ (примерно то же, что “академии” в Англии – финансируемые государством, однако сохраняющие самоуправление) подарили шанс около 2 млн семей из беднейших городских районов. Организации наподобие “Саксесс экедеми” сталкиваются с поношением и запугиванием со стороны американских учительских объединений как раз потому, что более высокие стандарты чартерных школ угрожают нерадивым учителям и их подопечным. В прошлом году в нью-

йоркских государственных школах лишь 62 % учеников третьего, четвертого и пятого классов смогли сдать экзамены по математике. Новейший аналогичный показатель в гарлемской “Саксесс экедеми” составил 99 %. (А по естествознанию – 100 %[169].) И это не потому, что чартерные школы принимают на учебу лучших или имеют дело с самыми неравнодушными родителями. Гарлемская школа “Саксесс экедеми”, например, выбирает учеников по жребию. Дети учатся лучше оттого, что школа и подотчетна, и самоуправляема.

Необходимо, однако, сделать следующий шаг (даже Майклу Гоуву): увеличить количество школ поистине независимых (то есть самостоятельно себя финансирующих) и свободных (то есть самостоятельно набирающих учеников). Заметим, что шесть из десяти руководителей “академий” заявили в ходе опроса в марте 2012 года, что отраслевой коллективный договор не позволяет им платить лучшим учителям большее жалованье или увеличить продолжительность учебного дня, чтобы дополнительно заниматься с отстающими детьми[170]. С подобными трудностями частные учебные заведения сталкиваются повсеместно. В шведских компаниях вроде *Kunskapsskolan* (“Школа знаний”) учатся десятки тысяч детей. Бразильские сети частных школ наподобие *Objetivo, COC* и *Pitágoras* привлекают буквально сотни тысяч учеников. Но самый поразительный пример дает нам Индия. Джеймс Тули показал: лучшее образование, на которое можно рассчитывать маленьким обитателям трущоб в городах вроде Хайдарабада – это частные учебные заведения, поэтически названные “Королевская средняя школа”, средняя школа “Соловушка” (*Little Nightingale*) и католическая школа “Райские цветы” (*Firdaus Flowers*)[171]. Тули и его коллеги обнаружили похожие школы и в Африке. Их появление стало неизбежным ответом на ужасные государственные школы с абсурдно большим количеством учеников и сонными учителями, которые иногда просто не приходят на занятия.

Проблема Великобритании не в том, что у нас слишком много частных школ. Напротив, их мало. И если они лишатся статуса приобретателей благотворительной помощи, их станет еще меньше. Лишь около 7 % английских тинейджеров (примерно столько же в США) учатся в частных школах. Одна из причин, в силу которых азиатские тинейджеры превосходят английских и американских в стандартизированных тестах, такова: в Макао, Гонконге, Южной Корее, на Тайване и в Японии более четверти учеников посещает частные школы. Средняя оценка по математике, показанная там в рамках *PISA*, на 10 % выше, чем в Великобритании и США. Разрыв между ними и нами столь же

велик, как и между нами и Турцией. (На частные школы в Турции приходится менее 4 % учеников.)

Частное образование приносит пользу не только элите. Мартин Уэст и Людгер Весманн в 2010 году выяснили, что “увеличение приема в частные школы на 10 % улучшает показатели страны по математике… почти наполовину. Увеличение приема в частные школы на 10 % также сокращает общие расходы на ученика примерно на 5 % в среднем по странам Организации экономического сотрудничества и развития”{172}. Иными словами, расширение негосударственного образования означает повышение качества образования для всех. Прекрасный пример – то, как Веллингтонский колледж сейчас помогает финансируемой государством “академии”. Или как частные школы вроде “Регби” и “Академии Глазго” расширяют стипендиальные программы с целью увеличения доли учеников, за чье обучение платят сами эти школы.

Образовательная революция XX века привела к тому, что начальное образование стало доступным для большей части населения демократических стран. Цель образовательной революции XXI века состоит в том, чтобы качественное образование стало доступным все большей доле детей. И если вам это не по нраву, вы и есть истинный элитарист, желающий, чтобы дети бедняков оставались в дрянных школах.

Большее общество

Я взялся рассказывать об образовании, чтобы проиллюстрировать другой, более важный тезис: в последние полвека государство слишком далеко вторглось в сферу ответственности гражданского общества. Конечно, кое в чем – там, где частный сектор не преуспел (например в сфере начального образования) – такое вмешательство пошло на пользу. Но за это пришлось платить.

Подобно де Токвилю, я считаю, что спонтанная гражданская активность на местном уровне предпочтительнее централизованного государственного вмешательства – не только из-за того, что она результативнее, но, что гораздо важнее, из-за того, какое действие она оказывает на нас, граждан. Быть настоящим гражданином значит не только голосовать, зарабатывать деньги и воздерживаться от правонарушений. Благодаря включенности в общности более высокого порядка, нежели семья, мы усваиваем, как вырабатывать и соблюдать правила поведения: короче говоря, как нам устраивать собственную жизнь. Учить своих детей. Заботиться о нуждающихся. Бороться с преступностью. Содержать улицы в чистоте.

С тех пор, как в политический лексикон вошло словосочетание “большое общество”, им злоупотребляют. В июне 2012 года архиепископ Кентерберийский назвал его “вдохновенной чепухой, придуманной для того, чтобы замаскировать… отказ государства от своих обязанностей перед наиболее беззащитными”{173}. Даже глава Шотландского совета по делам общественных объединений Мартин Сим (человек, которому следовало бы верить в благотворное влияние тактики “помоги себе сам”) отозвался о “большом обществе” как о “вредоносном ярлыке… уловке тори, прикрытии для урезания бюджета”{174}. Вы, конечно, догадались, что мне самому больше, чем упомянутым джентльменам, нравится мысль, что наше общество (и не только оно) выиграет от расширения частной инициативы и уменьшения зависимости от государства. Если на этом сейчас настаивают консерваторы – так тому и быть. Когда-то это было сутью либерализма.

Выше я указывал на глубокий кризис институтов (экономических, политических и культурных), которым обязана успехом наша цивилизация. Я вижу в кризисе государственного долга (серьезнейшей проблеме западной политики) признак предательства по отношению к будущим поколениям: нарушение

общественного договора, о котором писал Эдмунд Берк. Мне кажется, желание в будущем избежать финансового кризиса при помощи сложного регулирования указывает на глубокое непонимание сути рыночной экономики (порок, которым отнюдь не страдал Уолтер Бэджет). С моей точки зрения, столь важное и для демократии, и для капитализма верховенство права грозит выродиться в “верховенство законников” (на эту опасность указывал Диккенс). Наконец, я думаю, что наше гражданское общество, некогда живое и активное, теперь в состоянии распада – не столько из-за развития техники, сколько из-за притязаний государства. Об этом европейцев и американцев давно предостерегал де Токвиль.

Мы, люди, живем в сложной институциональной матрице. У нас есть государство. Есть рынок. Есть право. И еще гражданское общество. Когда-то (мне очень хочется указать на эпоху шотландского Просвещения) эта матрица удивительно хорошо работала и каждый комплекс институтов дополнял и укреплял остальные. Именно это, мне кажется, и обусловило успехи Запада в XVIII, XIX и XX веках. Сейчас эти институты требуют починки. Нам предстоит отладить их, обратить вспять Великое вырождение и вернуться к фундаментальным принципам воистину свободного общества, о которых я рассказал с некоторой помощью великих мыслителей прошлого. В общем, *пришло время вычистить пляж*.

Заключение

Как объяснить неравенство?

Почему одни страны гораздо богаче, чем другие? Почему уровень реальной заработной платы (то есть зарплаты с учетом стоимости жизни) в одних странах выше, чем в других? Перед Первой мировой войной реальная зарплата в Лондоне была более чем в 7 раз выше, чем в Кантоне. Двумя веками ранее уровень был примерно одинаковым (хотя имелись различия в структуре потребления)[175]. При этом в 1700–1900 годах наблюдалась глобализация мировой экономики. Началось невиданное прежде движение капитала, товаров и рабочей силы. Сейчас, на новом этапе глобализации, также заметны различия. Зарплата в китайской промышленности уже не в 20 раз меньше, чем в США, как было в 2005 году: предполагается, что в 2012–2015 годах она вырастет с 1/10 до 1/5 американского показателя. А если принимать в расчет паритет покупательной способности, то разрыв окажется еще меньшим. Количество бигмаков, которые сотрудник “Макдоналдс” может купить на заработанное им за час, в США лишь четырехкратно превышает китайский уровень[176]. И все-таки пока это заметный разрыв.

Хотя единодушно считается, что указанные различия связаны с неравной совокупной производительностью факторов производства, согласия касательно причин такого неравенства нет. Теории, подчеркивающие роль географических и климатических условий, массовых заболеваний и природных ресурсов, в XXI веке звучат куда менее убедительно, чем звучали в XVIII-м.

Научно-технический прогресс и интеграция рынков “отменили” расстояния, климат и микробов, а обеспеченность полезными ископаемыми обернулась почти проклятием. Расистские рассуждения о разнице в умственном развитии или врожденном трудолюбии уже никто всерьез не принимает. Говорили о различии коэффициента интеллекта представителей генетически родственных популяций (например жителей Западной и Восточной Германии до 1991 года или ирландцев, живущих в Ирландии, и американцев ирландского происхождения около 1970 года). Можно также отметить гораздо более быстрый рост среднего коэффициента интеллекта, чем могут объяснить биологи[177]. Довольно долго социологов занимала роль религии, культуры, “национального характера”, однако экономическая история показывает, что переход от бедности к богатству, как правило, происходит слишком неожиданно и в слишком разных культурных условиях, чтобы с этих позиций можно было о нем

рассуждать.

Как бы то ни было, экономическое неравенство внутри стран довольно велико – порой оно не меньше, чем между разными странами. В 2007 году средний доход американца, принадлежащего к “верхнему” 1 % населения, в 30 раз превышал средний доход остальных 99 %. Этот показатель в последние годы очень изменился (но, в отличие от межстранового, внутристрановое неравенство выросло, а не снизилось). В 1978 году представители высшего перцентиля были лишь вдесятеро богаче остальных американцев. В современных США неравенство по многим показателям такое же, каким оно было в конце 20-х годов XX века{178}. В последние 35 лет выгодами экономического роста пользовалась в основном суперэлита. В период между Великой депрессией 30-х годов и Великой инфляцией 70-х годов ситуация была иной: в 1933–1973 годах среднедушевой доход 99 % американцев (до уплаты налогов) увеличился в 4,5 раза. А в 1973–2010 годах он снизился{179}.

Что все-таки происходит? Узкоэкономические объяснения, отдающие приоритет финансовым факторам (делевередж), международной интеграции (глобализация), информационным технологиям (офшоризация и аутсорсинг) и бюджетно-налоговой политике (“стимулирование” против “экономии”), не являются удовлетворительными. Нам придется углубиться в историю институтов, чтобы уяснить сложную динамику, присущую современному миру. Недостаток демократии (*гл.* 1), регуляторная уязвимость (*гл.* 2), “верховенство законников” (*гл.* 3) и негражданское общество (*гл.* 4) – вот гораздо лучшие объяснения того, почему на Западе сейчас менее интенсивный, чем прежде, экономический рост и большее неравенство. То есть – почему Запад в состоянии застоя.

Урбанизация и будущее

А теперь я поделюсь своим прогнозом. Чтобы ответить на вопрос, чем Западу угрожает институциональное вырождение, я воспользуюсь классификацией, предложенной бывшим министром обороны США Дональдом Рамсфельдом. Он выделил “знакомых знакомцев”, “знакомых незнакомцев” и “незнакомых незнакомцев”, “незнакомых знакомцев”. Эти сценарии сравнительно хорошо известны историкам. Все остальные люди их игнорируют.

Начнем со “знакомых знакомцев”. В отличие от законов физики и химии, в обозримом будущем едва ли сильно изменятся следующие обстоятельства: нормальное (*bell-curve*) распределение умственных способностей в популяции; присущие нам когнитивные искажения; биологические основы человеческого поведения. Мы можем также не сомневаться, что население планеты продолжит расти (и достигнет 9 млрд человек), причем почти исключительно за счет стран Африки и Южной Азии, а в остальных регионах доля пожилых людей в структуре населения увеличится. Сырья (например цветных металлов и редкоземельных элементов) останется сколько угодно. Тем не менее темп глобального распространения технологических новшеств скорее всего останется высоким, поэтому отток сельского населения в города усилится. В XXI веке на первый план выйдут “мегагорода” (конурбации с населением более 10 млн человек) в развивающихся странах. Сейчас уже имеется 20 “мегагородов”: шесть из них в Китае (крупнейший – Шанхай), три в Индии (крупнейший – Мумбаи), плюс Мехико, Сан-Паулу, Дака, Карачи, Буэнос-Айрес, Манила, Рио-де-Жанейро, Москва, Каир, Стамбул и Лагос. Согласно прогнозам Института Маккинси, они (вместе с 420 другими незападными городами) в 2012–2025 годах смогут вырабатывать почти половину всего объема экономического роста{180}.

Это заманчивая во многих отношениях перспектива. Физик Джеффри Уэст показал, что урбанизация положительно сказывается и на эффекте масштаба (в инфраструктуре), и на отдаче от масштаба (в человеческом потенциале): “Город… есть источник улучшения жизни. Это центр создания материальных благ, творчества, инноваций, изобретательства. Это восхитительное место. Город – это магнит, притягивающий людей”. Уэст и его коллеги из Института Санта-Фе выявили две любопытные статистические закономерности.

Во-первых, “всякий показатель, характеризующий

инфраструктуру… от общей длины улиц и дорог, а также линий электропередач, до длины газовых магистралей… масштабируется аналогично количеству автозаправочных станций". Чем крупнее город, тем меньше автозаправок требуется из расчета на душу населения. Эффект масштаба довольно постоянен: коэффициент равен примерно 0,85 (то есть если население города увеличивается на 100 %, то автозаправок требуется больше всего на 85 %). Во-вторых, и это удивительно,

> социоэкономические показатели вроде уровня заработной платы, количества образовательных учреждений, заявленных патентов и так далее повышаются… суперлинейно. Коэффициент, показывающий эффект масштаба… больше единицы, и это свидетельствует… об увеличении отдачи от масштаба… Отсюда следует: чем крупнее город, тем выше здесь заработная плата, больше образовательных учреждений, тем чаще здесь проводятся культурные мероприятия, тем больше оформляется патентов, тем восприимчивее среда к инновациям… Универсальный коэффициент равен примерно 1,15… То есть если население города последовательно удваивается – с 50 до 100 тыс., или с 1 до 2 млн или с 5 до 10 млн то наблюдается примерно 15-процентное увеличение производительности, количества патентов, исследовательских учреждений, уровня средней зарплаты… и 15-процентная экономия протяженности улично-дорожной сети и объема общей инфраструктуры{181}.

В крупных городах даже пешеходы расторопнее. Здесь непропорционально шире возможности трудоустройства. Наилучшим образом все это объясняет внешний эффект. Разумеется, у роста есть и негативные стороны, причем сопоставимого масштаба: преступность, болезни и загрязнение окружающей среды. Но если, как считают на Западе, мы сможем достаточно быстро внедрять новые технологии, наши "мегагорода" смогут избежать коллапса – или хотя бы отсрочить его[24].

Уэст показал, почему процесс урбанизации (которая, по сути, есть стержень цивилизации) более чем экспоненциальный. Хотя ученые собирали данные по всему миру, понятно, что урбанизация означает разное для Нью-Йорка и Лондона, Мумбаи и Лагоса. Авария энергосистемы на севере Индии в июле 2012 года, которая лишила света 640 млн человек, напомнила, что

“мегагорода” – это очень хрупкие сетевые образования. А история Нью-Йорка знает периоды (особенно конец 80-х годов, на которые пришелся пик насильственной преступности), когда отрицательные внешние эффекты почти перевешивали положительные.

Я подчеркиваю: эффекты урбанизации обусловлены институциональными рамками, в которых функционируют города. Там, где действенное представительное правление, динамичная рыночная экономика, верховенство права и независимое от государства гражданское общество, выгоды от высокой плотности населения превышают издержки. А там, где эти условия не соблюдаются, мы видим обратное. Иными словами, в надежных институциональных рамках урбанистические системы “антихрупкие” (по выражению Нассима Талеба): они приобретают не только устойчивость к потрясениям, но даже выигрывают от них (как Лондон во время “блица” 1940–1941 годов). А там, где институты ненадежны, урбанистические системы отличаются хрупкостью и могут обрушиться даже от сравнительно слабого толчка (как Рим, атакованный вестготами в 410 году).

Те, у кого заряжен револьвер – и те, кто копает

В спагетти-вестерне “Хороший, плохой, злой” есть сцена, отражающая нынешнее положение в мировой экономике. Персонажи Клинта Иствуда и Илая Уоллака нашли кладбище времен Гражданской войны, где спрятано золото. Иствуд смотрит на револьвер, потом на Уоллака, и произносит бессмертное: “На свете есть, друг мой, люди двух сортов – те, у кого заряжен револьвер, и те, кто копает”.

После мирового экономического кризиса государства разделились на две группы. У стран, которые располагают значительными активами, в том числе суверенными фондами (в настоящее время – объемом более 4 трлн долларов) и запасами твердой валюты (одни только развивающиеся страны аккумулировали 5,5 трлн долларов), в руках “заряженные револьверы”. А странам с огромным государственным долгом (сегодня он в совокупности достигает 40 трлн долларов) приходится “копать”. При таком положении вещей выгодно иметь богатые недра. Однако полезные ископаемые распределены несправедливо. По моим подсчетам, рыночная стоимость доказанных мировых запасов полезных ископаемых составляет около 359 трлн долларов, причем более 60 % объема полезных ископаемых принадлежит десяти странам: России, США, Австралии, Саудовской Аравии, Китаю, Гвинее (там богатые залежи бокситовой руды), Ирану, Венесуэле, ЮАР и Казахстану{182}.

Так мы попадаем в компанию *“знакомых незнакомцев”*. Мы не знаем, насколько увеличится предложение природных ископаемых (особенно в результате разведки в неосвоенных районах Африки) и научно-технических достижений (например усовершенствования метода гидравлического разрыва пласта). Мы не знаем и того, как финансовый кризис скажется на цене сырья и, следовательно, на желании осваивать новые источники топлива и сырья. Наконец, совершенно неизвестно, какое влияние окажет политика на сектор, более уязвимый для экспроприации и произвольного налогообложения, чем другие (в силу иммобильности активов). Известно, что неограниченное сжигание ископаемого топлива с большой вероятностью ведет к изменению климата, однако какими именно будут последствия, неизвестно. Мы не знаем также, когда они окажутся достаточно серьезными, чтобы вызвать осмысленную политическую реакцию. До тех пор

Запад будет фантазировать о “зеленой” энергии, а остальной мир – сжигать уголь так быстро, как успевают его добывать, вместо того чтобы принять меры, которые действительно уменьшат выброс углекислого газа в атмосферу: строить атомные электростанции и электростанции, потребляющие обогащенный уголь, переводить транспорт с бензина на газ, увеличивать средний показатель эффективности использования электроэнергии{183}. Все эти “знакомые незнакомцы” объясняют крайнюю волатильность рынка сырья с 2002 года.

Кроме того, к “знакомым незнакомцам” относятся землетрясения и порождаемые ими цунами (мы можем узнать, где они произойдут, но не в состоянии предугадать ни их цикличность, ни силу), а также пандемии, обусловленные столь же случайными мутациями вирусов наподобие гриппа. Можно сказать лишь, что в будущем землетрясения, цунами и болезни погубят гораздо больше людей, чем прежде, из-за растущей концентрации представителей нашего биологического вида в городах Азиатско-Тихоокеанского региона (они лежат, как правило, в тектонически небезопасных зонах). Если вспомнить также о проблеме распространения ядерного оружия, то, думаю, я вряд ли ошибусь, если назову современный мир местом куда более опасным, чем он был во времена холодной войны. Тогда главную опасность для человечества составлял поддающийся оценке риск наихудшего исхода простой игры для двух участников. Теперь риск мало поддается оценке. Таково следствие превращения биполярного мира в сетевой.

Поведение *“незнакомых незнакомцев”* предугадать невозможно. А как насчет *“незнакомых знакомцев”* – уроков истории, старательно игнорируемых большинством? В конце 2011 года руководителей около тысячи компаний, действующих в мировом масштабе, попросили назвать опасности, которые в следующие 30 лет будут угрожать росту быстроразвивающихся рынков. На первые четыре места бизнесмены поставили “пузыри” на рынке активов, политическую коррупцию, неравенство доходов и неспособность правительств обуздать инфляцию{184}. С точки зрения историка, в наше время незападным странам грозят скорее революции и войны: именно их в описанных ситуациях следует ждать. В основе революций лежит ряд факторов: резкий рост цен на продовольствие, молодое население, расширение влияния среднего класса, подрывная идеология, коррумпированность старого режима, слабый международный порядок. Все эти условия на Ближнем Востоке налицо. Разворачивается и исламистская революция, на Западе почему-то именуемая “арабской весной”. Опасаться здесь стоит войны, почти неизбежно

следующей за революцией такого масштаба. Статистика вооруженных конфликтов противоречит оптимизму Стивена Пинкера, который видит в истории постепенный уход человечества от насилия{185}. Мы знаем, где стоит ждать войны (как знаем, где может произойти землетрясение), однако не можем предугадать, когда она вспыхнет и насколько масштабной окажется.

Против технооптимизма

Революция и война – явления не новые. В XVIII веке взращенная Просвещением подрывная идеология породила две угрозы объявшей планету англоязычной империи. Подавляя революцию по обе стороны Атлантики, Великобритания (в основном из-за войн с революционной Францией) накопила очень большой государственный долг. К концу наполеоновской эпохи он достиг 250 % ВВП.

Последующая “разгрузка” экономики (в результате долг уменьшился до 25 % ВВП) стала, вероятно, самой успешной в истории. Причем инфляция не сыграла здесь никакой роли. Английское правительство в мирное время добивалось профицита бюджета благодаря фискальной дисциплине и темпам экономического роста, превышающим процентную ставку. “Прекрасный делевередж”[25] имел и темную сторону. Особенно выделяются середина 20-х годов и вторая половина 40-х годов XIX века: тогда политика строгой экономии привела к социальной напряженности и не смогла избавить Ирландию от массового голода. И все же процесс сокращения заемных средств совпал с главной фазой Промышленной революции – железнодорожным бумом – и территориальной экспансией Британской империи почти до исторического максимума. Урок таков: страна, пользующаяся плодами научно-технического прогресса и ведущая выгодную геополитическую экспансию, в состоянии развиваться и под бременем долгов{186}.

Способны ли нынешние США на такое? Сомневаюсь. Во-первых, все указывает на то, что при наличии крупного государственного долга очень трудно добиться дальнейшего роста. Кармен и Винсент Рейнхарт, а также Кен Рогофф изучили 26 случаев накопления “долгового излишка” – когда государственный долг развитых стран в течение минимум 5 лет составлял 90 % их ВВП. Выяснилось, что “долговой излишек” связан со снижением роста (на 1,2 процентного пункта ВВП) на протяжении долгих периодов (в среднем по 23 года) и вызывает снижение показателей производства почти на четверть{187}. Любопытно, что повышение фактической процентной ставки не обязательно отрицательно влияет на развитие. Важнее всего здесь нелинейное соотношение объема долга и показателей роста. Из-за того, что долговое бремя сказывается на показателях роста лишь тогда, когда долг превышает 90 % ВВП, привычка к дефициту укореняется прежде, чем стать пагубной. Эти данные должны озадачить тех кейнсианцев, которые предлагают

государственному сектору, уже имеющему долги, расширять заимствования в ответ на снижение совокупного спроса, обусловленного сокращением доли заемных средств в негосударственном секторе. Вызывает сомнения и то, что низкие процентные ставки по государственным обязательствам США сигнализируют рынку, что правительство может и должно взять в долг еще{188}.

Не стоит ждать и того, что США выведет из ступора некий технологический прорыв, сопоставимый с развитием сети железных дорог. Жестокая реальность такова. Сейчас, в 2012 году, кажется маловероятным, что в 2013–2038 годах мы станем свидетелями перемен в науке и технике более радикальных, нежели в 1987–2012 годах. Во-первых, на модернизации уникальным образом сказались окончание холодной войны и азиатское “экономическое чудо”: тогда наблюдалось внушительное сокращение трудозатрат и, следовательно, стоимости технических средств (и не забудем кандидатов наук, уехавших из СССР, чтобы наконец заняться чем-нибудь стоящим). Информационная революция, начавшаяся в 80-х годах, положительно сказалась на производительности в США (впрочем, не стоит преувеличивать ее значение), однако теперь мы испытываем на себе действие закона убывающей доходности (симптомы – дефляция вкупе с частичной безработицей, вызванной в том числе автоматизацией неквалифицированного труда). Таким же образом предполагаемые успехи медицины после секвенирования генома человека положительно скажутся на средней продолжительности жизни. Однако если нейронауки не достигнут сопоставимого прогресса (и мы научимся продлевать лишь физическое, но не психическое здоровье), экономические последствия окажутся негативными: просто увеличится число несамостоятельных пожилых людей.

Мои сомнения в “боге из машины” питает простое историческое наблюдение. Достижения науки и техники последних 25 лет не слишком впечатляют, если сравнить их с 1961–1986 годами (на тот период, кроме прочего, пришлась высадка человека на Луне). А достижения 1935–1960 годов еще замечательнее (например расщепление атомного ядра). По словам Питера Тиля (возможно, он единственный скептик в радиусе 100 км от Пало-Альто), “мы ждали летающих машин, а взамен получили 140 символов [максимальная длина сообщения в «Твиттере»]”. Скорость путешествий со времен “Конкорда” снизилась. “Зеленая” энергия нам не по средствам. И у нас недостает честолюбия объявить войну болезни Альцгеймера, хотя почти треть американцев в возрасте 85 лет страдает от

слабоумия{189}. Более того, “технооптимистам” придется объяснить, почему стремительный научно-технический прогресс прежде сопровождался масштабными конфликтами вооруженных идеологий. (Назовите страну с самой передовой наукой в 1932 году, если учитывать число нобелевских лауреатов в естественнонаучных областях? Правильно, это Германия.) Очевидно, что само по себе увеличение объема информации и ускорение доступа к ней ни хорошо, ни дурно. Знание – не всегда свет. Внешние эффекты не всегда положительны. В 30-х годах XX века наблюдался впечатляющий научно-технический прогресс. Однако он не покончил с Великой депрессией, а привел к грандиозной войне.

Усталость Соединенных Штатов от подавления восстаний и метод гидроразрыва, облегчивший доступ к ископаемому топливу (теперь с зависимостью от ближневосточной нефти может быть покончено к 2035 году), стремительно завершают сорокалетний период американской гегемонии на Ближнем Востоке. Никто не знает, кто или что заполнит вакуум. Ядерный Иран? Неоосманская Турция? Арабы-радикалы во главе с “Братьями-мусульманами”? Кто бы ни стал “царем горы”, он едва ли добьется своего без кровопролития. Попросите любого, кто связан с разведдеятельностью, перечислить главные угрозы нашей безопасности. Скорее всего этот человек назовет (кроме прочего) биологическое оружие в руках террористов, кибервойны и распространение ядерного оружия. Современные технологии вооружают радикально настроенных (или просто психически больных) индивидов и их группы. Неисторики быстро заметят приход очередного *“незнакомого знакомца”*: пик насилия наблюдается не тогда, когда приходят империи, а когда они уходят. Насилие может вспыхнуть и в самой метрополии. Согласно прогнозу “историометра” Питера Турчина, “следующий пик нестабильности [то есть насилия] в США придется примерно на 2020 год”{190}.

Это не вы его создали

Страны останавливаются в развитии, когда, по словам Адама Смита, их “законы и учреждения” вырождаются и течение экономических и политических процессов начинает определять рентоориентированная элита. Выше я попытался показать, что именно это и происходит в наши дни в ведущих странах Запада. Государственный долг стал способом для старшего поколения жить за счет молодежи и еще не родившихся сограждан. Законодательное регулирование стало настолько неработоспособным, что увеличивает хрупкость системы. Юристы, которые в динамичном обществе могут быть революционерами, в застойном становятся паразитами. А гражданское общество превращается в ничейную территорию, лежащую между интересами корпораций и вездесущим государством (*big government*). Это я и называю Великим вырождением.

Незадолго до того, как я закончил книгу, президент США объявил:

> Если вы добились успеха, вам помогал в этом кто-то другой. Вам встретился однажды прекрасный учитель. Кто-то помог построить невероятную американскую систему, которая… дала вам возможность преуспеть. Кто-то вкладывал деньги в строительство дорог и мостов. У вас есть бизнес? Это не вы его создали, а кто-то другой. Интернет появился не сам собой – он стал плодом исследований, которые проводились по заказу государства, и теперь всякая компания может зарабатывать на интернете… Есть вещи, такие как тушение пожара, которые мы не делаем в одиночку… Поэтому признаемся себе, что со времен основания этой страны… кое-что у нас лучше получается делать сообща. Именно так мы профинансировали закон [1944 г.] “О приоритетном праве ветеранов”. Так породили средний класс. Так построили мост “Золотые ворота” и Гуверовскую плотину. Так создали интернет. Так отправили человека на Луну{191}.

Вот он, голос государства в состоянии застоя: верховный мандарин обращается к своим подданным в далеких провинциях. Здесь неверна не посылка о взаимозависимости частного сектора и остальной экономики. Меня беспокоит вот что: неужели

государство создает малые предприятия или способно “породить средний класс”?! Еще подозрительнее то, что президент не упомянул ни о каком грядущем проекте, сопоставимом с указанными (пример “Манхэттенского проекта” еще удачнее названных, но, кажется, он не слишком политкорректен).

Довольно неприятно видеть, как Коммунистическая партия Китая рекламирует государственный капитализм. Но еще тяжелее слышать, как о нем говорит президент Соединенных Штатов. Это заставляет меня, среди прочих, тосковать по радостному, вселяющему уверенность утру 1989 года, когда казалось, что Запад одержал победу, а Великое возрождение не за горами.

Благодарности

Тексты, вошедшие в эту книгу, первоначально были озвучены мной в 2012 году на *BBC Radio* 4 в рамках проекта “Ритовские лекции”. Поэтому начну со слов признательности Гвинет Уильямс, пригласившей меня выступить с лекциями, Хью Левинсону, их отредактировавшему, а также продюсеру Джейн Бересфорд и ведущей Сью Лоули. Предыдущие лекторы установили планку “Ритовских лекций” настолько высоко, что взять ее – одна из труднейших задач, которые можно вообразить. Сотрудники Би-би-си сделали эту задачу не столь пугающей и гораздо более увлекательной, чем я ожидал.

Я также признателен помогавшей мне в этом проекте Ли-Энн Соу, лондонскому и нью-йоркскому редакторам Саймону Уиндеру и Энн Годофф, а также моему литературному агенту Эндрю Уайли.

Ряд искушенных друзей любезно согласились прочитать черновики моих лекций, а позднее и книги (особенно я хочу поблагодарить Шарля Беара, Гарольда Картера, Дугласа Флинта и Пола Такера). Я также благодарю своих коллег из консалтинговой фирмы “Гринмэнтл” Пьерпаоло Барбьери, Джошуа Лахтера, Гасана Малика и Джейсона Рокетта, которые прямо или косвенно повлияли на подготовку рукописи.

Исследователи, занимающиеся изучением институтов и экономического развития, упомянуты в тексте и в примечаниях. К сожалению, у меня нет возможности поблагодарить людей, задававших мне на лекциях дельные вопросы – я, несомненно, благодарен и им. Зато я могу поблагодарить учреждения, организовавшие лекции: Лондонскую школу экономики, Нью-Йоркское историческое общество, Грешем-колледж (Лондон) и Королевское общество Эдинбурга.

Я работал над лекциями в первые семь месяцев жизни своего младшего сына. Эту книгу я посвящаю ему.

notes

Примечания

1

Учитывая паритет покупательной способности, примем тот факт, что неторгуемые товары и услуги гораздо дешевле в Китае, чем в США. – *Здесь и далее, если не указано иное, – прим. автора.*

2

Согласно закону Мура (сформулирован в 1965 году одним из основателей “Интел” Гордоном Э. Муром), количество транзисторов в кристалле микропроцессора удваивается каждые два года.

3

Здесь и далее цит. по: Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Соцэкгиз, 1962. – *Прим. перев.*

4

“1066 *и все такое*” У.К. Селлара и Р.Дж. Йетмана – пародийная история Англии с нормандского завоевания до начала Первой мировой войны. – *Прим. ред*.

5

Перевод А. Субботина. – *Прим. перев*.

Я не рассматриваю здесь громадный долг домохозяйств, а также финансовых и нефинансовых корпораций, но если сложить частный и государственный долг, то бремя окажется беспрецедентным: в Японии – 512 % ВВП, в Великобритании – 507 %, во Франции – 346 %, в Италии – 314 %, в США – 279 %, а в Германии – 278 %.

Перевод С. Векслер под ред. А. Бабича. – *Прим. перев*.

8

Через несколько месяцев после военного переворота в Мали в 2012 году я встретил в Бамако американца-антрополога и поразился его замечанию: “Молодежь лишь начинает догадываться, что политический класс лишает ее будущего”. Осознание этого факта станет главным фактором, влияющим на американскую политику.

Они подчинялись – в США – кроме прочего, положениям законов “О надзоре за международным кредитованием” (1983), “О реформировании, оздоровлении и контроле над финансовыми учреждениями” (1989) и “О совершенствовании деятельности Федеральной корпорации по страхованию банковских депозитов” (1991).

Перевод С. Соболь. – *Прим. перев.*

11

Перевод Ф. Сологуба. – *Прим. перев.*

Государства, усложняющие новым компаниям выход на рынок, теряют в качестве продукции. Здесь гораздо выше уровень коррупции, а объем черного и серого рынков больше.

13

Перевод М. Клягиной-Кондратьевой. – *Прим. перев.*

В будущей работе о “духе общего права” мы с Чарльзом Бирдом подробно проанализируем ход его эволюции исходя из постепенного изменения значения правовых концепций (вместо функционалистского, ограниченного сегодняшним днем подхода, свойственного Шлейферу и его коллегам).

Присутствие в списке Ирана служит напоминанием, что пользоваться такими материалами следует с осторожностью.

Перевод М. Лозинского. – *Прим. перев.*

17

Ланселот Браун (1716–1783) – английский ландшафтный архитектор. Прозван современниками “Капабилити” за то, что убеждал состоятельных клиентов в огромном потенциале (*great capabilities*) их угодий для воплощения собственных представлений о прекрасном. – *Прим. перев.*

Перевод И. Малаховой. – *Прим. перев.*

19

Перевод В. Олейника. – *Прим. перев.*

20

Перевод В. Олейника. – *Прим. перев.*

21

Перевод Б. Ворожцова. – *Прим. перев*.

Перевод В. Олейника. – *Прим. перев*.

23

Строго говоря, колледж Св. Магдалины входит в состав университета с государственным финансированием, на независимость которого правительство время от времени покушается. При этом указанный колледж сохраняет самоуправление и собственный эндаумент.

Уэст пишет: “Одна из неприятных сторон неограниченного роста, скорость которого увеличивается более чем экспоненциально, – та, что неограниченный рост ведет к коллапсу… Это обосновывается математически, с помощью понятия сингулярности (*finite time singularity*). Вы попадаете в точку сингулярности… и система… схлопывается”.

25

Выражение Рэя Далио, управляющего американским хеджевым фондом “Бриджуотер”, который исключительно успешно действовал во время финансового кризиса.

Комментарии

1

Fukuyama, Francis *The End of History and the Last Man* // National Interest, 16 (Summer 1989): 3–18.

McKinsey Global Institute *Urban World: Cities and the Rise of the Consuming Class*. June 2012.

McKinsey Global Institute *Debt and Deleveraging: The Global Credit Bubble and its Economic Consequences*. January 2010.

Berezin, Peter *The Weak U.S. Labor Market: Mainly a Cyclical Problem… for Now* // Bank Credit Analyst, 64, 1 (July 2012): 40.

5

См. например: Sachs, Jeffrey *The Price of Civilization: Reawakening American Virtue and Prosperity*. New York, 2011.

6

См. например: International Monetary Fund *Navigating the Fiscal Challenges Ahead* // Fiscal Monitor, 14 May 2010.

Atkinson, Anthony B., Piketty, Thomas, and Emmanuel Saez *Top Incomes in the Long Run of History* // Journal of Economic Literature, 49, 1 (2011): 3–71.

8

Credit Suisse *Global Wealth Databook*. October 2010. Tables 3–1, 3–3, 3–4.

9

См.: Baz, Jamil *Current Crisis Merely a Warm up Act* // Financial Times, 11 July 2012.

Ferguson, Niall *Too Big to Live: Why We Must Stamp Out State Monopoly Capitalism* // Adam Smith Review, 6 (2011): 327–340.

Enriquez, Juan *Medicine's Missing Measure* // Atlantic (May 2012). См.: *http://www.theatlantic.com/health/archive/*2012/05/*medicines-missing-measure/*257901/.

Stossel, John *I Tried to Open a Lemonade Stand* // Townhall, 24 February 2012.

Hertz, Tom *Rags, Riches, and Race: Intergenerational Income Mobility of Black and White Families in the United States* / In: Bowles, Samuel, Gintis, Herbert, and Melissa Osborne, eds. *Unequal Chances: Family Background and Economic Success*. New York, 2005. Table 10.

Murray, Charles *Coming Apart: The State of White America,* 1960–2010. New York, 2012.

Smith, Adam *The Wealth of Nations* (1776). Book I, ch. 8.

Ibid. Ch. 9.

17

См.: *http://blog.lgiu.org.uk*/2011/09/*on-libya-andinstitutions*/. Благодарю Лорда Маллох-Брауна за то, что обратил внимание на граффити в программе “Сегодня” на *BBC Radio* 4.

18

См.: Acemoglu, Daron, and James A. Robinson *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York, 2012.

19

Taverner, Richard *The Garden of Wysdome Conteynynge Pleasaunt Floures, that is to say, Propre and Quycke Sayinges of Princes, Philosophers and other Sortes of Me[n]. Drawe[n] Forth of Good Aucthours*. London, 1539, p. 6.

Данные из: Maddison, Angus *Statistics on World Population, GDP and Per Capita GDP,* 1—2008 *AD*. См.: *http://www.ggdc.net/ MADDISON/Historical_Statistics/ vertical-file_*02—2010.*xls*.

21

Данные Всемирного банка. См.: *http://data.worldbank.org/data-catalog/world-developmentindicators*.

Diamond, Jared *Guns, Germs and Steel: A Short History of Everybody for the Last* 13,000 *Years*. London, 1998. [Рус. пер.: Даймонд Д. *Ружья, микробы и сталь: судьбы человеческих обществ*. М.: АСТ: Corpus, 2010.] Также см.: Morris, Ian *Why the West Rules – For Now: The Patterns of History, and What They Reveal About the Future*. New York, 2010.

Pomeranz, Kenneth *The Great Divergence: China, Europe and the Making of the Modern World Economy*. Princeton, 2000.

North, Douglass C., Wallis, John Joseph, and Barry R. Weingast *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge, 2009.

Fukuyama, Francis *The Origins of Political Order: From Prehuman Times to the French Revolution*. New York, 2011.

Acemoglu, Daron, and James A. Robinson *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York, 2012. P. 4.

Ibid. Pp. 7–9.

Collier, Paul *The Bottom Billion*. Oxford, 2007. Pp. 50, 56; Collier, Paul *The Plundered Planet: How to Reconcile Prosperity with Nature*. London, 2010. Pp. 47f., 58.

Soto, Hernando de *The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else*. New York, 2000.

Soto, Hernando de *The Free Market Secret of the Arab Revolutions* // Financial Times, 8 November 2011.

Clark, J. C.D. *British America: What If There Had Been No American Revolution? /* In: Niall Ferguson, ed. *Virtual History: Alternatives and Counterfactuals*. London, 1993. Pp. 125–175.

32

Например см.: Jones, J.R. *The Revolution in Context* / In: J.R. Jones, ed. *Liberty Secured? Britain before and after* 1688. Stanford, 1992. P. 12.

Pincus, Stephen C.A., and James A. Robinson *What Really Happened during the Glorious Revolution?* // National Bureau of Economic Research Working Paper 17206 (July 2011).

Greif, Avner *Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade /* In: Ménard, C., and M. Shirley, eds. *Handbook of New Institutional Economics*. Dordrecht, 2005. Pp. 727–786.

Kuran, Timur *The Long Divergence: How Islamic Law Held Back the Middle East*. Princeton, 2010.

OECD *PISA* 2009 *Results: What Students Know and Can Do: Student Performance in Reading, Mathematics and Science*. Paris, 2010. P. 15. См.: *http://www.oecd.org/dataoecd/*10/61/48852548.*pdf*.

Ferguson, Niall *Civilization: The West and the Rest. London/New York*, 2011. [Рус. пер.: Фергюсон Ниал. Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира. М.: АСТ: Corpus, 2014.]

Allen, Robert C. *The British Industrial Revolution in Global Perspective*. Cambridge, 2009.

North, Douglass C., and Barry R. Weingast *Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-Century England* // Journal of Economic History, 44, 4 (1989): 803–832.

Kotlikoff, Laurence J., and Scott Burns *The Clash of Generations: Saving Ourselves, our Kids, and our Economy*. Cambridge, MA, 2012. P. 33.

Ibid. Pp. 30f.

Cardarelli, Roberto, Sefton, James, and Laurence J. Kotlikoff *Generational Accounting in the UK* // Economic Journal, 110, 467, Features (November 2000): F547–F574.

Reinhart, Carmen M., and Kenneth S. Rogoff *Growth in a Time of Debt*. NBER Working Paper 15639 (January 2010).

См.: Krugman, Paul *Reagan Did It* // New York Times, 31 May 2009.

Krugman, Paul *Financial Reform* 101 // New York Times, 1 April 2010. Также см.: Krugman, Paul *Punks and Plutocrats* // New York Times, 28 March 2010.

Krugman, Paul *Making Banking Boring* // New York Times, 9 April 2009.

47

Krugman, Paul *Egos and Immorality* // New York Times, 24 May 2012. Также см.: Krugman, Paul *Dimon's Déjà Vu Debacle* // New York Times, 20 May 2012.

Johnson, Simon, and James Kwak *Thirteen Bankers: The Wall Street Takeover and the Next Financial Meltdown*. New York, 2010.

Posner, Richard A. *The Crisis of Capitalist Democracy*. Cambridge, MA, 2010.

Wall Street Legend Sandy Weill: Break Up the Big Banks // CNBC.com, 25 July 2012.

Kynaston, David *The City of London*, vol. IV: *A Club No More,* 1945–2000. London, 2001.

Capie, Forest *The Bank of England:* 1950*s to* 1979. Cambridge, 2010. Pp. 589ff.

См.: Dimsdale, N.H. *British Monetary Policy since* 1945 / In: Crafts, N. F. R., and N.W.C. Woodward, eds. *The British Economy since* 1945. Oxford, 1991. P. 108.

Ferguson, Niall *Regulation and Deregulation in a Time of Stagflation: Siegmund Warburg and the City of London in the* 1970*s*. Paper presented at the European Association for Banking History, Brussels, 2010.

55

См. например: Lord Turner *After the Crises: Assessing the Costs and Benefits of Financial Liberalisation*. Fourteenth C.D. Deshmukh Memorial Lecture, Mumbai, 15 February 2010.

Lord Turner *Debt and Deleveraging: Long Term and Short Term Challenges* // Centre for Financial Studies, 21 November 2011.

Rockoff, Hugh *Upon Daedalian Wings of Paper Money: Adam Smith and the Crisis of* 1772 // NBER Working Paper 15594 (December 2009).

Pressler, Jessica *Look Who's Back* // New York Magazine, 8 April 2012. См.: *http://nymag.com/news/business/themoney/john-mack*-2012—4/*index*1.*html*.

Wallison, Peter *Dodd – Frank's Liquidation Plan is Worse than Bankruptcy* // Bloomberg, 11 June 2012.

Masters, Brooke *Big Banks Need Extra $*
566*bn, says Fitch* // Financial Times, 17 May 2012.

Darwin, Frances, ed. *The Life and Letters of Charles Darwin, including an Autobiographical Chapter*, vol. I. London, 1887, p. 83.

Bagehot, Walter *Lombard Street: A Description of the Money Market*. London, 1896 [1873], p. 11.

Ferguson, Niall *An Evolutionary Approach to Financial History* // Cold Spring Harbor Symposia on Quantitative Biology, 74 (2010), pp. 449–454.

Weber, Robert F. *Structural Regulation as Antidote to Complexity Capture* // American Business Law Journal, 49, 3 (2012).

65

См.: Buchanan, Mark *Ubiquity: The Science of History… Or Why the World is Simpler Than We Think*. London, 2005.

Haldane, Andrew *On Tackling the Credit Cycle and Too Big to Fail* (January 2011). См.: *http://www.iiea.com/event/download_powerpoint?urlKey=andrew– haldane-on-fixingfinance*. Также см.: Hu, Henry *Too Complex to Depict? Innovation, "Pure Information" and the SEC Disclosure Paradigm* // Texas Law Review (June 2012). [Коды стран приведены по ГОСТ 7.67–2003: ГЕР – Германия, ДАН – Дания, ИСП – Испания, ФИН – Финляндия, ИРЯ – Ирландия, ИТА – Италия, ЯПО – Япония, ЛЮК – Люксембург, ПОР – Португалия, НИД – Нидерланды, ШВЕ – Швеция, СОЕ – США, ГРИ – Греция, КАЙ – Каймановы о-ва, АВТ – Австрия, АВС – Австралия, БЕЛ – Бельгия, КАН – Канада, ШВА – Швейцария.]

Nassim Taleb *Antifragile: Things that Gain from Disorder*. N. Y., Random House, 2012.

Kornai, Janos *The Socialist System: The Political Economy of Communism*. Oxford, 1992.

Bagehot *Lombard Street*, pp. 17, 160f.

Ibid. P. 165.

Ibid. Pp. 58f.

Ibid. P. 199.

Ibid. P. 235.

Ibid. P. 325.

Ibid. P. 321.

Kotlikoff, Laurence J., and John C. Goodman *Solving our Nation's Financial Crisis with Limited Purpose Banking*. Boston University Working Paper (15 April 2009). Также см.: Kay, John *Narrow Banking: The Reform of Banking Regulation*. Centre for the Study of Financial Innovation (2009).

Ferguson, Niall *Too Big to Live: Why We Must Stamp Out State Monopoly Capitalism* // Adam Smith Review, 6 (2011): 327–340.

Bagehot *Lombard Street*, p. 334.

Ibid. P. 336.

Morgenson, Gretchen *Lending Magnate Settles Fraud Case* // New York Times, 15 October 2010.

Chen Guangcheng *How China Flouts its Laws* // New York Times, 29 May 2012.

He Weifang *China's First Steps towards Constitutionalism* / In: *In the Name of Justice: Striving for the Rule of Law in China*. He Weifang, ed. Washington, DC: The Brookings Institution, 2012. Pp. 63–101.

Bingham, Tom *The Rule of Law*. London, 2010.

Wilson, Ben *What Price Liberty? How Freedom was Won and is Being Lost*. London, 2009.

Dworkin, Ronald *Law's Empire*. London, 1986. Pp. 166, 225.

Ibid. P. 346.

Dworkin, Ronald *Justice for Hedgehogs*. Cambridge, MA, 2011. P. 402.

North, Douglass C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge, 1990. P. 54.

Ibid. P. 59.

Greif, Avner *Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade* / In: Ménard, C., and M. Shirley, eds. *Handbook of New Institutional Economics*. Dordrecht, 2005. Pp. 727–786.

La Porta, Rafael, Lopez-de-Silanes, Florencio, Shleifer, Andrei, and Robert W. Vichny *Legal Determinants of External Finance* // Journal of Finance, 52, 3 (July 1997): 1131–1150.

Ibid.

La Porta, Rafael, Lopez-de-Silanes, Florencio, Shleifer, Andrei, and Robert W. Vichny *Investor Protection and Corporate Governance* // Journal of Financial Economics, 58 (2000): 3–27.

Djankov, Simeon, La Porta, Rafael, Lopez-de-Silanes, Florencio, and Andrei Shleifer *The Regulation of Entry* // Quarterly Journal of Economics, 117, 1 (February 2002): 1–37.

Djankov, Simeon, La Porta, Rafael, Lopez-de-Silanes, Florencio, and Andrei Shleifer *Courts* // Quarterly Journal of Economics, 118, 2 (May 2003): 453–517.

Botero, Juan C., Djankov, Simeon, La Porta, Rafael, Lopez-de-Silanes, Florencio, and Andrei Shleifer *The Regulation of Labor* // Quarterly Journal of Economics, 119, 4 (November 2004): 1339–1382.

La Porta, Rafael, Lopez-de-Silanes, Florencio, and Andrei Shleifer *What Works in Securities Laws?* // Journal of Finance, 61, 1 (February 2006): 1–32.

Djankov, Simeon, Hart, Oliver, McLiesh, Caralee, and Andrei Shleifer *Debt Enforcement around the World //* Journal of Political Economy, 116, 6 (2008): 1105–1149.

La Porta, Rafael, Lopez-de-Silanes, Florencio, and Andrei Shleifer *The Economic Consequences of Legal Origins* // Journal of Economic Literature, 46, 2 (June 2008). Pp. 285–332.

Ibid. P. 300.

101

He Weifang *The Ongoing Quest for Judicial Independence in China (*2001*) /* In: *In the Name of Justice: Striving for the Rule of Law in China*. He Weifang, ed. Washington, DC: The Brookings Institution, 2012.

Greif, Avner *Institutions and the Path to the Modern Economy*. Pp. 766–768.

103

См.: Lamoreaux, Naomi R., and Jean-Laurent Rosenthal *Legal Regime and Business's Organizational Choice: A Comparison of France and the United States during the Mid-Nineteenth Century* // NBER Working Paper 10288 (February 2004); Lamoreaux, Naomi R., and Jean-Laurent Rosenthal *Contractual Tradeoffs and SMEs' Choice of Organizational Form: A View from U. S. and French History,* 1830–2000 // NBER Working Paper 12455 (August 2006).

Guinnane, Timothy, Harris, Ron, Lamoreaux, Naomi R., and Jean-Laurent Rosenthal *Putting the Corporation in its Place* // NBER Working Paper 13109 (May 2007); Musacchio, Aldo *Experiments in Financial Democracy: Corporate Governance and Financial Development in Brazil,* 1882–1950. Cambridge, 2009.

Collison, David, Cross, Stuart, Ferguson, John, Power, David, and Lorna Stevenson *Legal Determinants of External Finance Revisited: The Inverse Relationship between Investor Protection and Societal Well-Being* // Journal of Business Ethics, 108 (2012): 393–410.

Dickens, Charles *Bleak House* (1852–1853). Ch. 1.

Slater, Michael *Dickens: A Life Defined by Writing*. New Haven, 2009. Pp. 340–358.

Danzig, Richard *Hadley v. Baxendale: A Study in the Industrialization of the Law* // Journal of Legal Studies, 4, 2 (June 1975): 267f.

Kostal, Rande W. *Law and English Railway Capitalism,* 1825–1875. Oxford, 1994.

Danzig *Hadley v. Baxendale*, p. 277.

Ibid. P. 252n.

Ibid. P. 254.

113

*Kleinwort Benson v. Lincoln City Council [*1999*]*. 2 AC349, Lord Goff at pp. 377 ff.

Howard, Philip K. *It's Time to Clean House* // Atlantic Monthly, 14 March 2012.

Howard, Philip K. *Results-Based Regulation: A Blueprint for Starting Over* // Common Good, 2 December 2011. См.: *http:// www.commongood.org/blog/entry/philip-k. – howard-on-the-needfor-results-based-regulation*.

Подсчитано на основе данных в: Brudnick, Ida A. *Congressional Salaries and Allowances*. Congressional Research Service report, 4 January 2011; Office of Management and Budget *Fiscal Year* 2013 *Budget of the U.S. Government* (Washington, DC, 2010); *the* 2013 *Federal Judicial Budget*. Также см.: Dudley, Susan, and Melinda Warren *Fiscal Stalemate Reflected in Regulators' Budget: An Analysis of the U.S. Budget for Fiscal Years* 2011 *and* 2012 // Regulators' Budget Report 33, 11 May 2011.

117

Данные за 2011 год см.: *http://www.opensecrets.org/lobby/index.php*.

Crain, Nicole V., and W. Mark Crain *The Impact of Regulatory Costson Small Firms*. Small Business Administration, Office of Advocacy (September 2010).

McQuillan, Lawrence J., Abramyan, Hovannes, and Anthony P. Archie *Jackpot Justice: The True Cost of America's Tort System*. San Francisco, 2007. P. xii.

McQuillan, Lawrence J., and Hovannes Abramyan *U.S. Tort Liability Index:* 2010 *Report*. San Francisco, 2010. P. 18. Cf. Towers Perrin 2009 *Update on U.S. Tort Cost Trends*. N. p., 2009.

Chimerine, Lawrence, and Ross Eisenbrey *The Frivolous Case for Tort Law Change: Opponents of the Legal System Exaggerate its Costs, Ignore its Benefits*. Economic Policy Institute Briefing Paper (May 2005).

Kennedy, David, and Joseph Stiglitz *Law and Economics with Chinese Characteristics: Institutions for Promoting Development in the Twenty-First Century*. Oxford University Press, 2013.

Porter, Michael E., Delgado, Mercedes, Ketels, Christian, and Scott Stern *Moving to a New Global Competitiveness Index /* In: World Economic Forum *Global Competitiveness Report,* 2008–2009. Geneva, 2009.

Porter, Michael E., and Jan W. Rivkin *The Looming Challenge to U.S. Competitiveness* // Harvard Business Review (March 2012); Porter, Michael E., and Jan W. Rivkin *Choosing the United States*, ibid.

World Economic Forum *Global Competitiveness Report,* 2011–2012. Geneva, 2011.

Heritage Foundation *Index of Economic Freedom* 2011. Washington, DC, 2011. См.: *http://www.heritage.org/index/ranking*.

International Finance Corporation *Doing Business* 2011. Washington, DC, 2011.

World Justice Project *Rule of Law Index* 2011. Washington, DC, 2011.

World Bank *Worldwide Governance Index*. См.: *www.govindicators.org*.

International Financial Corporation *Doing Business*. См.: *http://www.doingbusiness.org/*.

Haggard, Stephan, and Lydia Tiede *The Rule of Law and Economic Growth: Where Are We?* // World Development, 39, 5 (2011). Pp. 673–685.

См.: Trebilcock, Michael, and Jing Leng *The Role of Formal Contract Law and Enforcement in Economic Development* // Virginia Law Review, 92 (2006). Pp. 1517–1580, esp. pp. 1554–1575.

Acemoglu, Daron, and James A. Robinson *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York, 2012. Pp. 445f.

Clarke, Donald C. *Power and Politics in the Chinese Court System: The Enforcement of Civil Judgments* // Columbia Journal of Asian Law, 10, 1 (1996): 1–125.

He Weifang *Constitutionalism as a Global Trend and its Impact on China (*2004*) /* In: *In the Name of Justice: Striving for the Rule of Law in China*. He Weifang, ed. Washington, DC: The Brookings Institution, 2012.

Michelson, Ethan, and Sida Lui *What Do Chinese Lawyers Want? Political Values and Legal Practice* / In: Li Cheng, ed. *China's Emerging Middle Class: Beyond Economic Transformation*. Washington, DC, 2010. Pp. 310f., 316, 320, 328f.

Chen, Lulu *Mainland's Last Chance to Reform* // South China Morning Post, 3 June 2012.

He Weifang *Constitutionalism as a Global Trend and its Impact on China (*2004*) /* In: *In the Name of Justice: Striving for the Rule of Law in China*. He Weifang, ed. Washington, DC: The Brookings Institution, 2012.

Olson, Mancur *The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation and Social Rigidities*. New Haven/London, 1982.

Petersen, R. Eric *Representatives and Senators: Trends in Member Characteristics since* 1945 // Congressional Research Service, 17 February 2012; Manning, Jennifer E. *Membership of the* 112*th Congress: A Profile* // Congressional Research Service, 1 March 2011; Tetteh, Edmund *Election Statistics: UK* 1918–2007 // House of Commons Library Research Paper 08/12, 1 February 2008.

Tocqueville, Alexis de *Democracy in America*. Chicago, 2000. Book I, part 2, ch. 4.

Ibid. Book II, part 2, ch. 5.

143

Ibid.

Olasky, Marvin *The Tragedy of American Compassion*. Washington, DC, 1992.

Banfield, Edward C. *The Moral Basis of a Backward Society*. Glencoe, IL, 1958.

Putnam, Robert D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York, 2000.

Skocpol, Theda *Diminished Democracy: From Membership to Management in American Life*. Norman, OK, 2003.

Murray, Charles *Coming Apart: The State of White America,* 1960–2010. New York, 2012.

Hall, Peter *Social Capital in Britain* // British Journal of Politics, 29 (1999), p. 419.

Harris, José *Society and the State in Twentieth Century Britain* / In: F. M.L. Thompson, ed. *The Cambridge Social History of Britain* 1750–1950*, vol. III: Social Agencies and Institutions*. Oxford, 1990. P. 68.

Humphreys, Robert *Poor Relief and Charity,* 1869–1945. London, 2001. Tables 2.7, 3.2, 4.1, 4.2, pp. 55, 68, 105, 109.

Lewis, Jane *The Voluntary Sector, the State, and Social Work in Britain: The Charity Organisation Society and the Family Welfare Association since* 1869. London, 1995.

Hall, Peter A. *Social Capital in Britain* // British Journal of Political Science, 29 (1999), pp. 421f.

Ср.: *Friendly Societies* // British Medical Journal, 25 December 1909, и *Register of Friendly Societies*. Report of the Chief Registrar, 2000–2001. London, 2001.

Gosden, P. H. J.H. *Self-Help: Voluntary Associations in the Nineteenth Century*. Leeds, 1973. Tables 3.1, 4.5, pp. 42, 104.

Schofer, Evan, and Marion Fourcade-Gourinchas *The Structural Contexts of Civic Engagement: Voluntary Association Membership in Comparative Perspective* // American Sociological Review, 66 (December 2001), p. 808.

National Council for Voluntary Organizations *Participation: Trends, Facts and Figures* (March 2011), p. 18.

Cowley, Edd, McKenzie, Tom, Pharoah, Cathy, and Sarah Smith *The New State of Donation: Three Decades of Household Giving to Charity,* 1978–2008. Centre for Market and Public Organisation, University of Bristol (February 2011).

Rutherfoord, Robert *Community Action in England: A Report on the* 2009–2010 *Citizenship Survey* (December 2011); Rutherfoord, Robert *Community Spirit in England: A Report on the* 2009–2010 *Citizenship Survey* (December 2011).

Schmidt, Eric, and Jared Cohen *The Digital Disruption: Connectivity and the Diffusion of Power* // Foreign Affairs (November/December, 2010).

Ellison, Nicole B., Steinfield, Charles, and Cliff Lampe *The Benefits of Facebook "Friends": Social Capital and College Students' Use of Online Social Network Sites* // Journal of Computer-Mediated Communication, 12, 4 (2007). См.: *http://jcmc.indiana.edu/vol*12*/issue*4*/ellison.html*. Также см.: Ellison, Nicole B., Steinfield, Charles, and Cliff Lampe *Connection Strategies: Social Capital Implications of Facebook-Enabled Communication Practices* // New Media Society, 13, 6 (2011), pp. 873–892.

Tocqueville, Alexis de *Democracy in America*. Book II, part 4, ch. 6.

Ibid. Part 2, ch. 5.

Lindert, Peter H. *Voice and Growth: Was Churchill Right?* // Journal of Economic History, 63, 2 (June 2003), pp. 315–350; Lindert, Peter H. *Why the Welfare State Looks Like a Free Lunch* // NBER Working Paper 9869 (July 2003). Также см.: Sun Go, and Peter H. Lindert *The Curious Dawn of American Public Schools* // NBER Working Paper 13335 (August 2007).

Collier, Paul *Private v State: Here's How to Bridge the Educational Divide* // Independent, 14 January 2010.

The Horse before the Cart // Economist, 17 September 2011.

Education Reform: Back to School // Economist, 9 September 2011.

Justesen, Mogens Kamp *Learning from Europe: Parental Empowerment in the Dutch and Danish Education Systems*. Adam Smith Institute (2002).

169

Данные за 2010–2011 годы см.: *http://www.successacademies.org/page.cfm?p*=11.

The Ties that Bind // Economist, 28 March 2012.

Tooley, James *The Beautiful Tree: A Personal Journey into How the World's Poorest People are Educating Themselves*. Washington, DC, 2009.

West, Martin, and Ludger Woessmann *"Every Catholic in a Catholic School": Historical Resistance to State Schooling, Contemporary School Competition, and Student Achievement across Countries* // Economic Journal, 120, 546 (2010), pp. 229–255.

Helm, Toby, and Julian Coman *Rowan Williams Pours Scorn on David Cameron's "Big Society"* // Guardian, 24 June 2012.

Martin Sime Addresses the Big Society in Scotland Conference. 28 October 2011. См.: *http://www.scvo.org.uk/scvo-news/martin-sime-addresses-the-big-society-inscotland-conference/*.

Allen, Robert C., Bassino, Jean-Pascal, Ma, Debin, Christine Moll-Murata, and Jan Luiten van Zanden *Wages, Prices, and Living Standards in China,* 1739–1925*: In Comparison with Europe, Japan, and India //* Economic History Review, 64 (2011), table 3, p. 36.

Ashenfelter, Orley C. *Comparing Real Wages* // NBER Working Paper 18006 (April 2012).

Unz, Ron *Race, IQ and Wealth* // American Conservative (August 2012); Lynn, Richard, and Tatu Vanhanen *IQ and the Wealth of Nations*. Westport, CT, 2002.

Подсчитано на основе данных Эммануэль Саэс (*TabFig*2010.*xls*, fig. *A*1*b*). См.: *http://emlab.berkeley.edu/users/saez/*.

Ibid. См.: *http://emlab.berkeley.edu/users/saez/*.

McKinsey Global Institute *Urban World: Cities and the Rise of the Consuming Class* (June 2012), p. 20. Также см.: McKinsey Global Institute *India's Urban Awakening: Building Inclusive Cities, Sustaining Economic Growth* (April 2010).

West, Geoffrey *Why Cities Keep Growing, Corporations and People Always Die, and Life Gets Faster* // Edge, 17 July 2011. Также см. лекцию Уэста для *TED: http://www.ted.com/talks/geoffrey_west_the_surprising_math_of_cities_and_corporations.html*.

182

См.: Cohen, David *Earth's Natural Wealth: An Audit* // New Scientist, 23 May 2007. Расчеты, касающиеся углеводородного топлива, опираются на данные "Бритиш петролеум" и рыночные цены середины 2011 года.

Milken, Michael *Where's Sputnik? Summoning the Will to Create the Next American Century* // Milken Institute Review, 2nd Quarter (2011), pp. 1–20.

Ernst & Young *The World is Bumpy: Globalization and New Strategies for Growth* (2012). Fig. 4, p. 8.

Pinker, Steven *The Better Angels of our Nature: The Decline of Violence and its Psychological Roots*. New York, 2011.

Odlyzko, Andrew *Crushing National Debts, Economic Revolutions, and Extraordinary Popular Delusions*. University of Minnesota Working Paper (2012).

Reinhart, Carmen M., Reinhart, Vincent R., and Kenneth S. Rogoff *Debt Overhangs: Past and Present* // NBER Working Paper 18015 (April 2012).

Krugman, Paul *Money for Nothing* // New York Times, 26 July 2012.

Thiel, Peter *Swift Blind Horseman* // National Review, 3 October 2011.

Turchin, Peter *Dynamics of Political Instability in the United States,* 1780–2010 // Journal of Peace Research 1–15 (2012).

191

Речь, произнесенная в Роаноке (штат Виргиния) 13 июля 2012 года. См.: *http://www.whitehouse.gov/thepress-office/*2012/07/13/*remarks-president-campaign-eventroanoke-virginia*.